

СЛАВЯНСКИЙ МИР

Ф.И. Успенский

ПЕРВЫЕ СЛАВЯНСКИЕ
МОНАРХИИ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ
ЕВРОПЫ

Федор Иванович Успенский
Первые славянские монархии
на северо-западе Европы
Серия «Славянский мир»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56455569

*Первые славянские монархии на северо-западе Европы: Вече; Москва;
2019*

ISBN 978-5-4484-8262-5

Аннотация

«Славянам историей предложен был суровый и трудно разрешимый вопрос, решением которого они заняты еще и по настоящее время, вопрос о сохранении свободы, национальности и занятой ими территории...» Слова, написанные выдающимся русским историком Ф.И. Успенским полтора века назад, и сегодня сохраняют свой смысл. Это, вкупе с широтой охвата, эрудицией и вниманием автора к деталям, делает его труд ещё более интересным, тем более что прошлое западных славян нам плохо известно.

Содержание

Предисловие к изданию 2018 г.	5
Предисловие	14
Географический и этнографический очерк. Паннония под римским господством	18
I. Авары и славяне. Держава Само	29
II. Великая Моравия	50
Распространение господства франков к юго-востоку. Столкновение их со славянами. 790–830 гг.[28]	50
Собирание Моравии. Борьба с немцами за политическую независимость. 830–870 гг.	72
Стремление к церковной самостоятельности. Деятельность св. Кирилла и Мефодия[61]. 862–872 гг.	94
Церковная и политическая независимость Моравии. Князь Святополк собирает западных славян в одну державу. 870–894 гг.	120
Угры. Разложение Моравской державы. Угорский погром. 895–907 гг.	170
III. Объединение западных славян под чешскими князьями. 895–999 гг.	187
Собирание чешской земли[131]	187
Конец ознакомительного фрагмента.	203

Федор Иванович Успенский
Первые славянские
монархии на северо-
западе Европы

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие к изданию 2018 г.

Федор Иванович Успенский (1845–1928) прожил долгую и плодотворную жизнь, оставив заметный след в русской исторической науке.

Его младший современник и коллега Б.Т. Горянов в кратком биографическом очерке так описывал в 1947 г. ранние годы Ф. Успенского: «С 1854 по 1860 г. Ф.И. учился в Галичском духовном училище. По окончании училища осенью 1860 г. он поступил в Костромскую семинарию, которую окончил в числе первых учеников 31 июля 1866 г. Его происхождение из духовной среды, весь ход его образования как будто бы естественно приводили его на путь завершения его образования в духовной академии, о которой мечтали лучшие из учеников семинарий. Однако Ф.И. не привлекала духовная карьера. Со школьной скамьи он стремился к научной работе и мечтал о поступлении в Московский университет. В смысле формирования научных интересов Ф.И. большое влияние на него оказал его преподаватель истории в Костромской семинарии М.И. Горчаков, который впоследствии был профессором церковного права в Петербургском университете. Родители Ф.И. не могли отправить его за свой счет в университетский город, и для того, чтобы собрать средства на поездку, он поступил преподавателем русского языка в Галичское уездное училище. В результате целого го-

да работы, отказывая себе во всем, Ф.И. собрал 30 рублей и с этими деньгами отправился в Москву. На пароходе между Костромой и Ярославлем он случайно познакомился с одним пассажиром, от которого узнал, что в Петербурге открывается Институт истории и филологии, где студенты должны были содержаться за счет государства. Это сообщение заставило Ф.И. переменить направление и вместо Москвы отправиться в Петербург.

Прибыв в Петербург, Ф.И. встретился там с некоторыми земляками, которые усиленно стали советовать ему поступить в университет. Ко времени приезда в столицу у Ф.И. в кармане оставалось всего 15 рублей, и мысль о поступлении в новый институт, где он мог бы учиться, не заботясь о добывании средств к существованию, его очень соблазняла. Однако старая мечта об университете взяла верх, и Ф.И. оказался студентом историко-филологического факультета Петербургского университета.

Жизнь в университетском городе была для Ф.И. очень тяжелой. Он поселился очень далеко от университета, на Охте, где за уроки получил комнату и стол, и ради экономии должен был пешком ходить в университет. Родители к этому времени умерли, и Ф.И. приходилось помогать своим младшим братьям. В университете Ф.И. попал в среду наиболее выдающихся студентов...»

Решение написать научный труд по истории западных славян сложилось под влиянием выдающегося слависта В.И. Ламанского, сумевшего преодолеть сомнения и сопротивление студента-третьекурсника, который по скромности долго отказывался, но в конце концов уступил уговорам наставника и принял участие в конкурсе на соискание Кирилловской премии, объявленной Петербургским славянским благотворительным комитетом.

«Я падал под тяжестью этой трудной задачи и временами хотел от нее отказаться», – вспоминал в 1920 г. Ф.И. Успенский, уже будучи маститым ученым, профессором и членом Академии наук. Получившееся в итоге благодаря упорству и таланту автора, опиравшегося на поддержку В.И. Ламанского, который открыл молодому человеку доступ к своей библиотеке, сочинение по своему уровню «тянуло» отнюдь не на студенческую работу. Это было, говоря словами выдающегося русского византиниста В.Г. Васильевского, «лучшее

историческое обозрение судеб Польского и Чешского государства».

Удостоенная первой премии конкурса работа появилась в печати в 1872 г. под заглавием «Первые славянские монархии на северо-западе».

«Если бы мы имели десяток один-другой таких книг по славянской истории, – продолжал Васильевский, – то и образованная публика не могла бы жаловаться на недостаток доступных для нас общих сочинений по этому предмету, и публицистика не имела бы основания упрекать русских ученых в невнимании к потребностям общества». Книга Успенского действительно стала еще и одной из первых широко охвата научных работ, написанных доступным языком.

Конечно, по современным меркам, в работе встречаются ошибки. Так, при написании этого труда Успенский принимает за достоверный исторический источник т. н. Краледворскую рукопись, подлинность которой уже в те годы вызвала вопросы. Отсутствие археологических данных также порой подталкивает автора к не вполне верным выводам. Например, он был не вполне точен в установлении местонахождения города Девина, который был заложен еще римлянами и в виде остатков средневекового замка сохранился в одноименном районе Братиславы над местом слияния рек Дуная и Моравы. Но все это простительно, стоит лишь сделать поправку на дату написания труда молодого историка.

Впрочем, нельзя не признать, что и более новые, даже

вполне современные труды зачастую могут содержать серьезные ошибки, но при этом они не утрачивают своего значения и продолжают играть важную роль.

В дальнейшем научные интересы Ф.И. Успенского окончательно смещаются в сторону истории Византии. Магистерская диссертация Ф.И. Успенского «Никита Акоминат из Хон» была защищена им в 1874 г., после чего начинающий историк-византинист был избран в штатные доценты советом Новороссийского университета. Пять лет спустя появилась докторская диссертация («Образование второго болгарского царства»), следствием защиты которой стало присвоение ему звания профессора Новороссийского университета. В 1890 г. утверждён ординарным академиком Академии наук сверх штата.

9С12
С 506

СУДЬБЫ

ЧЕРВОНОЙ ИЛИ ГАЛИЦКОЙ РУСИ

ДО

СОЕДИНЕНИЯ ЕЯ СЪ ПОЛЬШЕЮ.

(1842).

ИЗДАНІЕ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

Как византинист в начале 90-х гг. XIX века Ф.И. Успенский выступил инициатором создания Русского археологического института в Константинополе, директором которого он стал в 1894 г. Также по инициативе и непосредственном участии Ф.И. Успенского при институте выходило научное издание – «Известия русского археологического института в Константинополе». На протяжении всех лет существования института Ф.И. Успенский проводил активные научные исследования по древней византийской истории и истории южных славян. Интерес к Византии чувствуется уже и в его первом большом труде, хотя основной его темой является западнославянские племена и их история.

29 декабря 1893 г. Федор Иванович стал членом-корреспондентом Академии наук, а 7 октября 1900 г. он был избран ее действительным членом. Вынужденный покинуть Турцию с началом Первой мировой войны, Успенский вернулся в Россию, а после революции, невзирая на преклонный возраст, начал, по его собственным словам, процесс «воссобирания рассыпавшейся было храмины византологии», не прекращая при этом и собственную научную деятельность. За десять лет Ф.И. Успенский опубликовал свыше сорока научных трудов.

В качестве приложения труд Ф.И. Успенского дополнен работой М.П. Смирнова «Судьбы Червонной или Галицкой

Руси до соединения ее с Польшей в 1387 г.», впервые изданной в 1860 г. Это небольшое сочинение представляет собой краткий и внятный обзор истории западных окраин так называемой Киевской Руси на основе летописных источников, начиная с ранних письменных свидетельств.

Предисловие

Покойный председатель петербургского отдела Славянского благотворительного комитета Александр Федорович Гильфердинг, имея в виду поощрить русских молодых людей к занятию славянской наукой, возбудил в Славянском комитете мысль об учреждении премии в память славянских просветителей, св. Кирилла и Мефодия. В 1868 г. к соисканию Кирилловской премии на тему «О трех первых попытках государственного объединения западных славян» приглашены были путем печати студенты наших университетов и духовных академий. Сроком подачи сочинений назначалось 1 января 1871 г.

170
~~IV~~³
7

ПЕРВЫЯ
СЛАВЯНСКІЯ МОНАРХІИ

НА

СЪВЕРОЗАПАДЪ.

Велоръ Успенскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Быв тогда студентом петербургского университета, я принял на себя смелость заняться посильным разрешением задачи Славянского комитета. В 1871 г. февраля 14-го дня представленная мною рукопись была удостоена первой кирилловской премии. Ввиду того что русская литература не представляет ничего целого об эпохе Кирилла и Мефодия, Славянский комитет тогда же назначил особую сумму на издание этого сочинения. Отчет о присуждении помещен в газете «Голос» за 1871 г.

При внимательном просмотре рукописи я убедился в необходимости более или менее значительных исправлений, которые и замедлили появление в печати моего труда.

Нет сомнения, что и теперь, выпущенная в свет, книга заключает в себе немало недостатков, допущенных частью по недосмотру, а частью сознательно, но по причине трудностей исправления. Более обработанными и строже обдуманнами сторонами этого труда я обязан моему глубокоуважаемому профессору Владимиру Ивановичу Ламанскому, который с любезной готовностью давал мне полезные советы и способствовал иметь под руками книги. За слабые стороны прошу благосклонного извинения у читателя.

Приятным долгом считаю выразить искреннюю признательность Славянскому комитету, вызвавшему и благосклонно принявшему мой слабый труд.

Федор Успенский

Географический и этнографический очерк. Паннония под римским господством

Историческая жизнь славян начинается сравнительно довольно поздно. Отдельные ветви славянского племени, расселившиеся на обширном пространстве Восточной Европы, от Адриатического и Балтийского моря до соседства с Азией, долго были в стороне от места деятельности римлян и сменивших их германцев. На историческое поприще славяне выступают тогда, когда франки и германцы, сплоченные в одну политическую единицу, начинают стремиться к востоку и становятся непосредственными их соседями. Тут славянам историей предложен был суровый и трудно разрешимый вопрос, решением которого они заняты еще и по настоящее время, вопрос о сохранении свободы, национальности и занятой ими территории. Как ни справедливо одним из самых крупных пороков славянства свои и чужие историки выставляют разъединенность, отсутствие политической дисциплины, в первую же эпоху исторической жизни славян были смелые и решительные деятели, умевшие соединить разрозненные элементы частью оружием, частью не прибегая к насилию, во имя освобождения от поработителей, надежды на лучшее будущее. Предметом нашего рассказа и бу-

дут первые попытки славян к объединению и первые славянские монархии, возникшие из (и для) противоборства с сильнейшими врагами. Это дела давно минувшие, первые шаги славян, отмеченные достоверною историей, роскошный цветок, дававший надежду на хороший плод, хоть и рано увядший от разных неблагоприятных влияний. Наш рассказ обнимает период жизни славян с VII по XI век. Так как дело происходит на пространстве довольно обширном, так как некоторые области, прежде занимаемые славянами, теперь заселены другими народами, то нелишне будет посмотреть на страну, населенную славянами, о которых предполагается вести речь. Первая по времени¹ славянская монархия образовалась в IX веке по почину моравских князей. Нелегко обозначить границы этой великой державы: у современных писателей встречаем одни только намеки, во всем своем величии моравская держава существовала весьма недолго. Но главное, почти непреодолимое, затруднение заключается в крайней скудости определенных данных относительно объема и протяжения первых славянских держав. Лишь по отдельным замечаниям часто враждебно настроенных летописцев можем мы судить о начальной исторической деятельности славян; при появлении же собственных, в довольно позднюю пору, эти первые шаги были уже забыты, и, по необходимости, историк должен обращаться к этим скудным

---

¹ Если не считать державу Само VII века, определить границы которой нет возможности.

известиям из «противоположного стана». Как увидим, уже с давнего времени мир славянский враждебно столкнулся с романо-германским миром. Взаимная ненависть не прикрывалась тогда благовидными предложениями, выработанными цивилизацией. Неудачные столкновения германских императоров со славянскими князьями-собирателями или прикрывались национальным пристрастием писателей, или же совсем не записывались; наоборот, фактам перевеса придавались несоответственные и неправдоподобные последствия. Большая часть франкских летописей того времени – записи придворные, составлявшиеся по предложениям королей, желавших славного описания своих подвигов. Известия о событиях должны были пройти большое пространство через людей, враждебно к славянам настроенных, и в таком, уже испорченном, виде ложились под перо летописцев. В особенности это можно сказать об известиях, касающихся политических дел славян, и особенно в те эпохи, когда славяне переходили из оборонительного положения в наступательное, образовывали союзное государство под одним верховным владыкою.

Зерно Великоморавского государства времен Ростислава и Святополка образовала Моравия. В состав ее, кроме собственно Моравии, входили на севере и юге земли от нынешней Силезии до Балатонского озера в Нижней Паннонии. На всем этом пространстве жили народы, составлявшие ветвь славянского племени, нынешние чехо-моравцы и словаки.

Южные границы Великой Моравии включали Нижнюю Паннонию. Римская провинция того же названия простиралась на западе до Винервальда или до Вены на Дунае; отсюда на юг, по прямой линии до Юлийских Альп, проходила черта между Птуем и Целью, которая, прорезывая Драву и Саву, образовала границу между Нориком и Паннонией, двумя большими римскими провинциями; восточная граница Паннонии шла по Дунаю, от впадения в него Савы и Тиссы, северная также по Дунаю. Провинция Паннония разделялась на Верхнюю и Нижнюю. Река Рааб и линия, идущая на восток от него, служила разделом Паннонии, так что северо-восточная часть от этой реки называлась Верхней, а западная – Нижней Паннонией. В каролингский период Паннония занимала те же границы, что и в римский. К Великой Моравии принадлежала вся Паннония, около 883 г. отнятая у франков моравским князем Святополком и соединенная им непосредственно с Моравией, хотя и ранее того у Балатонского озера княжили члены одного и того же рода с моравскими князьями. Южные границы Великой Моравии совпадали, следовательно, с границами Паннонии.

Строительство дороги. Фрагмент рельефа на колонне императора Траяна

На север от Дуная в состав Моравии входило княжество Нитранское; границы этого княжества на севере проходили по верховьям Вислы и Татрам, в соседстве с вислянами, на востоке до склона Карпат и отсюда к Дунаю до Лысой горы, на юге в состав его входила Паннония, западные границы примыкали к собственно Моравии.

Собственно Моравия состояла из областей, расположен-

ных по верхнему и среднему течению реки Моравы, из побережья рек Одры и Олавы (у верховьев), на северо-западе и западе Моравия соприкасалась с Чехией. Границу между Чехией и Моравией образовали здесь обширные леса, упоминаемые в современных грамотах. На юге границы Моравии сходились с границами чехов и баварцев, тут была Австрийская марка. На севере, за границами Чехии, от истоков Моравы и Лабы, в лучшую пору Великоморавской державы, было несколько славянских народцев, живших на Лабе, Одре и Висле, которые признавали над собою зависимость от моравских князей. В состав Великоморавской державы входила и Чехия в своих природных границах.

Таким образом, границы Великоморавской державы приблизительно можно определить так. На севере, за границами Чехии и Моравии, в состав ее входили области славян, живших по верховьям Вислы, Одры и среднему течению Лабы (Силезия) до пределов сербских; на востоке от верховьев Вислы до склона Карпат, отсюда к Дунаю, по Дунаю до Савы; на юге граница шла по Саве; на западе, по прямой линии между Птуем и Целью, суженная немецкими поселениями из Восточной, или Австрийской, марки, граница шла от Савы до Дуная, далее по реке Дые, захватывая Чехию, к *Saltus Hugasanus*, которым эта последняя граничила с немецкими военными поселениями (Богемская марка) и затем к саксонскому пределу и Рудным горам.

Соседи славян, вошедших в состав моравской монархии.

В то время как славяне жили еще маленькими общинами, дробившими их силы, значительная часть романо-германского мира объединена была династией Каролингов в одно государство. В IX веке ко времени образования Моравской державы, на восточных границах своих владений франки имели обширные военные колонии (марки) для наблюдения над славянскими народами и для утверждения господства в земле их. Вся пограничная линия, начиная от нижнего течения Лабы до Адриатического моря, представляла собой ряд крепостей, снабженных сильным гарнизоном, кругом которых располагались немецкие поселенцы из Саксонии, Тюрингии и Баварии. Против славян, живших между Одрой и Лабой, устроена была Северная марка. Со стороны сербов лужицких и чехов была марка Сербская и Чешская; со стороны Моравии и Паннонии Восточная, Ракузская и Верхнепаннонская, образовавшие после эрцгерцогство Австрийское; наконец, южная полоса до самого Триеста составляла Фурлянское воеводство. Восточными соседями моравских славян были болгаре. Взаимные границы тех и других соприкасались на Дунае и Тиссе; иногда болгаре становились орудием немецкого короля и вступали с ним в союз против славян, а иногда были в дружественных отношениях с моравскими князьями. На северо-востоке и севере соседями чехо-мораван были: слезане, ополяне, требовляне, боборане, дедоши, сербы лужицкие, висляне и другие народы ляшской

ветви славянского племени².

Окруженная с трех сторон горами, Моравия на юге лишена естественных границ; оттого-то подунайская равнина привлекала славянских поселенцев и скоро вошла в состав Великой Моравии. Южными своими частями Моравия открыта была для западноевропейской торговли и цивилизации, тогда как речная область – Одры и Вислы – представляла возможность сношений с народами, занимавшими огромную равнину от Урала до Черного моря.

Римское господство в Паннонии надолго оставило глубокие следы образованности и житейской мудрости этого народа. Походы римлян на варварские племена, жившие у Дуная, открываются с началом христианского летосчисления. При императоре Траяне Паннония получила прочное устройство, была разделена на Верхнюю и Нижнюю, состояла под управлением двух консулов. Делая завоевания, римляне умели их сохранять за собою посредством военных и гражданских учреждений в покоренных землях, стремились приучить побежденных к своим нравам и законам. Местные жители мало-помалу свыкались с римским общественным устройством, усвоили себе образованность, науку, искусства, язык и письмо, даже роскошный образ жизни римлян. Могущественным средством, которое употребляли римляне для распространения своей образованности между

---

² Ближайшие и более полные сведения об этих народах будут изложены по мере того, как они входят в рассказ.

побежденными, было переселение римских граждан в новые земли, устройство префектур, муниципий и собственно военных колоний из ветеранов. Древнейшие города, построенные римлянами на Дунае, были: Линц, Зальцбург, Вена, Петронелль, в подунайской равнине Брегетио, Сирмиум и др. Резиденция наместников Нижней Паннонии была, вероятно, в Среме, Верхней либо в Сабарии, либо в Карнунтуме (ныне Петронелль)³. Пограничные и внутренние гарнизоны были орудием центрального управления и посредниками мировой культуры; они образовали цепь, замыкавшую всю дунайскую равнину. Сношения между гарнизонами и связь составных частей пограничного войска облегчены были дунайским флотом. Он состоял частью из либурнских судов⁴ и был довольно многочислен, чтобы господствовать над речною областью. Четыре пристани было в Норике, пятая в Вене, или Карнунтуме, три в Паннония, из которых одна на Саве близ Срема. Во времена римского господства в Паннонии и Норике было от 60 до 70 тысяч постоянного войска. Во времена Тиверия римский язык был весьма распространен в Паннонии. Римские учреждения в варварских землях распространялись по направлению торговых дорог. Ни Средние, ни Новые века не созидали таких прочных дорог, какие имели римляне. От Аквилеи шли четыре главные дороги: западная

---

³ Stein am Anger в Угрии.

⁴ Либурния – часть Истрии; Либурния, или Тибурния, – главный город в Норике – в Дравской долине. См. у Pritz – III.

вела в Верхнюю и Среднюю Италию, восточная в Истрию и Далмацию, северо-восточная шла по двум направлениям – одна на Люблян и отсюда на Птуй к Дунаю, другая на Сисек и Срем в земли по Нижнему Дунаю; северная дорога пересекала Карнийские Альпы и соединялась с большою дунайскою дорогою; четвертая, через Карнийские Альпы, вела в Регенсбург и Аугсбург. Важнейшие места были связаны второстепенными ветвями дорог. Имея первоначально военную цель, эти дороги способствовали развитию торговли, распространению римского языка, образованности и христианства⁵. Подати в императорское время были очень высоки⁶; мы не знаем, сколько платила Паннония, но важнейшие производства и естественные богатства страны были правительственными регалиями. Сюда относятся: знаменитые золотые рудники в Норийских Альпах, мраморные копи близ Срема, около сербского Добриня и др.; на императорских фабриках употребляли пурпуровую краску. Торговля по Дунаю для варваров стеснялась строгими таможенными правилами, запрещался ввоз оружия за границу. Мало-помалу Паннония достигла известной степени благосостояния. Предание об этом сохранялось до времени Константина Порфирородного.

---

⁵ О римских дорогах – Pritz в указанном сочинении, s. 64–68; Büdinger, s. 18–20; Dudik – Mährens allgemeine Geschichte I, s. 70–784. Brünn, 1860.

⁶ С Галлии, например, при подчинении ее взято было приблизительно 2 860 000 талеров, при Константине 120 млн талеров, при Юлиане 33,5 млн.

Вместе с римлянами проникло сюда и христианство. Определенные известия о христианах в Паннонии имеются от IV века. Воздвигнутое Диоклетианом гонение на христиан коснулось Норика и Паннонии, в Лавреаке пострадало сорок исповедников христианства. Со времени Константина (312) христианство начало успешнее распространяться, а это повело к правильному устройству христианских общин. Лавреак сделался кафедральным епископским городом, Срем – митрополией всей Паннонии и Иллирика.

Гунны опустошают Паннонию, уничтожают следы римской цивилизации; после них подунайскою равниной владели разные немецкие народы, последними господствовали лангобарды. В 586 г. они передвинулись в Италию, оставив дунайские области народам другого племени. Хотя Паннония не имела уже тогда прежнего благоустройства, населенных городов, промышленности и т. п., но римские граждане долго еще упоминаются в грамотах, торговая деятельность, временно прерванная, возобновляется на Дунае и по римским дорогам⁷.

---

⁷ Предмет, которого мы коснулись, прекрасно разработан у Притца, с § 9 до 26.

I. Авары и славяне. Держава Само

Первый известный истории народ, поселившийся в областях к северу от Дуная, суть бойи – ветвь многочисленного и могущественного племени кельтского или галльского (ок. 388 г. до Р. Х.). Хотя бойи владели не одною нынешнею Чехией, но и смежными частями Баварии, Австрии и Моравии, имя их тем не менее приурочено во всей Западной Европе только в Чехии. Южные области от Дуная заняты были народами кельтского племени. Бойев вытеснили квады и маркоманы, овладевшие Моравией и Чехией; это была ветвь племени германского, доставлявшая немало хлопот римским императорам от I до конца IV века по Р. Х. Для отражения набегов их строились пограничные крепости, содержалось в Норике и Паннонии много солдат. С конца IV века начинаются постоянные вторжения немецких народов в римские области на Дунае. Движение их усилилось гуннами, народом монгольского происхождения, который в 366 г. появился в Южной Европе. Подчинив себе остготовов в равнинах Понта, гунны заняли Дакию, двинулись за Тиссу и через Дунай. Впереди них или вместе с ними с севера и востока ворвались в Паннонию подчиненные им германские и сарматские народы. Вследствие передвижения огромных масс народа на широком пространстве Европы, известного под именем Великого переселения народов, оставили перво-

начальные места своего жительства и славяне, многочисленное племя, издавна поселившееся на этом материке.

Не в одно и то же время все ветви славянского племени заняли те страны, в которых они живут теперь. Весьма вероятно, что с гуннами увлечено было много славян. Город Атиллы представляет в описании Приска черты славянские. Здесь встречаем и бани, и деревянный город, и мед, и просо, и напиток «камас», может быть, квас. У писателей долго употреблялось безразлично имя гуннов и славян; вообще, можно относить первоначальное переселение славян за Дунай, в восточную половину древней Мизии и нынешнюю Болгарию, к концу IV или началу V века. Переселение совершалось мирным путем и частью было поощряемо императорами. В продолжение трех веков (IV–VII) славяне расселились по Фракии до Адрианополя, по Македонии до Солуни, по Албании, Фессалии и Ливадии, перешли даже в Пелопоннес и на соседние острова. Заселение славянами земель на север от Дуная – нынешней Моравии и Чехии – случилось несколько позже. Квады и маркоманы оставили издавна обитаемую ими страну не ранее 451 г., когда Атилла, направляясь с 500 000 войска в Галлию, проходил Чехией и должен был или прогнать их, или взять с собою. Но в 494 г. часть герулов после поражения, понесенного от лангобардов, искала новых мест поселения на севере; при этом она проходила через земли, заселенные славянами, получив от них сво-

бодный пропуск⁸. Можно полагать, что в конце V века Моравия и Чехия были уже заняты ветвью славянского племени, чехо-мораванами. В 586 г. лангобарды идут из Паннонии в Италию, уступая место аварам и славянам.

Родственные гуннам и туркам авары двинулись⁹ около половины VI века из стран прикаспийских, перешли Волгу, покорили себе часть гуннов – утургуров и кутургуров – на Азовском море, боролись со славянами-антами на Днестре и беспокоили славян, живших на Днестре. На Лабее перешли они франкскую границу и здесь одержали победу над королем Сигибертом. Приглашенные лангобардами на помощь против гепидов, они овладели землей гепидов, а потом Паннонией и Угрией, когда лангобарды ушли в Италию. Владея землями на огромном протяжении, авары основали на Дунае и Тиссе, под долголетним правлением Баяна, сильное государство. Авары являются в Европе совершенными хищниками. Предводитель их, каган, хвалясь своею силою, с пренебрежением относится ко всем другим народам. Иноземные послы по несколько дней выстаивали перед палаткой хана в ожидании, когда ему заблагорассудится позвать их. Если предмет посольства ему не нравился, он осыпал посла и его повелителя презрительными словами, приказывал раз-

---

⁸ Procopius. De bello Gothico II, 15. III. 40. sq. Muratori Script, rer. Italie. Герулы занимали в это время Паннонию.

⁹ Византийск. изв. у Serimer, Memoriae Populorum. Пособия; Шафарик, т. II, кн. 1, 91 и сл. Zeuss, s. 727–743. Büdinger, 1. S. 61–78; Pritz, I. § 26.

грабить его имущество. От союзников он требовал денег, от подданных – рабской службы, предпринимал постоянные походы на соседние страны, чтобы занять и обогатить добычей своих воинов. Иногда он бывал великодушен: несколько тысяч византийцев, освобожденных им из славянского плена, выпускает на свободу без всякого выкупа; в другой раз торгуется в цене за каждого пленного и, не получив выкупа, хладнокровно убивает тысячи пленников. В припадке добродушия предлагает жителям осажденного византийского городка съестные припасы на Пасху и требует, взамен своей обязательности, табаку, щадит город Анхилаус, целебные воды которого помогли любимейшей из его жен. Узнав, что при императорском дворе содержатся редкие звери, просит себе в подарок слона: император посылает самого красивого из своих слонов, но каган отправляет его назад и требует золотого престола. Получив и престол, возвышает сумму платимой ему империей дани. В 582 г., в мирное с империей время, соединяет мостом из судов два города на Саве: Срем и Белград. Римские начальники города просят у него объяснений. Для успокоения их он приносит клятву: «Пусть я и народ мой погибнем от меча, пусть небо обрушится на нас, гром поразит, горы и леса покроют, пусть воды Савы потопят нас, если мы причиним какое зло императору». Когда был готов мост, он приказывает сказать: «Нечего императору заботиться о городе, пусть он отзовет войско и выведет жителей, город для него уже почти потерян!»

Деталь серебряного кувшина из Сент-миклошского клада с изображением аварского (?) всадника, ведущего пленного

Авары делились на колена и роды. Мужчины были высокого роста и крепкого сложения. Железные и кожаные пан-

цири покрывали грудь всадника и лошади; на быстрых конях, подобно вихрю, появлялись они в стране и также быстро исчезали. Перед сражением употребляли разные средства, чтобы напугать и спутать неприятеля; первый натиск врага выдерживали всегда подчиненные им народы, которых они ставили впереди главного войска. Сами вступали в дело только тогда, когда ослабевал передовой отряд их или когда нужно было гнать и грабить побежденных неприятелей. Осадное искусство им не было известно; пленные византийцы приготавливали осадные машины, с которыми появлялись авары под укрепленными городами империи; речные суда строили им славяне, морские – лангобарды. Так, искусством подчиненных народов пользовались авары в военном деле; только в укреплении собственной земли они не пользовались чужими трудами. Места своего жительства авары окружали на большом протяжении окопами, изгородями, и укрепленная таким образом местность у современных писателей носила название хринга. Укрепление, образующее хринг, сделано было из дубовых, буковых и сосновых деревьев и имело до 20 футов в высоту и ширину. Маленькие проходы в этом укреплении вели в самый хринг. Хринги располагались один от другого приблизительно на пространстве десяти миль. Селения аварские внутри хрингов располагались таким образом, чтобы из одного селения можно было услышать человеческий голос в другом. Таких хрингов особенно много было в паннонской долине; два в конце VIII века находились в

нынешней Нижней Австрии; насыпи в Чехии, в Быдзовском округе, указывают также на аварский хринг. В главном хринге – между Дунаем и Тиссою – скопьялась военная добыча. Авары не знали никакой связи между собою, сила их основывалась на личных достоинствах предводителя. Кто больше дает им денег, тому они и служат, и массами переходят на сторону врага. Они не имели даже зачатков культуры; во все время исторической жизни своей не занимались хлебопашеством и нуждались в таких подданных, которые бы кормили их, возделывая для них землю. Теснимые, а частью и увлекаемые аварами, славяне с конца VI века¹⁰ расселяются на запад в соседство с германскими поселениями, на юг до границ Византийской империи. Быстрое проникновение славян в Норик и Паннонию, занятие всей местности от Адриатического до Черного моря объясняются именно тем, что распространение их шло рядом с завоеваниями авар. Первое упоминание о славянах встречается в половине VI века (551–552 гг.). Тогда уже они, перешедши Дунай, угрожали Македонии и намеревались завладеть Солунию. Затем, к концу столетия, они делают постоянные вторжения и завоевания в областях империи.

Византийскому правительству приходилось бороться с двумя опасными врагами. Иногда удавалось ему дорогим вы-

---

¹⁰ У Прокопия De Bello Gothico III. 38, 40 и De Bello Persico II. 4 называются они гуннами; он говорит о движении их на Дунай к Фессалонике. См. Тафеля, р. LVI, примеч. 34.

купом получить мир от аваров, уступкою земли купить безопасность у славян, иногда, раздувая раздор между теми и другими, направлять их силы ко взаимной войне. В 581 г. 100 000 славян вторгаются во Фракию; император посылает к кагану посольство и просит, чтобы он напал на славян в собственной земле их. С 60 000 тяжеловооруженных воинов двинулся Баян к Дунаю, переправился через реку и опустошил славянские селения¹¹, но те, уклоняясь от сражения на ровном и открытом месте, разошлись по болотам и ущельям. В 583 г. славянами сделано было еще нападение на Фракию, сопровождавшееся поселением части их на завоеванной земле. Византийцы замечают, что это произошло по наущению аваров¹². Во время императора Маврикия (582–602) славяне проникли в Македонию, стали угрожать Солуни, богатейшему и могущественному городу греческому во всей Фракии и Иллирии. В VI веке было два нападения славян на этот город, первое около 583-го, второе около 597 г.¹³ Каган аварский в то же самое время беспокоил империю со стороны Фракии. Императорам по необходимости приходи-

---

¹¹ Свидетельства византийцев о нападении славян и аваров на имперские области собраны в *Stritteri Memoriar Populor. Pars 1. Slavicorum*. Весьма важное значение имеет житие Димитрия Солунского в *Acta SS.* за октябрь, под 26-м числом. Им пользуется и дает хороший отзыв Тафель в описании славянских войн с солунянами, s. LV–XCVI.

¹² *Romanos Abari, non illi quidem manifeste, sed interius quodammodo ac dolosius aboriuntur. Sclavini ab ipsis submissi... Romanae telluris partem latissimam occupant.*

¹³ Следуем выводам Тафеля, s. LV–XCVI.

лось уступить соединенной силе славян и авар, платя дань последним, отдавая земли первым.

Почти со всеми славянскими ветвями каган вошел в сношения: с одними был в союзе, некоторых подчинил. Есть известие, что около 578 г. каган отправил посольство к одному славянскому князю, Лаврите, с требованием от него покорности и дани. Лаврита гордо отвечал: «Есть ли кто из людей под солнцем, кто бы мог подчинить себе и сокрушить наше могущество? Мы привыкли господствовать сами, а не повиноваться чужим властителям; и мы не изменим себе, пока существует война и меч!» Подчиненные аварам славяне должны были вместе с ними предпринимать походы на соседей, с 586 г. является флот и пешее войско из славян в аварской службе. В 596 г. авары переходят из Паннонии в Тюрингию, чтобы воевать с франками – это доказывает, что Чехия тогда была уже подчинена¹⁴. Подчиняя ближайшие народы, искал Баян союза с более отдаленными. Так, посылал послов к славянам полабским, предлагал им подарки и просил прислать вспомогательный отряд. Когда император Маврикий воевал с аварами, щитоносцы его привели к нему в лагерь трех пленников. Они были безоружны и имели у себя одни цитры. Император спрашивал их: кто они, откуда пришли? «Мы славяне, – был ответ, – наша родина у западного океана. Хан аварский просил союза у князей наших; мы не могли принять его предложения, потому что нас отделе-

---

¹⁴ См. «Историю государства Российского» Карамзина, т. I. С. 25–27.

ет от него такое огромное пространство, что нужно провести в дороге 15 месяцев». В начале VII века авары овладели Далмацией, опустошили Фриули. Границы их владений простирались от Сосновых гор до Нижнего Дуная и от Карпат до Адриатического моря. В это же самое время и славянские поселения распространяются с замечательной быстротой по Штирии, Хорутании, Крайне и верхнедравской равнине по самый Тироль. Очень вероятно, что сами аварские каганы способствовали быстрому заселению этих стран, переводя сюда толпы зависевших от них задунайских славян¹⁵.

Славяне недолго оставались в служебных и даннических отношениях к аварам. Военственные завоеватели, живущие грабежом и набегами, должны были скоро уступить соединенным силам оседлого племени. За крайнюю скудость известий, относящихся до первой славянской державы, мы не можем проследить в подробностях ни обстоятельств возникновения, ни размеров, ни продолжительности существования ее¹⁶.

В 626 г. в союзе с персами авары приступили к осаде Константинополя. «Отдайте мне все, или я уничтожу город и уведу в плен всех жителей», – говорил каган на мирные предложения византийцев. 31 июля началась осада; сам каган распоряжался приготовительными работами; длинной лини-

---

¹⁵ Шафарик, т. II, гл. 11, § 28.2. Zeuss. S. 526–530.

¹⁶ Главным и единственным источником по истории южных и юго-западных славян VII века есть Фредегар.

ей в два ряда выстроились славяне. Множество стеноломов и подвижных машин расставлено под стенами города, и огромное число маленьких лодок со славянскими матросами готово было войти в пролив и отсюда угрожать городу. Но византийцы обманом уничтожили весь флот аварский: «Море потемнело от пролитой крови; прикрытое отрядом всадников попятилось аварское войско назад». Отступление аваров от Константинополя после потери флота, составлявшего совсем не главную силу их, объясняется только в связи с событиями, действующим лицом которых был Само¹⁷. Нет сомнения, что чехи, мораване и другие славянские народы неохотно несли иго аваров. Мы знаем положительный отказ славян полабских вступить в союз с каганом и гордый ответ князя Лавриты на предложение платить кагану дань; воспоминание об обрах (авары) и их тяжелом обращении с подвластными народами долго жило и у славян русских.

Около 623 г.¹⁸ в Чехии начались серьезные попытки противостать насилию аваров. К этому времени явился к чехам один купец, именем Само, славянин по происхожде-

---

¹⁷ Византийцы говорят, что все славяне отказались служить в войске кагана. Но вероятнее, что к этому времени начались волнения между славянами на всем протяжении аварской области и что эти волнения заставили кагана лично отпра- виться со всем войском к непокорным подданным.

¹⁸ Хронологическим указаниям Фредегара не следует безусловно доверять. Писал он свою хронику, по крайней мере о Само, в последней четверти VII века и не был очевидцем событий 623–632 гг. Его достоверность тем более сомнительна, что он имел недостатки большей части средневековых писателей: незнание, вымысел, односторонность и пристрастие.

нию¹⁹. Он принял участие в начавшемся против аваров движении, своею энергией сообщил ему значительную силу и распространил за пределы Чехии. Сначала авары, занятые приготовлением к войне, а потом походом на Византию, не обращали внимания на внутренние волнения подчиненных им народов; но когда славяне отказались служить аварам, а внутри славянских земель подготовилось восстание, тогда каган пошел на них со своим войском. Славяне одержали победу, потом выбрали Само в короли. Под его правлением, продолжавшимся 35 лет, они вели частые войны с аварами и каждый раз оставались победителями²⁰. Авары в по-

---

¹⁹ Славянское происхождение Само доказывается его отношением к франкам, в котором нет ни малейшего намека на происхождение его или подданство франкское; при постоянной вражде между франками и славянами невероятно предположение, чтобы одни из них явились на помощь другим и чтобы чужеземцу добровольно предложено было царское достоинство; при дворе Само господствовали славянские обычаи, так что посол Дагобертов должен был одеться в славянскую одежду, чтобы быть впущенным к Само; имя Само славянское, нельзя не признать в нем краткую форму от Самослав – Шафарика т. II, кн. 11, § 39.2 Франкское происхождение Само доказывает Бюдингер *Oesterreich. Gesch.*, s. 76 на основании слов Фредегара, с. 48: «*Homo quidam nomine Samo, natione Frankus, per ago Senponago. . .*» Наши отечественные источники показывают, что так называемые гости, т. е. большие купцы, приходившие из чужих сторон, были вместе с тем и воинами и нередко в военное время предводили целым войском. Нельзя не обратить внимание при этом на догадку Палацкого, принятую и Шафариком, что Само происходил из края славян-велетов, долгое время теснимых и наконец в 622 г. подчиненных франками. Если Само, избегая владычества франков, переселился к своим братьям, в таком случае не был бы удивителен выбор его в вожди, а потом и в короли.

²⁰ *Fredegar*, с. 48: «*Vinidi cernentea utilitatem Samonis eum super so elegant regem*

стоянных неудачах растратили свои силы, Чехия и Моравия освободились от их зависимости. Образованию нового государства немало способствовало внутреннее неустройство в самом аварском царстве. Притесняемые доселе народы стали примыкать к новообразовавшемуся славянскому государству, и широкие пустыни, окружавшие аварскую землю, стали заселяться новыми жителями, которые открыто восставали против утеснителей. Император Гераклий (610–641) около 630 г. отдал хорватам Далмацию для заселения ее. Хорваты ведут с аварами войну и теснят их от Далмации. Несколько позже часть сербов просила у императора земель в пределах империи, сербам уступлен был юг Македонии в округе города Солуни. Таким образом, новые поселенцы оттесняли аваров с юга и запада и помогали усилению державы Само. С 627 по 630 г. к Само должны были примкнуть все бывшие под гнетом аваров славяне в надежде на лучшую участь под зависимостью соплеменников. События 630 г. показывают, что тогда держава Само имела уже протяжение, переходившее за границы Чехии и Моравии.

---

ubi 35 annos regnavit feliciter... suo consilio et utilitate Vinidi simper superarunt». Летописец не указывает года, когда славяне одержали победу над аварами и выбрали Само в короли, вероятно, не ранее 626 или 627 г.

*Аварский воин на средневековой книжной миниатюре
(прорисовка)*

В то время как Византия напрягала все силы, чтобы устоять против напора врагов, франкам при ослаблении аваров открывалось широкое поприще на Дунае. Дагоберт, король франкский, имел намерение распространить свои пределы до соседства с Византией, а это можно было сделать, только одержав победу над Само и обессилев союз славянский. В 629 г. он заключил вечный мир и союз с императором византийским Гераклием²¹. В следующем году произошел разрыв между франками и Само. Поводом к обнаружению неудовольствий было то, что франкские купцы, торговавшие в славянских землях, подчиненных Само, были разграблены и убиты славянами. Дагоберт, считая нарушенными права франкского народа, через своего посла, по имени Сихара, потребовал от Само удовлетворения²². Сихару с большим трудом удалось представиться Само: не получая доступа к нему, как чужеземный посол, он оделся в славянскую одежду, пробрался к Само и высказал ему требование Дагоберта. Славянский князь, оскорбленный настойчивым требова-

---

²¹ Представляется вероятным, что Само оставлял неприкосновенным внутреннее управление подчинившихся ему славян, например дерван (древан) в полабской Сербии и валюх в крае вендском.

²² Fredegar, c. 58; Jirecek, Oesterreichische Gesch. für d. Volk, s. 86. Wien, 1865. Довольно замечательное место у Фредегара с точки зрения международных отношений в такую отдаленную пору. Палацкий в цитированной уже статье о Фредегаре замечает по поводу этого места: два государства не трактуют о нарушении между ними права, если их отношения не установлены были прежде. Дагоберт первый проложил путь к переговорам, «so muss er such zweckerechtigkeitspflege von seite Samos gewärtig gewesen seyn».

нием франкского посла, отказался от переговоров и приказал прогнать его. Началась война между Само и Дагобертом. Франкское войско должно было разделиться на три отряда, чтобы одновременно действовать в разных частях великой державы Само; славянские народы от чешских Рудных гор до Юлийских Альп призваны были к оружию. Лангобарды и алеманны двинулись в Хорутанию и Ракусию, австрийское войско направилось к Чехии, главные силы франков и славян встретились у Вогастисбурга²³. Здесь после трехдневной битвы франки потерпели совершенное поражение, большая часть войска Дагоберта пала на месте, победителям досталось много военной добычи. Поражение при Вогастисбурге надолго приостановило успехи франкского народа и задержало стремление его к Дунаю. Славяне неоднократно потом делали вторжения в соседние франкские области, распространяясь далее к западу. Ближайшим следствием этой победы для славян было то, что Дерван, князь сербов, живших между Лабой и Салой, сверг франкское иго и присоединился к союзу славянских народов под главенством Само. С этим вместе и первое славянское государство получило округление и большую силу.

Около этого же времени славяне оказали весьма важную услугу болгарам – обстоятельство, довольно резко характе-

---

²³ Положение его точно не определено, – Palacky, Dějiny str. 99, примеч. 27; но нужно думать, что это было в Чехии: Togastisburg, Togast, ныне Домажлицы, – Шафар. § 39, примеч. 27.

ризирующее тогдашнее политическое положение славян. Болгары и авары, родственные по происхождению, уже с давних пор соединялись вместе для военных походов. В начале VII века болгары значительно усилились, когда из приволжских степей пришел один начальник болгарского племени и отдался со своею ордою под власть кагана аварского. По смерти этого последнего болгары хотели сделать каганом лицо из своего племени, но авары подняли оружие за своего соплеменника. Болгары, принужденные уступить превосходству силы, оставили Паннонию и обратились к королю Дагоберту с просьбою позволить им поселиться в каком-нибудь месте франкского королевства. Король позволил им перезимовать в Баварии, обещая предложить их просьбу на рассмотрение франкскому народу. Между тем, лишь только болгары разместились по квартирам (9000 человек), приказано было всех их перебить в одну ночь. Только один Алдик с 700 болгар спасся бегством к славянам, в Вендскую марку. Была ли эта марка на западе Чехии, в нынешнем крае Хебском, или в Хорутании, где после встречаем князя Валюха, важно тут то, что князь Вендской марки, оказывая покровительство болгарам, мог ожидать мести со стороны аваров и франков. Не бояться таких сильных врагов он мог только в надежде на могущественную защиту со стороны Само.

В 631–632 гг. славяне сделали нападение на Тюрингию и стали теснить франков к западу. С большим войском Дагоберт двинулся из Меца к Майнцу, чтобы здесь переправить-

ся за Рейн²⁴ и выступить против славян; но его безуспешный поход не мог остановить движения славян. Король принужден был освободить саксов от дани, наложенной на них Лотарем, лишь бы они защитили границы Франкского государства от нападений славян. Когда же нападения стали повторяться с новой силой, Дагоберт, на сейме в Меце, решил разделить свое государство на три части, чтобы каждая сама изыскивала средства к защите. Сына своего Сигиберта он возвел в короли Австразии и назначил Мец его столицей. Для Тюрингии был поставлен отдельный герцог в лице Раудульфа; но и деление не принесло ожидаемой пользы. Герцог Тюрингский стал стремиться к независимости, вошел в дружественные сношения с Само, по отношению к королю вел себя «высокомерно, как король Тюрингии».

Этим кончаются известия о первом славянском государстве. Из того, что говорит Фредегар, единственный источник этой эпохи, о Раудульфе, о стремлении его к независимости от франкского короля, можно еще заключить о деятельности Само между славянами до 641 г. Затем и вся история Евро-

---

²⁴ Главное поле деятельности Само нужно искать в Чехии, а не в Хорутании. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что Само всегда является с войском в пределах Тюрингии, близ владений мишенских и лужицких сербов; таковы его походы 630, 631, 632 и 633 гг.; во-вторых, Дагоберт дважды направляется против Само из Меца через Майнц и Тюрингию – этот путь ведет в Чехию; в-третьих, о Само в Хорватии и Хорутании история не сохранила никаких воспоминаний. Что касается похода лангобардов и алеманн, то он предпринят был против союзников Само на Дунае с целью удержать их от соединения с главным войском Само, которое было стянуто к Вогастисбургу.

пы и, в частности, история славян покрыта непроницаемым мраком на сотню с лишком лет, пока победы Карла Великого и летописцы его времени не разогнали этот мрак. Само царствовал над славянами 35 лет, смерть его должна относиться к 662 г.

Его политическая деятельность, так успешно начатая, не могла кончиться на половине; дело объединения славян, вероятно, проведено было далее, потому что требовались дружные усилия всех славян, чтобы сдержатъ напор аваров и франков. Небезосновательно поэтому движение славян из Белосербии и Белохорватии поставить в связь с деятельностью Само. Вероятно, он стремился к подчинению себе славян, живших на Висле и Одре; вероятно, что некоторые из них, не желая пристать к союзу славянских народов, принуждены были оставить свою страну и двинуться на юг, к границам восточной империи, где император Гераклий и позволил им поселиться. Это довольно позднее переселение славян, причин которого не знал Константин Багрянородный, могло быть вызвано только подобного рода побуждениями.

Само основал первое великое славянское государство. Зерно его находилось в Чехии, а границы простирались на юге к самым стырийским Альпам, на востоке к Татрам, на севере почти к Спреве и Гаволе, на западе довольно глубоко в немецкие земли²⁵. Со смертью Само его держава снова

---

²⁵ Обстоятельнейшее определение границ державы Само решительно невозможно за недостатком известий. См. Шафарик, § 39. 2. С. 229.

распалась на свои составные части. Его 22 сына, вероятно, сделали князьями в разных областях обширного государства и, как много тому мы видим примеров в истории, разрушили дело отца. Уже св. Эмерам, проповедовавший в Баварии около 680 г., писал о земле по Энже, соседней с Паннонией: населенные и богатые города ее обращены в развалины, вся страна по обе стороны Энжи представляет пустыню, дикие звери водятся в таком количестве, что страшно путешественнику пускаться по ней в дорогу. Заметим в заключение, что держава Само и впоследствии возникавшие обширные славянские монархии имеют между собою сходство в том, что они вызываемы были исторической необходимостью, потребностью сдержать слишком опасного врага; последующие монархии, образовавшиеся по начину моравских, чешских и польских князей, достигали почти тех же самых размеров, включали в себя те же самые народы, что и держава Само.

Освобождение славян от тяжелого аварского гнета²⁶ само

---

²⁶ Об отношениях аваров к славянам мы имеем два свидетельства: Фредегара и Нестора. Фредегар в своей хронике говорит: «...с давних времен венды были употребляемы гуннами (авары) в качестве подпорок, так что, когда гунны вели против кого-нибудь войну, сами они стояли перед лагерем, а венды должны были сражаться. Если они побеждали, гунны шли вперед собирать добычу; если венды ослабевали, их подкрепляли гунны. Потому названы были венды именем befulei [подпорок. – *Ред.*], что всегда ходили в сражение впереди и в сшибках выдерживали натиск спереди (от врагов) и сзади (от аваров). Каждый год приходили гунны зимовать к вендам, отнимали у них жен и дочерей и жили с ними. При этих притеснениях венды должны были еще платить гуннам дань. Но

по себе есть такое дело, за которое Само должен бы был сохраниться в памяти потомства; но еще важнее для истории славянства был сделанный им отпор притязаниям короля Дагоберта к господству на Дунае. «Долгое время многие славянские народы должны были признавать над собою господство аваров; наконец, они стряхнули иго их и основали собственное государство, зерном которого была Чехия... 35 лет правил славянами Само и много способствовал к утверждению могущества их на востоке Германии на все последующее время»²⁷.

дети гуннов, прижитые ими с вендскими женщинами, не вынесли такого гнета, отказали гуннам в повиновении и начали возмущение». Нестор так говорит об аварах, называя их обрами: «В си же времяна быша и Обре, иже воеваша на цезаря Ираклия, и мало его не яша. Си же Обре воеваху на Словены и примучиша Дулебы и насилие творяху женам дулебским. Аще поехати будяше Обрину, не дадяше въпрячи ни коня, ни вола, но веляше въпрячи три ли, четыре ли, пять ли жен в телегу и повезти Обрина; тако мучаху Дулебы. Быша бо Обре телом велици и умом горди, и Бог потреби я, помроша все, и не остася ни един Обьрин; есть притгыча в Руси и до сего дне; погибоша аки Обре, их же несть племени, ни наследка» (Полное собрание русских летописей, т. I, с. 5).

²⁷ Giesebrecht, Geschichte der Deutenen Kaiserzeit I, s. 92.

II. Великая Моравия

Распространение господства франков к юго-востоку. Столкновение их со славянами. 790–830 гг.²⁸

В 768 г. Карл Великий сделался королем франков. Ему принадлежит заслуга объединения романо-германских народов в одно государство. Деятельность его в этом отношении направлялась к тому, чтобы, лишив отдельных народных герцогов сюзеренных прав, заменить их своими вассалами. Так, лишена была Аквитания политической самостоятельности и аквитанские герцоги потеряли право на наследственность в этом достоинстве; саксы после упорной и продолжительной войны также должны были войти в состав монархии Карла. Баварский герцог Тассило, обвиненный за сношения с аварами в государственной измене, сослан в монастырь и пострижен. Сын его и знаменитые баварцы, отстаи-

---

²⁸ Источники: Monumenta Germaniae Pertz, Scr. T. I, преимущественно Einhardi Annales, его же Vita Caroli Magni. Erben. Regesta Bohemiae et Moraviae. Prague, 1855. Пособия. Dümmler. Ueber die Südostlich. Marken, его же Pilgrim v. Passau. Waitz, Verfass. Gerschihte, III и IV, Kiel, 1861. Giesebrecht, Gesch. Deuten Kaiserz. I. Braunsw. 1863. Büdinger, Oeserreich Gesch. Leipzig. 1858. Dudik Mährens allgemeine Gerschihte I. Brünn, 1860 и др.

вавшие народную независимость, лишены свободы и сосланы в отдаленные места. К концу VIII века славяне полабские, чешские и моравские встали в непосредственное соседство с обширной монархией Карла Великого. Разъединенные, слабые, управляемые мелкими князьями, делившими свое княжение на уделы, славяне не могли тогда оказать серьезного сопротивления могущественному соседу. Но поставленные в необходимость защищать то, что всего дороже человеку, – свою веру, свободу и родную землю, – они должны были выработать себе те средства, которых им недоставало для успешной борьбы, образовать государство, подчиниться воле одного лица принять христианскую веру. Достоверную историю юго-западных славян мы имеем с того времени, как они сделались непосредственными соседями франков.

С подчинением Баварии границы франкского государства доходили на юго-востоке до реки Энжи, впадающей в Дунай. Энжа служила пограничной линией между баварцами и аварами; к востоку от нее находилась Авария или Гунния, т. е. аварское царство, как преимущественно называлась земля между Энжей и Раабом, где авары были особенно численны, и Паннония в границах римской провинции этого имени. Баварский герцог Тассило, отвергнутый своим народом, искал было поддержки у аваров, побудил их напасть на франкские области; но авары утратили уже свои военные способности, два войска их были разбиты франками, третье баварцами, и вмешательство в чужие дела ускорило только их соб-

ственную гибель. В 790 г. они отправили к Карлу посольство для переговоров о взаимных границах, но Карл был далек от уступок и решился начать войну с аварами²⁹. На следующий год, собрав из всех земель своих многочисленное войско, он разделил его на две части и повел в Паннонию, войска шли по обеим сторонам Дуная; в середине, по реке, плыл флот с военными снарядами и съестными припасами. До самого Рааба прошел Карл, опустошая селения аварские, и взял две крепости³⁰. В 795 г. маркграф Эрх Фриульский с хорутанским князем Звонимиром перешел Дунай, овладел главным станом аварским и, забрав накопленные каганами сокровища, переслал их королю. В следующем году итальянский король Пипин, сын Карла, довершил завоевание аварской земли, преследовал их за Тиссу и разграбил все сокровища дворца кагана³¹. Завоеванием аварской земли раздвинуты были границы Карловой монархии от Энжи до впадения Дравы в Дунай; франки сделались соседями византийцев и непосредственно столкнулись со славянами. Страна, из которой были изгнаны авары, оставалась надолго пусты-

---

²⁹ Неудовольствия при переговорах могли возникнуть по вопросу о славянах хорутанских, бывших в зависимости от баварцев.

³⁰ Летописец замечает, что обратный путь часть войска держала через Чехию. Можно думать, что чехи участвовали в этой войне как союзники Карла, иначе как объяснить такой переход неприятельского войска через Чехию: «...expeditio sine omni rerum incommodo»?

³¹ Летописцы особенно отмечают богатую добычу, захваченную франками: Ann. Lauriss, s. 795. Einh. Annal, s. 796.

нею. Сколько здесь было пролито крови, сколько произведено сражений, об этом свидетельствует опустошенная Паннония; по словам летописца, «место, где был дворец кагана, так дико и пусто, что не заметишь тут и следа человеческих жилищ».

С конца VI века славяне стояли в близких отношениях с аварами; вместе с аварами они проникли в придунайские области, заняли свободные земли Византийской империи и утвердились во всей полосе от Адриатического моря до Черного. Союз славянских народов при Само, а потом раздоры в самом каганском доме так ослабили аваров, что они ни в VII, ни в VIII веке не могли достигнуть того величия и могущества, которое создал им Баян. Хотя славяне в это время и не успели создать государства, однако не подпадали уже полной власти их. Окончательный удар, нанесенный аварам Карлом Великим, открывал для славянских поселенцев всю землю, занятую прежде этими кочевниками и давал им значительный перевес над аварами даже в северном убежище их, за Тиссою. Славяне в большом количестве стали переселяться с севера на юг, из преддунайской Моравии в Паннонию. Остатки паннонских аваров должны были уступить перед неравною силой и переносить притеснения от славян. В 811 г. Карл посылал в Паннонию войско для разбора ссор между ними; потом те и другие посылали послов в Ахен и лично перед Карлом судились по своим делам.

На север от Дуная, в нынешней Моравии и в земле сло-

ваков, почти от реки Торисы по самый Пресбург и Вацов в первой половине IX века жил народ славянский, управляемый князьями, происходившими из одного рода. Вся эта страна, а также обширные области к югу от Дуная получили тогда имя Великой Моравии, Вышне Мораве³², последнее название предполагает две Верхние Моравии: одну по Мораве, впадающей в Дунай с севера, другую за Дунаем – паннонскую. В странах, носящих имя Моравии, обитали славянские народы, родственные по наречию и нравам, – нынешние мораване и словаки. Отдельные поселения этой ветви славянского племени за Дунай, начавшиеся еще со времени аварского, должны были повторяться чаще и чаще к началу IX века, когда в Моравии стала усиливаться княжеская власть, стремившаяся наложить известные обязанности на массы народа. Толпы мораван и словаков переходили в паннонскую равнину, освобожденную от аваров и имевшую уже славянских колонистов. Таким образом, население паннонской Моравии было той же ветви славянского племени, что и население преддунайской Моравии. Долго еще в Паннонии

---

³² Vita S. Clementis, edit. Miklos. Это же житие в «Кирилле и Мефодии» Бильбасова, часть II. СПб., 1871. С. 217. Слова Баварского землеписца – «Ket Populus, quem vocant Merebanos, ipsi habent civitates XXX» («народ этот был под властью болгар») – предполагают еще Моравию, кроме указанных Lelevel в «Géographie du moyen Age», т. III, р. 29, приводя эти слова Баварского географа, говорит, что здесь разумеется малая Моравия («la petite Moravie inférieure bonigaro-serbe»), расположенная по Мораве, с юга впадающей в Дунай. Она имела своего епископа на соборе 879 г., упоминается у Константина Порфирородного без эпитета малая: «De ceremoniis anlac» 11, 48. См. Шафарик, § 42.1.

происходили неудовольствия между новыми и старыми владельцами, которые приходилось разбирать Карлу Великому; имя аваров совсем исчезает из этой страны с 826 г.

Денье с профилем Карла Великого. 812–814 гг.

Но, заселяя Паннонию, страну, завоеванную оружием франков, славяне должны были встать в зависимые отношения к завоевателям этой страны. Относительно побежденных франки в том сходились с римлянами, что нациям неримского и негреческого происхождения позволяли управляться по собственным обычаям, собственными начальниками, народными старшинами, которые при подчинении большею частью крестились. Этим, с одной стороны, облегчалось распространение христианства между побежденными, с другой – предоставлялась им возможность мало-помалу свыкаться с чужеземным господством, с учреждениями и нравами победителей³³. Правда, такой порядок вещей остается недолго, и туземное правление у аваров и хорутан исчезает, хотя в Паннонии благодаря особенным обстоятель-

---

³³ Так, после сильных погромов над аварами встречается у них еще название собственных владетелей: Einh. a. 795: unus ex primoribus Hunorum обещается принять христианство; а. 803. Zodan princeps Pannoniae; а. 805. Capcanus princeps Hunorum, в христианстве Феодор... Caganus misit unum de optimatibus suis, petens sibi honorem antiquum, quem Caganus apud Hunos habere solebat. а. 811. Canizavei princeps Avarum et Tudun et alii primores ac duces Sclavorum, circa Danubium habitantium. В «Convers. Anonymi Salisburg» упоминаются князья со славянскими именами в Паннонии и Хорутании под франкским господством: Privvizlauga, Cemicas, Ztoimar et Etgar (первый и третий). «Arn, ordinans presbyteros et mittens in Sclavianiam, in partes vedelistet Quarantanas atque inferioris Pannoniae illis ducibus at que comitibus» и в других местах. Кроме указанных имен имеем еще Ратимира, Прибину и Коцела, управлявших своими княжествами в зависимости от маркграфов. Много примеров подобного же рода можно указать из отношений к полабским славянам.

ствам сохраняется оно дольше³⁴.

Каждая добытая силой оружия земля становилась собственностью короля³⁵, часть которой он отдавал колонистам или жертвовал военным людям и монастырям³⁶. Земли занимались еще до окончания войны. «Наш дед Карл, – говорится в грамоте Людовика Немецкого, – дал своим верным позволение для увеличения владений церковных занимать земли в Паннонии, что и сделано уже во многих местах». Монастыри, получая обширные участки, должны были обрабатывать и заселять их; в Паннонии нижеалтайский (так в оригинале. – *Ред.*) монастырь имел большую поземельную собственность. Государи и частные лица привлекали со всех сторон колонистов, жертвуя им земли с разными льготами. Граф Герольд, брат жены Карла Великого, назначенный префектом Баварии, был также светским начальником

---

³⁴ Вытеснение славянских имен немецкими мы видим в «*Conversio*». Вслед за славянскими князьями упоминаются *Helmvinua, Albharius et Pabo*. Таков, впрочем, обыкновенный способ втягивания слабейших народов. См. *Büdinger, Oestereich Gesch*, s. 160.

³⁵ Дарственные грамоты у Эрбена – *Regesta Bohemiae et Moraviae*. Waitz. G. III и IV t. Kiel, 1860. III t. s. 156–158, IV s. 115–116 и в разных местах этих томов рассматриваются учреждения Каролингов.

³⁶ Более всего встречается дарственных записей на монастыри: *Erben, Regesta* № 22, 26, 27. Частным лицам давались земли с обязательством военной службы: таковы дарственные грамоты графам и маркграфам и уступка земель около Балатонского озера Прибине. Мелкие собственники-колонисты получали небольшие участки большей частью близ марки и обязывались защищать ее (*vassi dominici*). *Büdinger, Oestereich Gesch*, s. 160–161.

всей провинции на восток от нее. Ему поручено было и внутреннее управление, и защита новоприобретенной земли. После его смерти, в 799 г., власть его была разделена между многими лицами. Для защиты пограничной земли от враждебных нападений соседей со времени Карла Великого получили происхождение пограничные графства. Сообразно с условиями, в которых находились к франкам соседние народы, с их численностью и важностью места в военном отношении, пограничные графы пользовались обширной или ограниченной властью, имели в своем распоряжении большее или меньшее количество войска. Определенные округа на границе с неприятельской землей получали особенное устройство и название марки. Маркой в собственном смысле первоначально называлась область, отнятая у неприятеля, снабженная крепостями, военными гарнизонами и составлявшая передовой пост для наблюдения за врагом. Равно и целая страна, завоеванная оружием, получала название марки и военное устройство. Земля вокруг крепости отдавалась свободным поселенцам с обязательством нести военную службу; при благоприятных условиях марка распространялась новыми захватами земли и укреплениями. Управление каждой маркой и прилежащим к ней округом поселенцев поручалось доверенному лицу, с титулом маркграфа, позднее маркгерцога. Земли на восток от Баварии образовали при Карле Великом и его преемниках три марки: Восточную, или аварскую, из которой потом произошло княжество Ра-

кузское, Хорутанскую и Словенскую (последняя состояла из нынешней Краины, части Хорутании и Штирии); первые две марки потом были присоединены к Баварскому, а последняя к Фурлянскому воеводству. От времени Карла до Людовика Немецкого восточный край постоянно отличался от Баварии и назывался в современных памятниках различными именами. Восточная марка со второй половины IX века называлась маркой Моравской. Говоря короче, Южная Паннония вошла в состав Фриульской, или Фурлянской, марки, Северная, включая сюда и северное побережье Дуная, образовала Восточную марку. По смерти графа Герольда управление этими марками поручалось уже не одному, но двум и даже более лицам.

В X веке в борьбе с полабскими славянами франки развили устройство марок, и отношения маркграфов к побежденным обозначились тогда яснее; об устройстве марки Восточной, об отношении маркграфа ее к славянам мы немного можем сказать за крайней бедностью относящихся сюда источников. Даже вопрос о том, как велико было население Паннонии в начале IX века, разъяснение которого весьма важно в этом отношении, может быть только поставлен, но не решен основательно. Говоря о переселении славян за Дунай, мы не должны опускать из виду, что вместе с ними на свободную землю перемещались и баварцы; последним это было удобнее, вследствие разных льгот от повинностей, раздачи земель служилым людям франкского и немецкого происхож-

дения. Вблизи марки могли селиться исключительно баварцы как в видах безопасности марки, так и потому, что ближайший от марки округ обязан был отбывать военные повинности, собираться на случай войны под знамя маркграфа. Нужно думать, что славянские селения в Паннонии не были многочисленны, что славян было больше в Северной, чем в Южной Паннонии; вообще же их было немного, и они рассеяны были по разным местам до времени образования княжества Прибины. Восточному маркграфу не стоило большого труда держать в повиновении таких слабых врагов. Оттого так скоро, уже к 828 г., паннонские славяне перешли из состояния собственников и свободных в состояние закрепощенное, имя славянина стало тождественным с именем раба. Тут повторился обыкновенный путь поглощения слабых племен сильными, переход от внешней зависимости к соединению с господствующим народом, от дани за пользование земель к подчинению и рабству³⁷.

---

³⁷ Между современными дарственными грамотами в большом количестве встречаются грамоты в пользу монастырей и духовенства. Колонизация страны посредством перевода жителей на монастырские земли, безусловная отдача земель монастырям предполагают в слабой сравнительно степени раздачу земель служилым людям, а это последнее говорит не в пользу прочного устройства Восточной, или Паннонской, марки. В X веке в северных марках, напротив, земли отдавались большей частью графам, так что маркграф, защищая свою страну от врагов, вместе с тем оберегал и лично ему принадлежащие земли. Здесь же, в Паннонии, не только королевские земли, но и частная собственность обращается в церковную. Прочное устройство немецкие марки приобрели только в X веке, с разделением марок на бургварды, округа, подчиненные графам, кастелянам, с тяжелой податью, наложенной на все произведения хозяйства, — чего в IX веке не

Вслед за подчинением Паннонии и мораване на реке Дые сделались соседями франков и необходимо должны были войти в сношения с ними. Имя Моравии у современных франкских летописцев в первый раз встречается не ранее 822 г.; но тогда мораване являются зависимым народом, шлют своих послов на сейм во Франкфурт и отбывают уже известные повинности по отношению к франкам. Первые сношения между мораванами и франками начались по крайней мере с последнего десятилетия VIII века; летописцы говорят об этих сношениях, называя мораван общим именем славян, вендов, славян, живущих на восток от Баварии, и т. п. В 817 г., в акте разделения империи Карла Великого, Людовику назначается Бавария, и хорутане, и чехи, и авары, и славяне на восток от Баварии. Но, вероятно, начиная с 791 или 792 г. эти страны встали в то положение к франкам, в каком мы видим их в 817 и 822 гг.³⁸

могло быть, на том простом основании, что маркграфы юго-восточных марок не были свободны в своих действиях, не имели поддержки от королей и часто заискивали у князей паннонских и моравских. Да и вообще устройство марок, как мы находим это учреждение в X веке – не собственно немецкое, а заимствованное.

³⁸ Как было уже сказано, после победы Карла над аварами в 791 г. часть войска его возвращается через Чехию, не имея возможности миновать Моравии. В Моравии было предание о князе Самославе, побежденном Карлом и принявшем крещение в 791 г. Что чехи были в 792 г. в хороших отношениях с Карлом, видно из того, что саксы ищут союза не у них, но у отдаленных от них аваров. Во время войны Карла с чехами – 805 и 806 гг. – мораване, может быть, были на его стороне, во всяком случае, должны были принять участие в этой войне, веденной с довольно сильным неприятелем.

PRINCIPES PRO SALVATORE ET IDEM
 VERIANE QUAE FELICITER REPER
 TES LETAMINI IN XPO.

ILLA
 & ex
 ta de
 lena
 fissa
 beye

ta potuit breuitate complexus si
 ut de his que adnoticiam puenit
 terem, neq; plixitate narrand
 tum animos offenderem. Licet

Буквица с изображением императора Карла I из средневе-

В ту отдаленную пору, о которой идет рассказ, чехи и мораване делили одну и ту же историческую судьбу. В немногих известных нам случаях оба этих народа упоминаются по одним и тем же обстоятельствам, являются в одинаковом положении³⁹; отношения их к франкам в начале IX века, несомненно, должны быть тоже равные⁴⁰. В чем выражалась подчиненность чехов и мораван? Самое древнее свидетельство об этом дает чешский летописец Козьма Пражский. По словам его, дань, платимая чехами немецким императорам, началась со времени Карла Великого и состояла в ежегодной доставке 120 быков и 500 марок; в военное время чехи должны были выставлять вспомогательный отряд и не вступать в дружеские переговоры с врагами немецкого короля. Свидетельство Козьмы, независимое от франкских летописцев, но

---

³⁹ При Само чехи и мораване составляли одно государство.

⁴⁰ Вот что мы находим у Палацкого: «По направлению к ю.-в. от Чехии Granzwall, при всей высоте, которая сделала его водоразделом Центральной Европы, так понижается, что его можно почти без труда перейти. И здесь начинается другая земля, Моравия, наполовину почти меньшая Чехии, с особенною системой гор и рек, однако слабее ее изолированная. По физическому строю она походит на Чехию... поэтому-то на связь Чехии и Моравии в продолжение 1000 лет нельзя смотреть как на случайность. Обе земли с глубокой древности населены одним и тем же народом и находились, за редкими и короткими исключениями, под одной верховной властью, оба народа – в национальном отношении – один народ, в государственном смысле – одно общество».

согласное с ними в вопросе об отношении чехов к франкам, делает несомненным предположение, что обязанность ежегодной дани чехи приняли на себя после войны 805–806 гг. и что в это же время и мораване потеряли свою свободу. При этом предположении легко можно понять те места летописей, где указывается на зависимость чехов и мораван как на дело обычное, всем известное, например в акте разделения империи 817 г., где Людовику назначаются Бавария, Чехия и Моравия. Подобные места должны иметь то значение, что немецким королям предоставлялось право брать дань с соседних им славянских народов, принимать меры к правильному взиманию ее и следить за верным исполнением других обязательств их⁴¹. При взгляде на славян, который издавна установился между романо-германскими народами как на самых важных и опасных врагов, при сравнительной слабости и раздробленности княжеской власти у славян подчине-

---

⁴¹ Палацкий и Шафарик отрицают податное состояние Чехии и Моравии в это время. В словах Козьмы Пражского есть одна несообразность – приписывание Пипину дела с чехами, – дающая основание поставить под сомнение все известие. Впрочем, доказательства за и против податности равно полновесны. Но из сравнения их нельзя не видеть, что на стороне Палацкого и Шафарика больше недомолвок, натяжек и предположений. Если и не ежегодно, все-таки чехи и мораване платили дань Карлу и его преемникам; известно, что Карл не останавливался перед неудачами – вспомним, например, войну его с саксами, – а между тем источники не говорят о походах его на Чехию в последние годы его жизни. Весьма вероятно, что дело между славянами и франками уладилось тогда мирным путем: Неклан, тогдашний князь чешский, выставляется человеком спокойным, миролюбивым. При благоприятствующих обстоятельствах славяне чешские и моравские отказывались от дани на довольно продолжительное время.

ние их должно было пойти далее; внутренняя жизнь и самостоятельное политическое развитие подвергались большой опасности, если бы преемниками Карла были люди более даровитые. Языческий народ на границах государства не мог пользоваться свободой, по тогдашним понятиям, и против него направлялась военная сила до тех пор, пока он или не сольется с сильнейшим народом, или не выселится в более отдаленные места. Еще с 600 г. ужасались и сильно беспокоились за будущий порядок вещей, видя быстрое распространение славян до самой Италии; позже называли этот народ отвратительнейшим и гнуснейшим родом людей, собирать с них дань считали нужным уже и потому, чтобы они не забывали, что живут на чужой земле. Во время Карла взгляд на славян несколько не изменился: под страхом конфискации всех товаров купцы не должны были ввозить в славянские земли оружия и лошадей; на случай войны с ними двое из пограничной области Франкского государства должны были снарядить рекрута и обязывались идти поголовно, если была война с сербами. Карл Великий и его преемники как будто в том видели свое призвание, чтобы вести войну со славянами, теснить их от запада к востоку и вносить немецкую народность в их землю. Паннонских славян скоро стали передавать из рук в руки, как недвижимую собственность, вместе с землею. Обычный способ выражения современных документов был такого рода: жертвуются на вечные времена по стольку-то человек такому-то монастырю, жертвуется зем-

ля, населенная рабами или славянами, и т. п.; земля славян, называемых мораванами, подчинена царям нашим и народу нашему со всеми ее обитателями... она должна платить нам дань. Если к известному времени при дворе короля немецкого не являлись с дарами послы от славян, это принималось за знак дурных намерений в стране и служило поводом к походам, следствием которых были опять посольства, заложники, обещания верности. Дань, платимая чехами и мораванами, считалась государственным доходом и поступала в казну собственно немецкого короля.

Важной подмогой в порабощении славян была проповедь христианства между ними. Вместе с военной колонией на завоеванной земле начинали свои действия и проповедники; под руку с политическим шло религиозное подчинение; воин и проповедник налагали тяжелую руку на проигравших сражение. Деятельным и точным исполнителем воли Карла Великого относительно христианского просвещения славянских народов был Арно, зальцбургский архиепископ. Одержав победу над аварами в 796 г., Пипин, сын Карла Великого, поручил пастырскому наблюдению Арно новоприобретенные земли в Паннонии от реки Рааба до впадения Дравы в Дунай. В 798 г. Карл, подтверждая распоряжение своего сына, письменно и потом лично приказывает Арно отправиться к южным славянам, чтобы располагать этот народ к принятию христианства. Некоторое время Арно пробыл в Хорутании и Паннонии, освятил там много церквей, назна-

чил в них священников; когда другие обязанности отозвали его от этого дела, с согласия короля, посвятил он в епископы Феодорика, который должен был продолжать христианскую проповедь в славянских землях. Арно и Герольд, тогдашний префект Баварии, представили Феодорика местным князьям и указали ему страну, в которой он должен был действовать. Поставляя отдельного епископа для Хорутании и Паннонии, зальцбургские архиепископы и сами не теряли из виду этой части своей диоцезы: они лично являлись сюда по церковным делам, и народ должен был платить им за путевые издержки как королевским легатам. Вероятно, ревность об обращении языческих славян увлекала зальцбургское духовенство за пределы его диоцезы, и там приходилось ему действовать совместно с проповедниками других епархий. Известно, что Адальрам, архиепископ Зальцбургский, и Регингар, епископ Пасовский, спорили между собою касательно епархиальных границ в Паннонии и Моравии. Определением Людовика Немецкого от 829 г. спор их был разрешен таким образом: северные и западные страны от истоков Спразы или Рабницы, притока Рааба (Верхняя Паннония и Моравия) отчислялись к Пасовской епархии, восточные и южные области от Спразы и Рааба введены в состав Зальцбургской епархии (Нижняя Паннония и Хорутания). На этом распоряжении Людовика основывались последующие притязания пасовского духовенства, когда Моравия получила своего архиепископа и не хотела принимать к себе немецкое духовен-

ство.

Нельзя с точностью обозначить время, когда Моравия начала просвещаться евангельским учением. Если, с одной стороны, баварское духовенство утверждает, что оно начало проповедническую деятельность между мораванами со времени подчинения их франкам, то с другой – у самих мораван сохранилось воспоминание, что отцы их приняли крещение от миссионеров римского первосвященника, что были у них проповедники и из других стран, например из Византии. Хотя и нет причин отрицать деятельность баварского духовенства в Моравии, но есть положительные доказательства, что эта деятельность была слаба и бесплодна, за исключением паннонской Моравии, где было отдельное княжество Прибины. Пристрастное и хвастливое письмо баварского духовенства, говорящее о широких правах его в Моравии, страдает неверностью и намеренным искажением дела и не в этом только случае. Моравия не получила церковного устройства, и пасовский епископ не мог иметь в ней влияния.

Кроме незнакомого языка, на котором проповедовало немецкое духовенство, успех его дела затруднялся и теми отношениями, в какие вступали к нему новообращенные славяне. Карл Великий и его преемники смотрели на христианство как на средство сплотить свою монархию, связав разные члены ее одинаковыми учреждениями гражданскими и церковными. Согласно с мыслью императора духовенство продолжало завоевания франкского оружия; на побежден-

ных налагалось и политическое, и церковное иго. Народ сразу должен был оторваться от политической самостоятельности и забыть свое прошлое. Потому-то во всех местах, где франки вводили свои учреждения на завоеванных славянских землях – марки и епископские кафедры, – везде встречали они ожесточенную борьбу. Лучшие люди того времени порицали слишком резкие меры относительно новообращенных, но на одинокий голос их не обращали внимания. Известно, что с принятием христианства новообращенные обязывались платить десятину в пользу духовенства. Проповедь христианства между язычниками делалась, таким образом, доходной статьёй церкви. В 798 г., когда Арно получил право на проповедь христианства в славянских землях, Алкуин писал к нему: «Будь проповедником благочестия, а не вымогателем десятины. Десятина, как говорят, уничтожила веру саксов. Зачем возлагать такое ярмо на непривычные к нему шеи, которое ни мы, ни наши братья не могли бы носить?»

В том же духе писал Алкуин Карлу: «Мы, рожденные и воспитанные в христианской вере, нелегко даем десятину всего нашего имения: гораздо более неприятна эта дань слабой вере, датскому духу и материальному чувству».

При всем том доходы Арно в славянских землях были весьма большие: он получал треть всех доходов с них и четвертую часть из десятинного сбора. Кроме того, в пользу зальцбургской церкви уступлено было в разных местах мно-

го участков земли с местным населением, которое обязывалось к дани в пользу церкви и с течением времени совсем закрепощалось ею. На окраинах славянского мира устроились монастыри с целью успешнейшей проповеди христианства. Монастыри, может быть, имели большее влияние на народ, чем епархиальное духовенство; не подлежит, по крайней мере, сомнению значение их в заселении славянских земель немецкими подданными. В 769 г. герцог Баварский Тассило дал позволение аббату Оттону строить монастырь и заботиться об обращении к христианству языческих славян. Монастырь Кремжа имел задачей действовать между аварами и славянами, такое же значение имел монастырь Иннихен, — оба они нередко упоминаются в дарственных грамотах VIII–IX веков. Монастырь Св. Эммерама получает земли около Дуная, нижеалтайский в Нижней Паннонии, но проследить влияние этих монастырей на окрестное население нет никакой возможности. Мы весьма мало знаем даже о деятельности в Моравии пасовского духовенства, которому непосредственно подчинена была эта страна. Все ведет к тому предположению, что Моравия входила в состав епархии пасовского епископа как языческая страна, в которой ему поручалось бросать семена христианского учения. Действительность влияния в такой стране и возможность доходов с нее обуславливались еще разными обстоятельствами, имеющими основание в характере и положении ее населения. Все, что сделал пасовский епископ для обращения Моравии, ис-

черпывается крещением князя и его приближенных.

Аббатство Св. Эммерама, один из древнейших монастырей в глубинах Европы, один из центров христианизации Германии и западных славян

Собрание Моравии. Борьба с немцами за политическую независимость. 830–870 гг.

Имя Моравии в первый раз упоминается в 822 г.; предлагаясь сначала к стране, расположенной по реке Мораве, впоследствии это название распространяется на всю Паннонию и большую часть Угрии⁴². Когда Моравия подпала политическому и религиозному влиянию иностранцев, внутри нее началась работа объединения разрозненных частей, стре-

---

⁴² Было несколько Моравий, называвшихся так от реки Моравы. Малая Моравия, расположенная по Мораве, впадающей в Дунай с юга, состоящей из двух соименных рек, болгарской и сербской Моравы. Область эта, по достоверным историческим свидетельствам, в IX – X веках принадлежала болгарам. Она имела своего епископа на соборе 879 г., упоминается у Константина Порфирородного без эпитета малая, Поморавье, как называет ее в 1208 г. св. Сава в житии своего отца. По распространении болгарского царства к самой Драве всю эту страну стали называть Нижней Моравией, для отличия от Верхней, в которой повелевали славянские князья – Моймир, Ростислав, Святополк. Баварский землеписец представляет эту Моравию в связи с болгарскими и отличает ее от Моравии с 11 городами. Итак, от Моравии, расположенной по Мораве, с юга впадающей в Дунай, должно отличать Моравию по Мораве, с севера впадающей в Дунай. Об этой последней, собственно, должен идти рассказ наш. В древних источниках несколько раз встречается название Вышней, или Верхней, Моравы и разделение ее на две, преддунайскую и паннонскую. Имя этой Моравии особенно распространилось со времени могущества Святополка к югу от Карпат, где была епископия и княжество Нитранское, и на всю Паннонию, так что стало две Верхние Моравии. Из них одна была Моравия преддунайская, а другая – Моравия паннонская.

мившихся к самостоятельности. Мы не знаем, когда сделался князем Моймир, первый, упоминаемый с этим достоинством в Моравии; но не можем отрицать, что он если не получил княжества, то, по крайней мере, держался на престоле с согласия и при содействии франков. Кажется, Моймир по своей деятельности подобен первым князьям московским, которые, не ознаменовав себя военными подвигами, тихо и кропотливо шли к одной цели – усилению своей власти, предоставляя преемникам пользоваться скопленными ими силами. Уступая требованию пасовского епископа, он сделался христианином; чтобы выразить свои миролюбивые намерения, посылал посольства с дарами ко двору немецкого императора; не принимал участия в войнах, которые вели с немцами соседи его – хорватский князь Людевит и болгары. Но преемник его уже выступает за пределы естественных границ Моравии, стремится к политической и церковной независимости, ведет успешную борьбу с преемниками Карла Великого. Поэтому не без основания собрание и устройство моравской земли приписывается князю Моймиру. Мы попытаемся вникнуть в процесс образования княжеской власти у мораван, насколько позволяют известия о деятельности Моймира.

Основной чертой внутренней жизни славян, которая проникала и связывала их общественный быт, было родовое устройство. Устройство родов, т. е. образ и форма общности, в которой жили славяне, была форма патриар-

хальная, та первичная форма, в которой вообще живут народы первобытные. Все члены такого общества свободны: нет наследственного сословного различия. Единство родов выражалось прежде всего в общинном безраздельном владении недвижимым имуществом рода – *дединой*, что значит имущество предков, переходящее по нисходящей линии к потомству, или родовое имущество. Это имущество не могло делиться на части, так что девушки, выдаваемые замуж в другой род, получали в приданое только часть из движимого имущества рода. Все члены рода назывались *челядью*, род сообща заботился о своей дедине, одни помогали другим. «Всякий отец управляет своей челядью; мужчины пахут, женщины шьют платье; если умрет глава рода, все оставшиеся сообща владеют имуществом, выбрав из своей среды владыку, который, для общественного блага, ходит в славные снемы (сейм, вече) вместе с кметами, лехами и владыками»⁴³, – читаем мы в Либушином суде. Так, начальником и главой всякого рода было лицо выборное из членов рода и не всегда старшее по летам. Он назывался отцом, владыкой, старостой и представлял свой род, заботясь об его выгодах, на земских собраниях⁴⁴. Когда с течением времени

---

⁴³ Либушин суд. Изд. Шафарика и Палацкого в *Die ältesten Denkm. Der Böhmischen Sprache*, Prag., 1840.

⁴⁴ У нынешних сербов Восточной церкви, на юг от Дуная, где всего более сохранился обычай выбирать старейшин и поручать им заведование семейными и домашними делами, называется он старейшиной, владыкой называют там епископа. Интересно известие, сообщаемое Вуком Стеф. Караджичем в его «Серб-

чувство родства между родичами забывалось, из рода образовалась община; но и община оставалась верна родовому устройству, была тем же родом, только в более широких размерах. Так, новый член, желавший поступить в общину, должен был вкупиться в нее, внося известный капитал в общественную казну; целая община отвечала за проступок своего члена, даже за следы преступления, оказавшиеся в ее границах, и должна была платить пеню, если не находила или не выдавала преступника. Все старосты или владыки были поземельными собственниками⁴⁵. Но так как не все они могли иметь определенное и одинаковое количество собственности, то издавна некоторые из владык или старост стали выделяться своим богатством и влиянием. Роды, владевшие большой поземельной собственностью в течение нескольких поколений, естественно, должны были приобрести высшее значение сравнительно с другими, менее богатыми родами. Более богатые и влиятельные владыки и старосты получи-

---

ском словаре», Вена, 1818, с. 792: старейшина господствует и управляет всем имуществом, назначает мужчинам и мальчикам работу, продает и покупает, с согласия семьи, заведует домашней казной и выплачивает общественные повинности, начинает и оканчивает домашнюю молитву. Он не всегда старший по летам в роде; если начальник рода дряхл, то передает власть старейшины лучшему из своих сыновей, или братьев, или племянников, хотя бы они были и весьма молоды. Число этих некрупных собственников с течением времени сокращалось; из них развилось, с одной стороны (в Чехии), низшее дворянство, с другой – так называемые нынешние однодворцы. Кстати заметим, что и в новейшее время у некоторых родов в Чехии владельцы майората называются владыками.

⁴⁵ Без сомнения, здесь разумеется собственность благоприобретенная, имущество личное, а не родовое.

ли со временем отличительное название лехов – имя, откуда производят позднейшее слово «шляхта»⁴⁶. От этих лехов, образовавших при собирании общин в государство высшее дворянство, нужно отличать другую, более многочисленную, часть населения страны, простых собственников. Они тоже владели свободной собственностью, но потом их влияние значительно умалилось в пользу крупных собственников, и они образовали низший слой дворянства. Некоторые из родовых старшин соединяли в своем лице и жреческое достоинство, были судьями и распорядителями во внутренних делах своего рода, являлись на общие собрания и по большинству голосов решали там дела, касающиеся всей совокупности родов.

Княжеская власть возникает у славян из власти родового старшины. Начало ее скрывается в глубокой и недоступной наблюдению древности. История имеет дело уже с лицами, поставившими себя выше старшины рода и стремящимися

---

⁴⁶ Хотя существует и другое производство от *Geschlecht*. Что уже и в доисторическое время были такие роды, которые обладали большой поземельной собственностью и влиянием и образовали посредствующий член между князьями и народом, в этом нельзя сомневаться при ясных положительных свидетельствах. Козьма Пражский *Lib. I. 4.* Упоминает между современниками Либуши «*dues cives opibus et genere eminentiores, qui videbandur populi exarctores*». Современный иностранец называл этих лучших мужей то *reguli*, то *duces*, *primores*, *optimates*; в позднейших документах (XIV в.) «шляхтич» объясняется через *magnifice nobilis*, владыка – через *minus nobilis* – *Die ältesten Denkm.* в объяснениях под словом «лех»; *Dějiny I. 198–199*, Jrecek, *Slovanské Právo* § 15 *Zrozeni rodův*.

подчинять себе другие роды и других старшин. На земского князя переносятся все права владык или старшин. Он получал право распоряжаться общественными и частными делами всех родов и мог быть верховным жрецом всего народа. Первоначальные заботы земского князя направляются к тому, чтобы распространить свою власть на все роды, подчинить себе всех родовых старшин, сильнейших между ними ослабить или заменить людьми приверженными.

Таким князем является и Моймир. Без сомнения, он правил не всеми родами, населявшими Моравию; ему предстояло связать землю, разделенную между мелкими владельцами (лехи, жупаны, удельные князья), из которых иные были не слабее его самого. Надо думать, что народные старшины, привыкшие к свободе и независимости, нелегко уступали земскому князю свои права и всего более способствовали к продолжению порядков, вследствие которых соседи приобрели влияние на внутренние дела страны. Княжество Моймира, около 830 г., обнимало область по рекам Мораве и Дые до Дуная, в нынешней Моравии и Верхней Австрии. К этому времени внутренняя работа объединения мелких владельцев под верховной властью земского князя была кончена; мы находим Моймира в успешной борьбе с довольно сильным славянским князем Прибиною.

На восток от Моравы, между Дунаем и Гроном, находилось славянское княжество, столицей которого была Нитра. Князь нитранский Прибина, не желавший подчиниться мо-

равскому князю, должен был оставить свое княжество и искать защиты у немецкого маркграфа Ратбода⁴⁷. Пожив у него некоторое время и приняв христианскую веру, Прибина, однако, не нашел на этот раз защиты у немцев и бежал со всем семейством в Болгарию. Около пяти лет продолжались его скитания, наконец Людовик Немецкий дал ему в лен часть Нижней Паннонии около реки Салы и Блатенского озера. Прибина и сын его Коцел соединили здесь под своей властью славян, населявших Нижнюю Паннонию, стали строить крепости и храмы⁴⁸. В болотистой и лесистой местности, на бе-

---

⁴⁷ С этих пор вообще восточные маркграфы начинают иметь важное значение в истории моравских славян, то, например, в настоящем случае, раздувая раздоры и усобицы в княжеском роде, то вступая с ними в союз против немецких королей. В 825 г. из юго-восточных марок образовалось королевство Баварское, которое Людовик передал своему третьему сыну, от Ирмингарды, Людовику. Область этого королевства должна была заключать в себе большую часть Восточной марки, Паннонию и Каринтию, представительное сословие которых стало теперь называться баварскими графами. Три года спустя после воцарения Людовика Немецкого случилось, что маркграф Фриульский Бальдерих был лишен своей должности за нерадение. Марка, им управляемая, была разделена между четырьмя графами. Между тем как южная часть Украины была таким образом разделена на несколько графств, в северной был маркграфом Ратбод. Из одного документа, относящегося ко времени Людовика Немецкого, 869 г., мы знаем, что маркграф Ратбод был обвинен в вероломстве и измене и отставлен от должности; пока для нас тут важно то, что идет два ряда маркграфов – северные и южные, в обозначении областей которых много грешат источники.

⁴⁸ Последовательность событий определить довольно трудно; безымянный Зальцбуржец годов не указывает, что, вероятно, ввело в ошибку Бюдингера, который, говоря о христианстве в Моравии, выражает такую мысль, будто Прибина принял христианство, когда еще не подвергался преследованиям Моймира, что тогда же освящена церковь в Нитре Адальбрамом... Точно так же у Иречека

регу Салы, он построил укрепление, называвшееся по-славянски Блатно. По имени главного города славянский князь этой страны стал называться блатенским. Под его властью была вся Нижняя Паннония⁴⁹.

Блатенское славянское княжество образовалось под прямым влиянием немцев. Прибина и его сын были служилыми мужами короля Людовика Немецкого, владевшими княжеством на правах лена. Как ни скудны наши сведения об этом времени, но можно догадываться, что Прибина недаром был

перемешаны лица: «Князем Нитранска был, во времена Моймира, князь Прибина, еще язычник, окрещенный арх. зальцбургск. Адальвином» (!); но это был преемник Лиупрама, упоминаемый под 850–865 гг., и крестить Прибину не мог! «Прибина поставил в честь Эмерама в Нитре церковь, которую святил Адальвин» (!) (читай Адальрам). Мы следуем хронике, указанной Шафариком при описании этих событий. Около 830 г. Прибина, уже христианин, оставил княжество и убежал сначала к болгарам, потом к хорватам, после сговорился с франками и получил в лен край у озера Пlesa. По его уходе Нитранское княжество сделалось частью Моравского, которую моравские князья давали в удел младшим членам княжеского рода. Безосновательно и беспричинно предположение уступки Моймиром блатенскому князю Нитранского княжества в 836 г. на единственном основании, что безымянный Зальцбуржец говорит об освящении архиепископом Адальрамом храма в столице Прибины – Нитре. Дело могло произойти просто: Моймир силой завладел Нитрой и считал это княжество своим, немцы могли с неудовольствием смотреть на это и продолжали называть Нитру княжеством Прибины. Иначе зачем они дарят ему обширную область и лен, на которой сосредоточивалась вся деятельность Прибины и его сына, – устройство церквей, городов? Предположив примирение Моймира с Прибиной в 836 г., мы должны прийти к другому предположению, ни на чем не основанному, – именно, что Нитра отнята была у Коцела Ростиславом, на что не имеется известий.

⁴⁹ Так заставляют думать названия местностей, упоминаемых в дарственных грамотах блатенских князей, – *Pettovium*, *Quinque Basilicas* и т. п.

поддерживаем немецким королем. Славянский князь, всем ему обязанный, был для него порукою, что объединение Моравии не пойдет далее, что блатенские князья будут ограничивать захваты моравских князей. Деятельность Моймира как объединителя Моравии казалась опасной немецким маркграфам и королю. Будучи недовольным покровительством его врагам, в 846 г. Людовик напал на Моравию, лишил княжеской власти Моймира и возвел на его место Ростислава, племянника Моймирова. Между тем Прибина своей верностью немцам и преданностью христианской церкви приобрел такое расположение короля, что 12 октября 848 г. получил в собственность землю, которой он владел прежде на правах лена. Зальцбургские архиепископы лично посещали Блатно, освящали вновь создаваемые храмы, посылали к Прибине искусных мастеров, в которых он нуждался. Близкие отношения блатенских князей к зальцбургскому духовенству продолжались до 865 г., когда архиепископ Адальвин встречал праздник Рождества Христова в столице преемника Прибины Коцела⁵⁰.

---

⁵⁰ Положение государства франков по смерти Карла Великого было так ненадежно, что преемникам Карла приходилось довольствоваться против славян оборонительными мерами, каково образование Блатенского княжества. Император Людовик, еще имевший не более 40 лет, разделил Франкскую империю между своими детьми (817 г.). Новый брак его с дочерью графа Гвельфа Юдифью заставил императора изменить прежний акт престолонаследия и выделить рожденному от этого брака сыну Карлу значительный удел. Старшие сыновья Лотарь, Пипин, Людовик и с ними высшее духовенство вооружились против распоряжения императора Людовика. В 833 г. он оставлен был своим дворянством и войском

без всякой защиты и сослан в заточение. По смерти его в 840 г. дети его стали враждовать между собой за упразднившийся престол. По верденскому договору за Лотарем остался императорский титул, Австрия, Фрисланд, большая часть Бургундии, алеманнские области на левом берегу Рейна, Прованс и Италия; Людовику достались все земли на правом берегу Рейна и округа майнцкий, вормский и шпейерский на левом; Карл получил Нейстрию с Фландрией и Бретанью, северо-западную часть Бургундии и Аквитанию, Септиманию и Испанскую марку; Пипин умер еще в 838 г. Хотя части империи оставались еще в известной связи, но с разделением империи пала идея императорского могущества. Людовик, получивший области по правой стороне Рейна, стал непосредственным соседом славян моравских и чешских. С этого времени в судьбах славянского мира играет роль именно эта ветвь преемников Карла – немецкие короли. Временем раздоров в императорском доме пользуются болгары, в 825 г. они требуют размежевания границ и расширения своей власти до Дуная; болгарская флотилия направляется по Драве в Паннонию, опустошает здесь франкские владения, изгоняет славянских князей, преданных франкам, и ставит своих правителей. Графы и префекты Паннонской марки Бальдерик и Герольд оставляют в это время свой пост и являются ко двору, в Майнц. Около 831 г. упоминается о походе маркграфа Ратбода на Ратимира. Нужно иметь в виду эти обстоятельства, чтобы понять усиление Моравии в первой половине IX века.

Князь Прибина Нитранский. Фрагмент памятника, установленного в Словакии в 2008 г.

Первые годы своего правления Ростислав следовал, по отношению к немцам, уклончивой политике своего дяди. Не принимая участия во внешних делах, пока эти дела не касались его страны⁵¹, видимо не подавая повода к неудовольствиям с немцами, Ростислав все внимание сосредоточил на защите страны, возведении новых городов и укреплений. К этому времени относится постройка Девина, знаменитого произведения славянского искусства в обороне страны; франки с удивлением смотрели на эту пограничную крепость Моравии. Тогда же, вероятно, была укреплена и княжеская столица Велеград на Мораве⁵² и построены погранич-

---

⁵¹ Разумею четырехлетнюю войну чехов с немцами 846–849 гг., в которой чехи имели перевес. Ann. Fuld. a. 846; annal Xantenses codem anno; Prudentii Trecensis annals – в 1 т. у Pertz'a.

⁵² Весьма затруднительно определить положение городов, выстроенных Ростиславом, особенно то, где искать Девин и Велеград. Нельзя удовлетвориться объяснениями Шафарика. В своих «Славянских древностях» он говорит, что в 864 г. Растиц был осажден в городе Девине, близ нынешнего Градиштя; далее, что в 869 г. два войска вторглись в Моравию и прошли страной, не находя сопротивления. Карл приблизился к Велеграду... а Карломан, пустившись с юга, соединился с братом где-то на восток от нынешнего градиштского края; здесь же, в примеч. 37, приводит такие доказательства, которые, указывая Велеград на Мораве, вместе с тем ставят его на месте нынешнего Градиштя... Но и Девин тоже близ нынешнего Градиштя. Палацкий на с. 142, говоря о событиях 864 г., высказывает мнение, что Ростислав был осажден в Девине, при впадении Моравы в Дунай; в 869 г. войска далеко идут в глубь Моравии и доходят до Велегра-

ные с немцами укрепления на реке Дые: Зноим, Градец, По-

да, столицы Ростиславовой; приводя далее слова фульдского летописца под соответствующим годом, продолжает: «...что здесь разумеется старый Велеград, нынешнее Градиште, это для нас несомненно; свидетельствует об этом положение его на острове реки Моравы, самое имя (Велеград, magna munitio, Hradiste – munitus locus) и старое сказание о древней славе Велеграда, о Мефодиевой здесь кафедре, наконец, слова грамоты Оттокара I (27 ноября 1228 г.): «Velegrad civitas prima, modo burgus» etc. Старый Велеград погиб во время нашествия чехов и на развалинах его в 1258 г. построено нынешнее Градиште. Иречек в «Slovanské pravo» объединяет все сказания летописца фульдского под 855, 864, 869, 871 гг., относя их к одному Девину. Выходит, по Шафарику, что Девин и Велеград были около одного места: один – близ нынешнего Градиштя, другой – на самом месте этого Градиштя; Палацкий полагает Девин около нынешнего Пресбурга, с чем не согласился и Шафарик, совершенно согласный с ним в определении положения Велеграда. Кажется, что Девин и Велеград не могли быть близ одного и того же места; Девин надо искать не на Мораве, при впадении ее в Дунай, а в другом месте; тем более Девин и Велеград не один и тот же город (по Иречку); Девин есть пограничная от Баварии и Ракус моравская крепость, Велеград – столица князей моравских, следовательно, должен находиться в центре страны. Посмотрим на известия. О походе 855 г. так говорится у фульдского летописца: «Король Хлудовик повёл своё войско в земли моравских славян против их взбунтовавшегося герцога Растица, однако успеха он не добился и, не одержав победы, вернулся обратно, поскольку его противник, как рассказывали, некоторое время находился под защитой очень прочных укреплений, отчего войско короля в результате тяжёлой битвы могло понести серьёзные потери. Однако значительную часть земли герцога войско предало огню и грабёжам и полностью уничтожило большое число врагов, которые хотели ворваться в королевский лагерь. Это не осталось безнаказанным, так как после возвращения короля Растиц со своими людьми последовал за ним и на другой стороне Данувия (Дунай) разорил очень много пограничных деревень» [перевод А. Кулакова]. О походе 864 г.: «Hludovicus rex, mense Augusto, ultra Danubium cum mann valida profectus, Rastizen in quadam civitate, quae lingus gentis illius Dovina, id est puella, dicitur, obsedit. At ille cum regis copiis congredi non auderet atque loca sibi effugiendi denegata cerneret, obsides... dedit...» О походе 869 г.: Карломан с баварцами посы-

дивин, Бретислав и др. Находя страну довольно сильной для

ляется на Святополка, племянника Растица, Карл, вероятно, на самого Ростислава... «Qui dum cum exercitu sibi commisso in illam ineffabilem Rastizi munitionem et omnibus antiquissimum dissimilem venissent», сожгли стены, разграбили имущество, скрытое в лесах и закопанное в полях. И Карломан опустошил царство Святополка огнем и мечом... Под 871 г. «Zuentibald, ceteris castrametantibus, urbem antiwuanam Rastizi ingressus est, statimque Sclavico more, fidem mentitus et juramenti sui oblitus...» Под 870 г. Карломан врывается в Моравию, берет все civitates et castella. Заметим, что Козьма Пражский под 1074 г. дает известие, что на границах Моравии с Ракусами нет ни леса, ни гор, ни других естественных преград, за исключением реки Дьи. Два раз у него же упоминается город Podivin на Свратке (ныне Шварцава) castrum, situm in media aqua Svratka, из чего следует заключить, что нынешнее название Дьи по всему течению ее, до впадения в Мораву, появилось в пору позднейшую (Časop. Česk. Mus., статья Иречка «O starych cestah z Cech a z Moravy do zemi sousednich»). Очевидно, Ростислав, имея в виду продолжительную войну с немцами, должен был защитить границы моравские по преимуществу с этой стороны. А как Дья была пограничной рекой, должно искать на ней или около нее. Грамота князя Брячислава едва ли может приводиться в доказательство места, занимаемого Девином и Велеградом. Угорский погром, опустошительные набеги угров, их господство в Моравии и переворот в населении Моравии, случившийся в начале X века, уничтожили, конечно, Ростиславовы сооружения и изгладили в XI веке память о местности их. Грамота Брячислава соединяет Велеград и Девин в одно как будто понятие, по крайней мере сближает их: Брячислав «...tradidit universam dotem... juxta Vueligrad, ubi coepit christianitas, in loco quondam civitatis Devin cernitur exitisse...» Известен способ укрепления славянских городов; еще более характерен стиль исполнения [в] Чехии и Моравии; обилие леса кругом земли делало Чехию почти неприступною. Городьба, засеки в местах лесистых окопы и валы в местах открытых были достаточными средствами защиты. Принимая это во внимание, события 869 г. нельзя относить к пограничным местностям; ineffabilis Rastizi munitio, упоминаемая здесь, окружена стенами, которые враги жгут, потом опустошают окрестную страну – дело идет здесь о Велеграде на Мораве; но события 855 и 864 гг., где укрепление упоминается – firmissimum vallum (855) и где Ростислав не считает себя хорошо защищенным, предпочитая худой мир случайностям войны (864),

борьбы, Ростислав вошел затем в дружественные сношения с болгарами, своими соседями на юго-востоке, пригласил чехов к одновременному восстанию⁵³, привлек на свою сторону маркграфа Ратбода⁵⁴. Король Людовик должен был наконец принять свои меры, чтобы удержать Моравию в границах зависимости. В 855 г. с большим войском пошел он в Моравию; но границы ее были так укреплены и моравское войско заняло такое безопасное место, что король отступил назад, не отважившись взять ни одной крепости и начать сражения.

происходит близ границ моравских, в крепости неизвестного имени и в Девине, на реке Дые, на острове (in media aqua fl. Zvratka). Вообще заметно, что Ростислав серьезно взялся за дело борьбы с немцами, недаром употребивши первые десять лет княжения.

⁵³ Это догадка, которую, впрочем, трудно оспаривать. Одновременные волнения у славян на весьма широких пространствах имеют между собою часто связь. Факты следующие: фульдский летописец под 856 г. сообщает, не объясняя причин: «В месяце августе король Хлудовик, собрав военный отряд, отправился через землю сорбов, герцоги которой присоединились к нему, на далматов и в битве победил их. Он принял от них заложников и обложил этот народ данью. Оттуда он прошёл через землю богемцев и подчинил некоторые герцога» [перевод А. Кулакова].

⁵⁴ Около 856 г. маркграф Ратбод, обвиненный в вероломстве и измене, отставлен от занимаемых им должностей. Мы приведем здесь слова Дюмилера из его *südstl. Marken*, s. 34: «Если мы сообразим, что в этом (разумеет 855 и 856 гг.) или в следующем году у Ратбода отнято было марграфство, то с этим весьма совпадает позднейшее, тем не менее достоверное известие, что в 856 г. управление Остмарком было передано Карломану, старшему сыну Людовика от Геммы. Это было первым шагом ко введению новой системы управления в уkraine. Разделения на северную и южную половины не видно более, и власть, делившаяся между Герольдом и Эрихом и преемниками их, сосредоточилась теперь в руках королевского принца.

Ростислав преследовал его за границы Моравии и опустошил баварские пограничные области.

Следствием счастливой войны с Людовиком был значительный политический выигрыш для Моравии. Ростислав считал теперь осуществимой мысль о независимости, перестал отправлять послов на государственные сеймы имперские, не посылал обычной дани; но немцы до 864 г. не предпринимали вторичного похода на Моравию. В это время среди других славянских народов мораване приобрели то значение, которым они пользовались до конца IX века, значение поборников славянской свободы, предводителей в борьбе за независимость; в то же время имя Ростислава сделалось уважаемым среди самих врагов его. В 857 г. чешский князь Славитех, изгнанный немцами из виторажского княжества, находит заступничество у Ростислава; Карломан, храбрейший и даровитейший из детей Людовика, не находя достойного для себя поприща в управлении Восточной маркой, вошел в переговоры с Ростиславом и стал домогаться баварской короны. Он прогнал графов, которым отец его поручил управление Каринтией и Паннонией, и передал эти должности своим приверженцам⁵⁵. Вероятно, в связи с этим стоит и

---

⁵⁵ На могущее быть столкновение между Ростиславом и Карломаном указывает фульдский летописец под 858 г. К этому времени нужно отнести и конец деятельности Прибины. Убит ли он в войне с Ростиславом (Шафарик, т. II, кн. II, с. 293), или Карломан лишил его княжеского достоинства и вместе с сыном прогнал из Паннонии, неизвестно. Важно для нас то, что блатенские и моравские князья еще в 861 г. были враждебных между собою направлений: князь морав-

то обстоятельство, что герцог Эрнест, тесть Карломана, доселе самый влиятельный советник короля, и вместе с ним много других высокопоставленных лиц около этого времени лишены были своих мест за неверность. Людовик был весьма встревожен и опечален этими событиями, он видел, что измена и заговор проникли не только в его совет, даже в его семейство. Но он находился в таком затруднительном положении, что не мог предпринять мер ни против Ростислава, ни против Карломана. Летом 862 г. сам Карломан явился в Регенсбург, дал обещание оставить свои замыслы и снова получил в управление Восточную марку. Но и после того он не прерывал подозрительных для короля сношений с моравским князем; почему Людовик, объявив его лишенным прав на занятие высших должностей, в союзе с болгарами пошел на него войной. Карломан, не получив помощи от Ростислава, был обманут графом Гундакером, перешедшим на сторону короля, и принужден искать спасения в бегстве. Получив потом надежду на прощение, Карломан явился в Регенсбург и жил здесь некоторое время под почетной стражей. В Восточной марке снова поставлены были королевские чиновники⁵⁶; приверженцы Карломана потеряли свои места.

Немецкому королю была известна главная причина волнений и смут в марке; но его делала нерешительным и ставила

ский стремится к национальной независимости, блатенский – дружит с немцами. Коцел, сын Прибины, утвердился в правах блатенского князя не ранее 863 г., когда Карломан принужден был оставить управление Восточной маркой.

⁵⁶ Гундакер получил маркграфство Каринтия, Коцель – Блатно.

в недоумение широкая сеть, раскинутая Ростиславом даже в самом дворе его⁵⁷. Удаление из Восточной марки Карломана и восстановление в ней чиновников придворной партии, каков Гундакер, развязывало Людовику руки и делало вероятной надежду на счастливый поход; для надежнейшего исхода предприятия он заключил против Ростислава союз с болгарями (в Тульне). Каков был в западном мире взгляд на стремления Ростислава, показывает относящаяся к этому времени грамота папы Николая I. Благословляя короля на войну с Ростиславом, папа говорит: «Так как царь имеет намерение отправиться в Тульну и там заключить союз с царем болгарским и Ростислава волей-неволей принудить к повинению, то просим всемогущаго Бога, чтобы ангел, помогавший патриарху Иакову, был также помощником и его поиску, чтобы благоустроен был путь его и чтобы он с радостию возвратился восвояси». В середине августа 864 г. Людовик с огромным войском перешел Дунай и осадил Ростислава в Девине; неизвестно, по каким побуждениям моравский князь согласился на невыгодный мир и выдачу заложников⁵⁸. Последующие обстоятельства показывают, что этот невыгодный мир нисколько не изменил отношений Ростислава к немцам и не

---

⁵⁷ Вероятно, совещания о походе против Моравии были нередки: не иначе можно объяснить предположения о походах, не приводимые в исполнение, – под 856 и 863 гг. у фульдского летописца.

⁵⁸ Annal. Fuld. a. 864. Словам летописца едва ли следует давать много веры.

унизил его в глазах современников⁵⁹.

Во время похода Людовика в Моравию Карломану удалось обмануть стражу и бежать на границу, где некоторые графы и между ними Гундакер признали его своим повелителем. Король согласился восстановить Карломана в прежнем достоинстве – правителя Восточной марки, а в следующем году поручил ему и Баварию. Но эта уступчивость, устранившая всякий повод к недовольствию с Карломаном, вызвала восстание с другой стороны. Второй сын Людовика Немецкого, Людовик-младший, считая себя обиженным щедростью отца по отношению к Карломану, привлек на свою сторону многих вельмож и убеждал Ростислава принять участие в восстании против короля. Но скоро заговор Людовика-младшего был открыт, замешанные в нем лица явились в Моравию и искали защиты у Ростислава. Некоторые из них поступали в моравскую военную службу, сражались в рядах славян со своими соотечественниками, предводительствовали даже отдельными отрядами славян⁶⁰. С 868 г. мы видим Ростислава еще раз в тяжелой и продолжительной войне с немцами, с настойчивостью веденной им в продолжение трех лет. Театр этих войн представляла не одна Моравия; чехи и полабские славяне разом поднялись вме-

---

⁵⁹ Летописи Мар. Скота, гильдесгеймская, гельверденская, ашафенбургская уже с 856 г. называют Ростислава королем моравским.

⁶⁰ Annal. Fuld. a. 869. «В войне немцев со славянами убит был Гундакер, перешедший на сторону Ростислава... more Catilino dimicare volens».

сте с Ростиславом против ненавистного чужеземного господства.

omment il fu traitie en chascune iournee
au profit des .ij. royaumes / tout ne fust
l'apres tenu par la desloyaute au roy
ous de germanie.

Карломан, король Баварии. Фрагмент средневековой миниатюры

Немецкие летописцы того времени, описывая исключительно отечественные события, обращали весьма мало внимания на своих соседей и только кратко упоминали о войнах с ними; но славяне тогда еще не имели своих летописцев. Поэтому мы не имеем почти никаких свидетельств о внутренней жизни моравского народа. Это тем более достойно сожаления, что тогда совершались весьма важные перемены в духовном развитии моравян, в их обычаях, общественном устройстве и учреждениях. То было время, когда христианство боролось с язычеством, когда утверждалось единое государство и совершалась переработка старой раздробленности в стройное государственное единство. Как бы успешно и умеренно ни проводились эти изменения, несомненно, они влекли за собой волнения, смуты, страстное возбуждение мысли. Но ни один достоверный источник не дает сведений об этом важнейшем периоде внутренней жизни моравского народа. Замечательно, что в самой Моравии не осталось никакого воспоминания не только о доисторической поре жизни, но и о славном времени Ростислава и Святополка, вообще о периоде до угорского погрома.

Стремление к церковной самостоятельности. Деятельность св. Кирилла и Мефодия⁶¹. 862–872 гг.

Ростислав поставил себе определенную цель – возвысить Моравию в положение самостоятельного государства. Посредством дружественных договоров с соседними родственными народами, пользуясь раздорами и слабостью детей и внуков Людовика Благочестивого, он мог устранить влияние маркграфов и сделаться полновластным правителем страны. Но, еще недавно принявшие христианскую веру, моравяне находились в церковной зависимости от пасовского епископа, а известно, что проповедь христианства и новообращенной страны была тогда важнейшим средством к полному ее подчинению. Моравскому государю, желавшему дать своей стране политическую самостоятельность и оградить ее от влияния немцев, весьма естественно было желать, чтобы

---

⁶¹ Источники для церковной истории Моравии. Главным образом они сосредоточиваются около разнообразной и богатой последствиями деятельности Кирилла и Мефодия. Первое место между ними занимают официальные источники: письма, грамоты, инструкции, договоры и т. п., таких документов насчитывается до 27. Второе место занимают сказания о жизни Кирилла и Мефодия, разделяющиеся на два разряда: сказания латинские и сказания славянские. Литературные труды по обработке источников и по историческому изложению жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, равно как и по вопросу о церкви, богослужении в Моравии, многочисленны.

ни пасовский епископ, ни немецкое духовенство не предъявляли более притязаний на духовное владычество в Моравии. Ближайшим и более верным средством к этому было просить для Моравии проповедников либо у папы, либо у патриарха Цареградского.

К концу 862 г. Ростислав вместе со своим племянником Святополком отправили в Царьград посольство с просьбой прислать в Моравию учителя веры. Просьба моравских князей с сочувствием была принята тогдашним императором Михаилом III. Он поручил дело церковного устройства Моравии лицам, уже подготовленным к подобной деятельности, братьям Константину и Мефодию.

Святые братья родились и получили первоначальное воспитание в Солуни; этот город представлял смесь населения эллинского и славянского, поблизости от него расположено было множество славянских селений. Солунь имела тогда важное значение в политическом и церковном отношении, здесь продолжали еще изучаться науки и искусства, отсюда выходили ученые люди, сочинения которых, сохранившиеся до сих пор, свидетельствуют о высоком образовании их авторов⁶². Живое обращение со славянами было для Константи-

---

⁶² В Солуни не только в цветущее время империи разрабатывались науки и искусства, но занятия ими продолжались и в последующее время; Иоанн Камениата, уроженец солунский, свидетельствует, что в его время в Солуни преподавались красноречие, музыка, право и другие изящные науки и что город был наполнен студентами. В ряду ученых своего времени уроженцы солунские занимают самое видное место; во главе их стоит Евстафий, архиепископ Солунский,

на и Мефодия весьма хорошим средством для ознакомления со славянским языком и народными обычаями, а должность правителя славянской областью, которую получил Мефодий, поставила его в непосредственные и ближайшие отношения с ними. По смерти отца, занимавшего важное место в греческой службе⁶³, Константин взят был ко двору и воспитывал-

---

известный комментарием к Гомеру, живший во второй половине XII века; Феодор Газский, знаток греческого и латинского языка, переведший на латинский Аристотелеву историю животных; Симеон, архиепископ Солунский, Константин Гарменопул, Камениата, Константин и Мефодий и др.

⁶³ Главный источник – паннонские жития: 1) Житие Константина философа, нареченного Кирилла, изданное Бодянским по многим спискам в Чтениях в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских, 1863 г., II кн. и 1864 г., II кн.; 2) Житие блаженного отца нашего и учителя Мефодия, архиепископа Моравьска в Чтениях за 1865 г. I кн. Об отце их и занимаемой им должности так говорится в житии Кирилла: «В селуньстем же гради бе муж некий, добродороден и богат, именем Лев, предръжа сан другареск под стратигом». Мы по преимуществу следуем паннонским житиям, и вот на каких основаниях. Сказания о жизни Кирилла и Мефодия составляют второй разряд источников для истории их. Сначала между сказаниями первое место занимала так называемая итальянская легенда, изданная в 1668 г. Геншепом; ею и поверялись другие сказания; затем, после Добронского, в число первостепенных источников для жизни святых братьев принято было греческое житие Климента, епископа Величского. Оно писано было учеником Климента, как доказал Миклошич, издавший его в 1847 г. Говоря о сказаниях, имеющих предметом своим жизнь братьев Кирилла и Мефодия, Гинцель так высказывается о задаче историка при обращении с ними: «В отношении легенд о Кирилле и Мефодии задача критики определена весьма ясно – это отделить в них историческую истину от баснословия. Так как важнейшие моменты жизни святых апостолов ясно указаны свидетельствами точных и достоверных источников (официальных в противоположность сказаниям, источникам неофициальным), то для моравской, чешской, болгарской, паннонской и всякой другой легенды является следующий закон: все вообще и все порознь,

ся вместе с будущим императором Михаилом III, под руко-

что в этих легендах противоречит данным тех достоверных документов, нужно обойти как ложь и неправду...» Абсолютно лучше этого закона ничего нельзя желать; но если эти официальные источники ясно выдают себя странной непоследовательностью, противоречиями, сбивающими с толку и строгих исследователей; если до невозможности трудно привести их в согласие между собой без привнесения посредствующих обстоятельств, без обращения внимания на ход тогдашних политических отношений; если, одним словом, эти официальные документы, для толкования и понимания их, требуют еще от исследователя догадок и соображений, чтения подлинного смысла их между строками; то, очевидно, должны при этом получить неофициальные источники не то значение, какое дает им Гинцель, – в данном случае несоответствие сказания с официальным документом требует от историка внимательной снисходительности к нему, проверки и критической работы над ним, а совсем не заподозрения его во лжи и неправде. При таком взгляде на дело, когда значение сказаний поднялось в истории деятельности Кирилла и Мефодия, появились критические работы над ними. Пользуясь этими трудами, мы скажем несколько слов о значении так называемых паннонских житий для истории Кирилла и Мефодия. Во-первых, отнесенная Гинцелем к официальным документам итальянская легенда не есть самостоятельное повествование о жизни Кирилла и Мефодия: о святых братьях говорится здесь только по поводу обретения мощей Климента; отвлеченность изложения показывает, что автор ее пользовался какими-то рукописными материалами и совращал их; с одной стороны, по своей неполноте, как передающая события из жизни одного Кирилла, с другой – по неизвестности происхождения сообщаемых ею данных итальянская легенда далеко не может удовлетворить исследователя. Таким же характером отличается и жизнь Климента. Во-вторых, паннонское житие Мефодия написано вскоре по смерти Мефодия, во второй половине IX века, написано кем-либо из учеников Мефодия, на самом месте деятельности учителя, в Паннонии. Хотя житие Константина по воззрениям и изложению имеет внутреннее сродство с житием Мефодия и некоторым образом дополняет его, тем не менее оно не может быть приписано одному и тому же автору с житием Мефодия, и достоверность одного жития должна быть доказываема независимо от другого. Полную достоверность и важность для истории Дюммлер признает собственно за житием Мефодия. Что до жития Кириллова, характеристика жития Мефодия,

сделанная им, может быть приложена и к этому житию: «Вообще наше житие, если смотреть на него беспристрастным взглядом, производит впечатление простого и безыскусственного рассказа. Многие из фактов, сообщаемых им, легко привести в связь с тем, что мы доселе знали об этом предмете; относительно других фактов мы не имеем источников, которые бы отрицали или подтверждали подлинность их. Нет тут чудесных и невозможных вещей, могущих возбудить сомнение в достоверности источника; житие не имеет свойств предания, разукрашенного и искаженного в устах народа». Кроме простоты и безыскусственности рассказа житие Кириллово не может не обратить на себя внимание необыкновенной подробностью в повествовании, которая служит лучшим ручательством истинности повествуемого и современности повествователя. О сравнительном достоинстве итальянской легенды и паннонских житий положительно высказался у нас первым Бодянский. Вчитываясь в житие Кирилла, говорит он, я убедился, что и так называемая Добровским итальянская легенда есть не что иное, как сокращение этого жития. Может быть, Гаудерик воспользовался житием Кирилла, составленным Климентом; или же Гаудерик пользовался одним и тем же источником, что и Климент, т. е. сочинением Кирилла «Прение магометаны и жида в Казарех». Существенных прибавлений со стороны сократителя немного, лишнее относится только к событиям западным, следовательно, привнесено как дополнение местного жителя. В таком случае все западные источники, за исключением только папских булл, стали бы в разряд источников второстепенных. Еще положительнее высказался в этом направлении Викторов. Сличая известия итальянской легенды и жития, он убедительно доказал, как составитель легенды сокращал и перефразировал полные и подробные данные жития, и поставил вопрос об источном положении жития к легенде, кажется, вне сомнения. Излишне было бы поэтому говорить, что там, где мы не имеем официальных свидетельств о жизни Кирилла и Мефодия, первый голос должны оставлять за паннонскими житиями, так как между неофициальными источниками они самые древние и достоверные.

⁶⁴ Константин лишился отца, когда ему было около 14 лет, вызван в Царьград с восшествием на престол трехлетнего Михаила (842), год рождения его – 827-й. Империей тогда управляла Феодора с двумя опекунами: Мануилом – *magister et scholarum domesticus* – и Феоктистом – *patricus dromique logopeta*. Вероятно, последний был покровителем Константина; как сказано в житии Кирилла: «Ца-

С этим последним, превосходившим ученостью всех своих современников, Константин соединен был тесной дружбой, которой и пользовался для своего образования. С раннего детства одушевленный любовью к просвещению, он предпочитал уединение и скромную жизнь придворной должности и высоким почестям, к которым имел свободный доступ по своим связям и образованию. Его манила к себе монашеская созерцательная жизнь, вдали от больших городов; но, удержанный в Царьграде, он принял священнический сан, должность патриаршего библиотекаря и потом преподавателя философии, откуда, может быть, и удержалось за ним имя философа. По предложению императора Константин держал публичный диспут с низверженным патриархом, иконоборцем Аннием⁶⁵, и 24 лет от роду, т. е. около 851 г., в сопровождении Георгия Полата, предпринимал путешествие к сарацинам с целью проповеди христианства между магометанами. Возвратившись из этого путешествия, Константин удалился в монастырь на Олимпе, где нашел и брата своего Мефодия, который, оставив славянское княжение, решился быть монахом⁶⁶. С этих пор святые братья действуют вместе и ни-

---

рев строитель... Логофет... посла по него, да ся бы с царем учил».

⁶⁵ Житие Кирилла подробно описывает это время жизни Кирилла; его покровитель Логофет предлагает ему сан стратига, Константин скрывается в монастырь; через 6 месяцев нашли его и возвратили в Царьград.

⁶⁶ Что это за «царство амавриино» жития Кириллова и где оно находилось? Дюммлер полагает, что здесь говорится об Абассиде Мутаваккиле, Рачкий – что здесь разумеется Омар или Амерман Милетский, бывший во вражде с Византи-

когда не разлучаются. Монашеские труды их были прерваны поручением императора, отзывавшим их на общественную деятельность. Властитель хазар, народа финско-турецкого племени, владения которого обнимали обширные степи по Дону и Волге до Кавказа, просил византийского императора прислать к нему ученого мужа, который бы доказал, какая вера истинная – магометанская, еврейская или христианская. Константин принял на себя это дело, изучил в Херсоне хазарский язык, победоносно выдержал спор с еврейскими учеными и сделал то, что каган, сам убедившись в истинности христианской веры, позволил креститься своим подданным. В Херсоне Константин обрел мощи святого Климента, папы римского. По возвращении из этой миссии он остался в Царьграде, а Мефодий, отказавшись от епископского сана, который был предложен ему, избрал своим местопребыванием монастырь Полихрон.

В это время явились в византийскую столицу послы моравского князя Ростислава. Понятно, что император Михаил не мог колебаться в выборе лиц для проповеди христианства в Моравии: Константин и Мефодий знакомы были со славянским языком, дали неоднократный опыт ревности к вере и просвещению, были уже известны, как способные проповедники. Святые братья согласились, по предложению императора, принять на себя дело проповеди Евангелия у славян моравских. За Константином Философом удержалось до

сих пор имя изобретателя славянских письмен. Были ли до него у славян какие-либо письменные знаки, изобрел ли он, т. е. выдумал ли сполна всю азбуку или воспользовался уже существовавшими письменными знаками и только дополнил и приспособил их к требованиям того славянского наречия, на которое ему нужно было сделать перевод священных книг, решительно сказать об этом ничего нельзя. Но, по некоторым соображениям и признакам, вероятнее предполагать, что Константин дал жизнь, приспособление и широкое распространение уже существовавшим у славян письменным знакам⁶⁷.

---

⁶⁷ Об употреблении письменных знаков до кириллицы говорит черноризец Храбр: «Славяне... чрътами и резями чтеху и гатааху, погани суще»; на существование таких знаков указывает глаголица. На изображениях, изваяниях идолов языческой славянской поры были высечены буквенные знаки, в «Суде Либуши» упоминаются праводатные доски. Уставное письмо славянское, если сравнить его с греческим, подобным же, письмом, указывает на происхождение его по времени ранее второй половины IX века, потому что тогда уже греки писали полууставом.

Святые Кирилл и Мефодий (барельеф памятника в честь 1000-летия Крещения Руси)

С новосоставленной для славян азбукой, с мощами Климента, папы римского, богато одаренные императором, отправились Константин и Мефодий в Моравию. В 863 г. они

были уже в столице Ростислава; князь моравский принял их с большим почетом, жители Велеграда выходили навстречу и радостно приветствовали их. Деятельность святых братьев в Моравии началась приготовлением молодых моравян к совершению обычных церковных служб, обучением их славянской азбуке и чтению: если князь задумал устранить всех латинско-немецких проповедников, то нужно было позаботиться о том, кем заменить их. Вместе с тем начался перевод священных книг на славянский язык и отправление богослужения на народном языке.

Ко времени прибытия в Моравию греческих проповедников латинское духовенство не могло сделать здесь больших успехов. Этому, с одной стороны, препятствовало нерасположение князя, а вероятно, и народа, к немецкому духовенству, с другой – самая задача, которую имели в виду проповедники, облагая новообращенных даяниями и десятинами. Прочного церковного устройства Моравия не могла получить ни при Моймире, ни при Ростиславе; при последнем еще менее, так как он очень ясно сознавал необходимость освободиться от церковного подчинения немецкому духовенству, чтобы дать своей стране самостоятельное политическое положение. Ходили по Моравии проповедники разных наций: латинские, немецкие и греческие; ими, вероятно, не управляла одна власть, потому что они подали повод жаловаться на разность в вероучении; в народе были разные суеверные толки, вероятно, отпрыски какой-нибудь ереси; при-

носились жертвы идолам; браки заключались по произволу; оставляя одну жену, всякий считал себя вправе жить с другой. Все это приписывалось дурным проповедникам и, конечно, возбуждало неудовольствия. Будь сильно в Моравии немецкое духовенство, оно бы не допустило греческих проповедников встать близко к князю и иметь на него влияние, и Ростислав не мог бы жаловаться на недостаток хороших проповедников. Весь промежуток времени от 855 до 864 г. Моравия представляет неприятельский стан по отношению к немцам, куда стекаются все недовольные немецким правительством; во всех интригах и волнениях даже королевского семейства замешано имя Ростислава.

Князь Ростислав Великий на монете в 100 евро словацкой чеканки

Тем не менее Моравия причислялась к церковному округу пасовского епископа, и немецкое духовенство должно было здесь иметь численное превосходство перед проповедниками других наций. Еще могли при взаимных уступках

ужиться в одной стране немецкие и латинские проповедники; но всегда возникали вражда, раздражительность и низкая клевета, если сталкивались на одном поприще греческие и латинские или немецкие проповедники. Во взаимной вражде по церковным делам уже тогда выражалась разность культур – западной и восточной, – неодинаковость целей, преследуемых греческой и римской церковью. Пасовское духовенство не могло равнодушно смотреть, как мораване, оставляя прежних проповедников без дела и доходов, толпами шли в церкви, где раздавались песнопения и молитвы на родном им языке: оно указывало Константину на незаконность употребления им славянского языка в богослужении, утверждая, что только на еврейском, греческом и римском прилично и законно славить Бога. Константину приходилось опровергать эти доводы и, при всех затруднениях, продолжать начатое дело. Сначала столкновения были местные, так сказать, домашние, потом они перешли в вопрос о правах римской и греческой церкви на проповедь христианства в Моравии. Святые братья были простые проповедники, они не имели высшего духовного сана и не могли употребить никакого оружия, кроме слова, против своих соперников; со своей стороны, пасовский епископ должен был принять решительные меры против греческих проповедников. При таких обстоятельствах в 867 г. папа Николай I приглашает к себе Константина и Мефодия⁶⁸.

---

⁶⁸ Только в одной чешской легенде указывается религиозная цель путешествия,

После почти трехлетней с лишком проповеди по разным местам Моравии⁶⁹ святые братья предпринимают путешествие в Рим. Они взяли с собой лучших учеников, приготовленных для занятия церковных должностей, перевод священных книг и мощи св. Климента. Путь их лежал через Паннонию, где они провели некоторое время у князя Коцела. Узнав о славянском письме и переводе священных книг на славянский язык и желая распространить в своей области это изобретение, Коцел дал святым братьям для обучения 50 учеников из своих подданных, предложил богатые дары; но Константин и Мефодий от даров отказались, а ходатайствовали за пленных, которых и освобождено было до 900 человек. Проходя Венецию, Константин должен был выдержать горячий спор с латинским духовенством из-за богослужения на славянском языке и перевода Библии. Он приводил тексты Священного Писания, в которых прямо позволено славить Бога на всяком языке, указывал на пример армян,

---

в болгарской – желание братьев получить разрешение папы на перевод Священного Писания. У Гинцеля поводом к путешествию в Рим выставляется недовольство Ростислава, что Кирилл и Мефодий должны действовать в зависимости от пасовского епископа; что по этому поводу Ростислав входил в письменные сношения с папой. А вот мнение Ваттенбаха: «Вероятнее, что они приглашены были папою Николаем, так ревностно охранявшим епархиальные права своей церкви; но также и другие обстоятельства (разумея неудовольствия между патриархом Фотием и папой) побуждали св. братьев к путешествию в Рим». Но гораздо вероятнее, что вмешательство папы в судьбы Моравии вызвано было самим пасовским духовенством.

⁶⁹ Моравская легенда; сюда же относится освящение церкви в Оломоуце, освящение церкви Св. Климента в Лютомышле.

готов, персов, сирийцев, которые все употребляют свой родной язык для славословия Бога. Какой прием ожидал святых братьев в Риме? Им не привелось увидеть папу Николая I: среди разнообразных приготовлений и широких замыслов он умер 13 ноября 867 г.; преемником его был Адриан II, избранный 14 декабря того же года.

В то время, когда Кирилл и Мефодий боролись в Моравии с немецким духовенством, противники их выставляли им возражения, сущность которых сводится к одному, что греческие проповедники незаконно ввели новый язык в богослужение; через некоторое время Мефодию пришлось защищаться против другого обвинения, что он не имеет права на проповедь в чужой епархии; далее – папа, во имя незыблемых прав святого Петра, устранив притязания пасовского епископа на церковное обладание Моравией, стремится подчинить своей власти Паннонию и Моравию как области, в которых некогда сеял семена христианского учения апостол Андроник. Деятельность греческих проповедников стала, таким образом, центром, в котором встретились разнородные, взаимно себя отталкивающие силы. Вопрос осложнился еще тем, что рядом с Моравией, в Болгарии, открывалось тогда для Востока и Запада обширное поле проповеднической деятельности и мирских выгод: кому владеть Моравией и Болгарией – Риму или Византии?

Обитавшие на Дону болгары⁷⁰ в 678 г. разделились на

---

⁷⁰ Для первоначальной истории болгар главный источник византийцы.

несколько орд и отправились к западу. Одна из них перешла Дунай, завоевала славянский народ, живший в Мизии и Фракии, и дала ему свое имя. Другая орда овладела областями по реке Тиссе и Мароше в древней Паннонии. При Круме, в начале IX века, болгары тисские и дунайские образовали одно государство. С тех пор со стороны греческого духовенства начинаются попытки к обращению болгар в христианство. При императоре Михаиле III эти попытки увенчались полным успехом⁷¹: князь Богорис и болгарский народ приняли христианскую веру греческого обряда в конце 864 или начале 865 г.⁷² Богорис, названный в крещении Михаилом, вступил в тесную дружбу с Царьградом, приобрел от императора спорную область Загорье; патриарх Фотий написал для него поучение, в котором излагал обязанности государя и определял отношение новой церкви к ее метрополии – Царьграду (865). Но для болгар так же нежелательна была церковная

---

⁷¹ Об обращении болгар к христианству говорят византийцы; у византийцев обращение Богориса объясняется упадком его духа и энергии во время народных бедствий, расстроенных воображением его картиной Страшного суда, например, у продолжателя Константинова.

⁷² В мае 864 г. папа Николай I пишет к епископу Констанцскому Соломону: «... quia vero dicus, quod rex speret, quod ipse rex Vulgatotum ad fidem velit converti, et iam multi ex ipsis christiani facti sunt, gratia agimus Deo – Jaffé», *Regesta Pontificum Romanorum*, № 2084, p. 245. Патриарх Фотий в окружном послании 869 г. говорит: «Еще не прошло и двух лет после того, как народ болгарский обратился к истинной вере Христовой, и вот явились нечестивцы и отверженные, сыны тьмы, которые набросились на виноград Христов», – разумеет наплыв в Болгарию латинского духовенства в 867 г.

зависимость от Византии, как для мораван зависимость от немецких епископов: в том и другом случае соседство с государством, из которого идут проповедники с известными национальными стремлениями, казалось опасным для политического существования новообращенной страны. По тем же побуждениям, по каким Ростислав Моравский просил проповедников из Греции, Михаил Болгарский в 866 г. обратился с просьбой к папе и Людовику Немецкому⁷³. Болгарские послы прибыли в Рим в августе, главным образом они просили себе епископа, но вместе с тем предложили папе целый ряд церковных вопросов, на которые просили его разъяснения. В ноябре того же 866 г. отправились в Болгарию, по поручению папы, епископы Павел Популонский и Формоз Портуанский; с ними, вероятно, было много низшего духовенства: мы знаем, что в 867 г. Болгария была наполнена римскими проповедниками. Папские легаты начали в Болгарии распространять христианство католического обряда: заставляли читать Символ с прибавлением *filioque*, крещеных греческими проповедниками снова помазывали миром. Михаил изгнал из Болгарии греческое духовенство и послал в Рим во второй раз послов, с просьбой посвятить в архиепископы для Болгарии Формоза и прислать еще священни-

---

⁷³ Не следует забывать, что духовенство и тогда уже было образованнейшим сословием, пользовалось большим влиянием, участвовало в управлении, употреблялось по поручениям в международных переговорах; желание иметь духовных лиц из отдаленнейших стран свидетельствует о политическом такте Ростислава и Михаила.

ков. Зная честолюбивый характер своего легата и предвидя в просьбе князя намерение поставить Болгарию в независимое положение по церковным делам, Николай I не согласился назначить Формоза в архиепископы, а послал вместо него двух епископов, Доминика и Гримоальда, и с ними большое число священников. Получив отказ в Формозе, Богорис отправил в Рим третье посольство во второй половине 869 г.; во главе посольства был родственник князя, боярин Петр; ему поручено было просить у папы в архиепископы диакона Марина или кого другого из кардиналов римских. Но Адриан не мог удовлетворить желание Богориса; за отсутствием Марина⁷⁴ он послал в Болгарию иподиакона Сильвестра. Подобная медлительность и неуступчивость должна была наскучить наконец болгарскому князю. Притом и греки, без сомнения, употребляли все средства, чтобы возвратить Болгарию в свою церковь.

Обращаясь от Царьграда к Риму, болгарский князь мог ожидать больших выгод и уступок для своей церкви; оттого-то так настоятельны и часты были его посольства в Рим. В это время отношения Западной и Восточной церквей были довольно натянутые. Низвержение Игнатия в декабре 857 г. и возведение на патриарший престол, непосредственно из мирян, Фотия повело к разным нестроениям в церкви константинопольской и подало повод к обнаружению честолюбивых притязаний со стороны представителя римской церк-

---

⁷⁴ Марин был отправлен легатом в Царьград в июне или июле 869 г.

ви. Пока дело не выходило из круга толкования церковных правил, касающихся только поспешного и незаконного возведения в патриархи Фотия, обе стороны надеялись еще на взаимное примирение и прочный церковный союз; но когда вместе с этим оказалась разность в догматическом учении и практике церковной, личный спор представителей двух церквей перешел в вероисповедный (867) и послужил началом к разделению церквей. А когда греческая и римская церкви столкнулись на одном и том же поприще проповеди христианства у болгар и мораван, обе стороны вышли из спокойной, богословской борьбы и с целью унижить противную сторону обратили внимание на увеличение своих церковных областей. Щедрые подарки, обещание политических выгод со стороны византийского правительства, нерешительность папы поколебали наконец намерение болгарского князя получить архиепископа из Рима. Тот же самый боярин Петр, который был посылаем в Рим во главе блистательного посольства, отправился в начале 870 г. в Царьград, где и совершилось присоединение Болгарии к Восточной церкви. Патриарх Царьградский назначил в Болгарию архиепископа и епископов, а Богорис изгнал из страны латинское духовенство.

Потеряв Болгарию, папа мог еще надеяться вознаградить себя обширной провинцией, лежащей на север от Дуная, где также греческие проповедники бросили первые семена христианского учения. Просветители славян моравских

Константин и Мефодий были приглашены в Рим папой Николаем I. Но святым братьям не пришлось увидеть Николая, они прибыли в Рим при преемнике его, папе Адриане II. Прием, сделанный в Риме Константину и Мефодию, был торжественным. В пышной процессии, сопровождаемый духовенством и гражданами столицы, вышел папа за город навстречу им. Все недоумения и по поводу проповеди в чужой епархии, и по поводу богослужения на славянском языке, и перевода Библии были устранены папой, и сделано все по желанию святых братьев. Славянские книги не только были одобрены первосвященником, но сам он положил их на алтарь и отслужил над ними литургию. Епископам Формозу и Гаудерику приказано было посвятить Мефодия⁷⁵ и учеников его в священный сан; несколько дней сряду служили литургию на славянском языке в главных храмах римских, в служении принимали участие епископ Арсений и библиотекарь Анастасий⁷⁶. Когда некоторые из римского духовенства снова стали было высказываться против славянского языка в бо-

---

⁷⁵ О посвящении Мефодия не говорят источники, но, как увидим, он должен был получить священнический сан именно в это время. Житие Мефодия, говоря о посвящении учеников его, говорит вместе с тем о посвящении его в сан епископа; но это неправда.

⁷⁶ Прием в Риме описан в житии Кирилла. Упоминание о епископах Формозе, Гаудерике и Арсении и библиотекаре Анастасии, во-первых, говорит за то, что жизнь Кирилла составлена современником описываемых событий, во-вторых, за то, что святые братья прибыли в Рим в 868 г.: ни прежде, ни после упомянутые лица, употреблявшиеся по дипломатическим поручениям, не были в Риме в одно и то же время.

гослужении, папа Адриан проклял их, защищая дело святых братьев.

Константину Философу не суждено было продолжить свою благочестивую деятельность между славянами; неусыпно работая на пользу ближних, не давая себе отдыха даже и в папской столице, принужденный часто входить в жаркие состязания, он расстроил свое здоровье и почувствовал упадок сил. За 50 дней до смерти принял иноческое пострижение и имя Кирилл; смерть его последовала 17 февраля 869 г.⁷⁷ Папа велел римскому и греческому духовенству собраться на погребение его и похоронить его с той же честью, как самого первосвященника. Мефодий просил было позволить ему перевезти труп брата, согласно завещанию матери, в монастырь на Олимпе, где оба брата некоторое время жили вместе; но, уступая желанию римского духовенства – не выпускать Кирилла из Рима, Адриан не согласился на просьбу Мефодия. Кирилла похоронили в церкви Св. Климента, мощи которого усопший обрел и принес в Рим.

По смерти брата св. Мефодий оставался еще некоторое время в Риме. Припомним, что около этого времени (866–869) папу много занимали дела болгарские, что своей подозрительностью и нежеланием дать Михаилу болгарскому архиепископа, Адриан оттолкнул от себя болгар и заставил их обратиться к Царьграду. Нужно иметь это в виду, чтобы пра-

---

⁷⁷ О проповедях, говоренных Константином в римских храмах, свидетельствует Анастасий; приведены слова его у Гинцеля в кодексе и у Dümmler в Geschichte.

вильно оценить дальнейшее влияние папства как на судьбу славянских стран, лежащих к северу от Дуная, так и на деятельность св. Мефодия. Прямым и последовательным делом папы Адриана было бы, одоббив славянский язык в богослужении, перевод Священного Писания и проповедническую деятельность св. братьев, – облечь их в сан, который дает право совершать все священные службы и требы в новообращенной стране, как это и было в практике церковной всех времен (Винфрид, апостол германский); но, сделав половину дела, над другой папа Адриан задумывается. С полгода, может быть, по смерти брата Мефодий без всякой цели должен был оставаться в Риме.

Короткое пребывание св. братьев в области паннонского князя Коцели не осталось бесследным. Желая ввести в своей стране богослужение на родном языке, Коцел отправил в Рим в 869 г. посольство, с просьбой прислать к нему Мефодия. Папа нашел удобным удовлетворить пожелание и отпустил Мефодия с напутственным письмом, уполномочивавшим его на проповедническую деятельность во всей Моравии и Паннонии⁷⁸. В этом письме Мефодий называется му-

---

⁷⁸ Письма папы Адриана не сохранилось; содержание же его записано, в форме подлинного письма, в житии Мефодия. Нужно заметить, что как это, так и некоторые другие обстоятельства жизни Мефодия, основанные на известии только его жизнеописателя, католическими писателями совершенно выкинуты из его биографии. По смерти Кирилла у Гинцеля, например, рассказывается об архиепископии Моравской, об архиепископской деятельности Мефодия; в связи с этим посвящение в епископы относится ко времени пребывания его в Риме; в возведении Мефодия в архиепископы видит он цель папы, согласную и

жем совершенным и правоверным, ему дается право продолжать дело св. Кирилла, т. е. переводить Евангелие и богослужебные книги и отправлять церковные службы на славянском языке. Оговорка сделана только относительно чтения Евангелия: сначала должен быть читан на литургии латинский текст, а потом славянский перевод его. Коцел с честью принял проповедника, но не был доволен, что папа не дал ему высшего духовного сана. Князю паннонскому, как и Михаилу Болгарскому, очевидно, желательно было иметь духовное лицо с авторитетом, облеченное и внешним достоинством, чтобы оно с успехом могло бороться с проповедниками из других стран. Поэтому он скоро послал Мефодия опять в Рим и достиг того, что Мефодий посвящен был в архиепископы Моравии и Паннонии в 870–871 гг. Учреждением славянской архиепископии, объединявшей под собой всех южных славян единством веры, церковного языка и власти, папа Адриан II сделал великое дело для славянского мира; но этим нарушал он церковные права немецкого духовенства и наносил жестокий удар политическим стремлениям восточной линии франкских королей. Несомненно, что уступчивость папы славянам вызвана была современным описываемому событию печальным для латинской церкви обращением болгар к Востоку.

со стремлениями Ростислава – образовать из Моравии церковную провинцию, независимую от греков. Но вскоре папа посвятил Мефодия в епископы, еще более медлил он устройством Моравской архиепископии.

Папа римский Адриан II. Портрет из базилики Св. Петра за стенами в Риме

Посвященный в архиепископы Моравии и Паннонии, Мефодий начал свою деятельность в области Коцела устройением церковного чина и введением славянского богослужения.

Ближайшим следствием этого было то, что архипресвитер Рихвальд, которому зальцбургский архиепископ Адальвин поручил управление церковными делами в этой области, в 871 г. удалился в Зальцбург, чтобы там заявить жалобу на нововведения и нарушение прав своих. Зальцбургский архиепископ не мог согласиться без борьбы на уступку обширной провинции, значительно сокращавшую его доходы; король немецкий, как светский глава баварской церкви, тоже не мог быть доволен самовольным вмешательством папы в церковные дела его области. А потому зимой 872 г. приглашен был Мефодий в качестве ответчика на собор немецкого духовенства, чтобы дать отчет, по какому праву он пользуется епископскими привилегиями в чужой епархии. Мефодий говорил, что он проповедует в области св. Петра, а не зальцбургского епископа, что напрасно отцы из-за жадности и скупости ставят преграду доброму делу. Когда ему угрожали наказанием, он отвечал, что бесстрашно будет говорить истину пред царями и с любовью последует примеру Того, Который за проповедь истины кончил жизнь свою в мучениях. Мефодий был задержан в Баварии и сослан в заточение, где и оставался около двух с половиной лет.

Те же самые возражения, которые выставлены были против деятельности Мефодия на соборе, собраны были и подтверждены документами в записке, составленной вскоре по поручению зальцбургского архиепископа. Эта замечательная записка подробно говорит об основании Зальцбургской епи-

скопии и о деятельности зальцбургского духовенства в Паннонии и у хорутан. «С той поры, как, по определению государя императора Карла, жители Восточной Паннонии стали управляться зальцбургскими первосвященниками, до настоящего времени протекло 75 лет; во весь этот период ни один епископ, откуда бы он ни пришел, не имел духовной власти в этой пограничной земле, и ни один чужеземный пресвитер не смел более трех месяцев исполнять там церковных треб, не представив предварительно увольнительного свидетельства от своего епископа». Сущность этой записки состоит не в возражениях против славянской литургии, но в том, что она не признает архиепископского достоинства Мефодия и этим как бы оправдывает поступок с ним собора баварского духовенства⁷⁹. Неизвестно, предпринял ли какие меры папа Адриан к защите прав Мефодия, но преемник его Иоанн VIII заставил баварское духовенство подчиниться распоряжению своего предшественника и достиг того, что Мефодий, освобожденный из заточения, снова принял на себя управление церковными делами Паннонии и Моравии.

---

⁷⁹ Начиная с Ваттенбаха, *Belträge zur Geschichte der Chrichti. Kirche*, ученые полагают, что эта записка предназначалась для короля Людовика, чтобы вызвать его на борьбу с папой; но вероятнее, что она составлена была для папы.

Церковная и политическая независимость Моравии. Князь Святополк собирает западных славян в одну державу. 870–894 гг.

В то время как Кирилл и Мефодий были в Риме, защищая перед папой свое дело, моравский князь Ростислав начал новую войну с немцами. Завязав предварительно дружественные сношения со всеми недовольными немецким королем и предлагая им у себя приют и почести, Ростислав приготавливал себе союзников между соседними народами. Людовик Немецкий не сомневался в намерениях Ростислава: в 867 г. он отдал приказ военным людям приготавливаться к войне⁸⁰. В следующем году действительно начались военные действия. Вместе с мораванами поднялись чехи, сербы-лужичане, бодричи и другие славянские народы, терпевшие иго немцев⁸¹. Из Моравии вышло два войска: одно под пред-

---

⁸⁰ Продолжительная и тяжелая война отвлекала все внимание моравских князей; этим должно объяснять безучастие их к судьбе Мефодия.

⁸¹ Эта война представляет один из замечательных примеров единодушного и, может быть, по одному плану задуманного движения. Трудно удержаться в подобных случаях от предположения близкой связи в тогдашнее время между всеми славянами, жившими по восточной пограничной линии немецкого государства. В IX веке полабские славяне переходят Лабу, занимают здесь земли и устойчиво располагаются на них. Несомненно, что без могущественной поддержки в

водительством Ростислава, другое – племянника его Святополка. Чехи вторглись в Баварию, опустошили ее и забрали в плен много женщин, сербы напали на Тюрингию, жгли селения, убивали поселян. Людовик не мог собрать войско ранее августа 869 г.; маркграф Шечской марки должен был до этого времени отражать чехов, – Карломан, как начальник Восточной марки и герцог Баварии, воевать с мораванами⁸². Когда готово было королевское войско, составилась такой план военных действий: Людовик-младший с тюрингами и саксами назначался против сербов и бодричей, Карломан с баварцами против Святополка, а сам король с франками и алеманнами хотел двинуться на Ростислава. Но болезнь заставила его изменить решение и поручить свою часть войска младшему сыну Карлу⁸³. Карломан и Карл с двух сторон напали на Моравию и нигде не встретили сильного сопротивления, Карломану удалось подойти к столице моравских

моравских государях они не могли бы успешно противостоять сильнейшему их врагу. Если же полабские славяне в конце IX века одерживают очевидный перевес над немцами и распространяют по Лабе свои селения, то и Моравия в это время достигла политической самостоятельности и далеко раздвинула свои пределы.

⁸² Одним отрядом мораван предводительствовал Гундакер, неверный вассал Карломана. В первом же сражении он был убит. Это доставило королю столько удовольствия, что он приказал звонить в колокола во всех регенсбургских церквях.

⁸³ Подробное изложение этой войны имеется у фульдского летописца и Гинкмара. Последний по своему образованию, положению и знанию настоящего хода дел заслуживает большего вероятия.

князей Велеграду. Но город был окружен стеной и охраняем княжеским войском; королевич не решился взять его и, опустошив окрестности, воротился назад, чтобы соединиться с младшим братом. Оба войска сошлись в южной части нынешнего Градиштского края и потянулись в Баварию. Отступление Карломана и Карла объясняется славянским обычаем обороны. Ростислав и Святополк не вступали в открытое сражение, отступали перед неприятелем в глубь страны; неприятель везде находил опустелые селения и недостаток продовольствия. Это заставляло его отступать, но тогда-то и начиналась настоящая война: постоянные нападения с тыла, погоня за врагом до границы⁸⁴. Несколько удачнее ведена была война с союзниками Ростислава. Людовик-младший принудил сербов обратиться в бегство, а чехов, служивших по найму в сербском войске, частью перебил, частью взял в плен. Король Людовик, узнав о неудачном походе на Моравию, спешил заключить с Ростиславом мир, как бы ни были

---

⁸⁴ Укрепления состояли по преимуществу из насыпей, окопов, засек; за этими укреплениями скрывалось войско, следило за врагом и делало на него неожиданные нападения: annal Fuld. s. 849, s. 871; припомним, что в 855 г. немецкое войско нашло Ростислава «под защитой очень прочных укреплений, отчего войско короля в результате тяжёлой битвы могло понести серьёзные потери», что потом Ростислав «со своими людьми последовал за ним и на другой стороне Данувия (Дунай) разорил очень много пограничных деревень» [пер. А. Кулакова]; в письме баварского духовенства, где много напоминает события 70-х гг. IX века, между постыдными качествами славян указывается и то, что они прячутся за стенами в своих селениях, когда франки весь мир наполнили славой.

невыгодны условия этого мира⁸⁵.

В этом же году начавшиеся смуты едва не низвели Моравию на самую крайнюю степень унижения. Как герцог Баварии и маркграф Восточной марки, Карломан не мог отказаться от притязаний на некоторые права над Моравией. За некоторое время перед тем искавший дружбы Ростислава и с помощью его достигший настоящего, почти независимого положения, он стал теперь сеять раздоры между моравскими князьями. Святополк, племянник Ростислава, вошел в тайные сношения с Карломаном, поддался его убеждениям низвергнуть дядю и занять моравский великокняжеский престол. Узнав о замысле племянника, Ростислав отдал приказание задушить его. Но Святополк избег опасности, напал на Ростислава, взял его в плен и отправил к Карломану. В Регенсбурге, в присутствии короля, состоялся над Ростиславом суд, которым назначена была ему смертная казнь. Король смягчил приговор, осудив Ростислава на ослепление и заключение в монастырь.

---

⁸⁵ Что перевес был действительно на стороне моравян, доказывается, кроме того, следующими соображениями: Ростиславова крепость упоминается опять под 871 г., при ней баварцы потерпели жестокое поражение; заговор против Ростислава и его низложение в 870 г. были бы излишни, если бы он проиграл в войне 868–869 гг.

Если Святополк, выдавая немцам своего дядю, надеялся быть после него полновластным государем Моравии, то он весьма ошибся в своих ожиданиях. Против него был и моравский народ, привыкший к правлению Ростислава и соединявший с его именем блестящее время побед, и самый союзник его по заговору Карломан, который, низвергнув Ростислава, имел в виду устранить от престола и его племянника. Мораване не признали Святополка своим князем и изменнически выдали его немцам. Карломан ворвался в беззащитную страну, без сопротивления овладел городами и крепостями ее, разграбил государственную казну и княжеские сокровища в Велеграде. Не желая восстановления княжеского достоинства в Моравии, он поручил управление ей графам Восточной марки Вильгельму и Энгильскальку⁸⁶. Таким образом потеряна была только что приобретенная тяжелыми трудами независимость. Немцы хотели ввести в Моравии свои учреждения, маркграфы стали ездить по стране, собирать дань, судить народ своим судом; следом за ними пасовское духовенство должно было начать латинскую проповедь, собирать десятину и вырывать семена, брошенные недавно греческими проповедниками⁸⁷. Но для мораван не пропа-

---

⁸⁶ По догадке Пертца это были сыновья того Вильгельма, графа Остмарка, который упоминается между 820–853 гг.

⁸⁷ Послание баварских епископов к папе Иоанну IX в 900 г.

ло даром воспоминание о времени Ростислава. Еще недавно немецкие королевичи искали у них защиты, пограничные графы сражались под предводительством их князя: они не могли снести теперь, чтобы маркграфы попирали их свободу, теперь, чтобы маркграфы попирали их свободу, оскорбляли народную гордость!

Оставался из княжеского рода какой-то священник, по имени Славомир. Мораване заставили его принять на себя княжескую власть и позаботиться об очищении страны от чужеземцев. Общая опасность соединила весь народ и направила его силы к одной цели – освобождению от немецкого господства. Скоро стало ненадежным положение Вильгельма и Энгильскалька, с трудом держались они в защищенных городах, ожидая помощи из Баварии. А там производился в это время суд над Святополком. Не находя достаточно улик для обвинения его в измене и опасаясь, чтобы народное движение в Моравии не приняло опасных размеров, Карломан вздумал поручить Святополку усмирение мораван и наказание Славомира⁸⁸. Горьким опытом пришлось изведать Святополку цену верности и союза с немцами; прикидываясь покорным слугой Карломана, он задумал жестоко отомстить ему за свою обиду. Во главе немецкого войска он проник

---

⁸⁸ Нелегко понять перемену в отношениях, если принимать дело так, как оно рассказывается в фульдских летописях 870–871 гг. Хотелось ли Карломану расположить к себе Святополка и вознаградить за ложное подозрение, или, как часто делали немцы, выпустил он одного претендента против другого, чтобы ослабить их и истощить народ в междоусобной войне?

до самой столицы Моравии Велеграда; расположился лагерем под стенами его, как будто с намерением осадить город. Между тем вошел в сношение с гражданами и войском, высказал им свое намерение изменить немцам, внушил доверие мораванам и назначил им время, когда сделать нападение. Немецкое войско не подозревало враждебных сношений и было совсем не готово к защите, когда мораване напали на него. Многие из немцев взяты были живыми в плен, многие перебиты; потеря их была велика и невознаградима. Мало было семейств в Баварии, Ракусах и Хорутании, которым бы не приходилось оплакивать своих близких. Радость Нориков о многих прежде одержанных победах обратилась в печаль и уныние⁸⁹. Карломан, пораженный неожиданным оборотом дел и опечаленный гибелью своего войска, наскоро приказал собрать всех заложников моравских и выдать их Святополку, но взамен получил из Моравии только одного Ратбода. Святополк, навлекший на отечество много бедствий, взошел на престол несчастного Ростислава.

Можно было ожидать, что поражение при Велеграде еще

---

⁸⁹ Annal Fuld. a. 871. Беспристрастный Гинкмар под этим же годом пишет: «... maximum damnum a nepote Resticii, qui principatum Vinidorum post eum suscepit, habuit in tantum, ut markiones cum plurima turba suorum perdidit et terram, quam in praeteritis annis obtinuerat perniciose amisit»; Палацкий, говоря об этом событии, замечает: «Сравнивают эту битву с битвой Вара в лесах тевтобургских и Святополка – с Арминием; и действительно, много разительного сходства как в средствах и сопровождающих обстоятельствах, так в значении и результатах обоих этих событий. Но Арминий нашел описателя своего подвига в Таците, Святополка в фульдском монахе – и вышло различие резкое!»

сильнее, чем прежде, возбудит ненависть между враждующими сторонами. Святополк решился крепко отстаивать то положение, которое приобрела Моравия при его предшественнике. Следуя примеру Ростислава, он вошел в переговоры с чехами и славянами по Лабе и Одре; породнился с чешским княжеским домом, женившись на чешской княжне⁹⁰. В 872 г. поднялись славянские народы по восточной границе немецкого государства. В мае было послано тюринго-саксонское войско против славян полабских, но действия этого войска не имели никакого успеха; потерпев неудачу, саксы и тюринги в беспорядке бежали назад, славянские женщины останавливали всадников, срывали их с коней и секли прутьями. Отряд, отправленный против чехов, одержал победу над пятью лехами и нанес поражение чешскому войску, стеснив его у Влтавы⁹¹. В Моравии против Свя-

---

⁹⁰ С брачным поездом, направлявшимся из Чехии в Моравию, случилось одно происшествие, из которого можно заключить, что Чешская марка в 871 г. находилась на военном положении. Арно, епископ Вюрцбургский, и граф Руодольф, завидев пышный поезд, погнались за ним и захватили 640 лошадей. Место весьма важное по описанию способа укреплений, обычного у славян. Слова летописца «*Sclavi Marahenses nuptias faciunt, ducentes cujusdam ducis filiam de Behemis*» не указывают ни на Борживоя, ни на Святополка; но пышность поезда, постоянный союз и дружество с этих пор между чехами и мораванами заставляют думать, что здесь говорится о княжеской свадьбе.

⁹¹ Имена лехов: Святослав, Витислав, Гериман, Спитимир, Моислав и Горивой (Борживой). Это были старшины или жупаны, стоявшие в зависимости от земского князя. Фульдские летописи говорят о пяти лехах, а между тем насчитывают их шесть. Палацкий это противоречие объясняет предположением, что писатель первой руки отметил на поле имя земского князя, а переписчик внес и это имя

тополка вел дело Карломан; после нескольких неудачных сражений, не надеясь наличными силами победить мораван, он просил у короля вспоможения. Стянув главное войско внутрь страны, Карломан, чтобы обезопасить себе отступление, оставил на Дунае флот с припасами; военный план Святополка рассчитан был на то, чтобы отрезать королевича от сообщения с Дунаем и сделать для него невозможным продолжительное пребывание в Моравии. С этой целью он отделил значительный отряд от своего войска и послал его против баварцев, стерегших на Дунае флот Карломана. План увенчался полным успехом, баварцы были разбиты, вся флотилия сделалась добычей мораван, неприятелю отрезано было отступление. Святополк погнал теперь Карломана к Дунаю и малой войной уничтожил большую часть его войска. В следующем году, перейдя из оборонительной войны в наступательную, он переправился через Дунай, овладел Восточной маркой и постоянными нападениями так стеснил Карломана, что только быстрая помощь немецкого короля могла спасти его. Людовик Немецкий прибыл в Регенсбург и, не ожидая счастливого исхода войны, решился положить ей конец. Обе страны, опустошенные и изнуренные войной, одинаково нуждались в мире. В 874 г. заключен договор в Форхгейме, которым определялись церковные и политические отношения Моравии на более прочных основаниях; союзники Святополка также заключили мир с немцами. Форхгейм-

ским миром признана была самостоятельность Моравии в политическом отношении⁹².

В это же время окончательно устроены были церковные дела Моравии и Паннонии. С 871 г. Моравия переживала весьма тяжелое время: земский князь содержался в плену, немецкие графы управляли страной, затем тянулась двухлетняя война. Паннонский архиепископ Мефодий осужден был на заточение и два года содержался в темнице⁹³. Папа Адриан и его преемник Иоанн VIII во время политического унижения Моравии не принимали никаких мер к защите прав Мефодия. Но когда Святополк своими победами поставил Моравию на прежнюю политическую высоту, взволновал всех славян, пограничных с немцами, изгнал из Моравии латинское духовенство, тогда папа обратил внимание на незаконный поступок с паннонским архиепископом. В записке о правах зальцбургской церкви на Паннонию бавар-

---

⁹² Что договор не мог быть заключен на таких условиях, какие указывает фульдский летописец, это уже можно видеть из хода войны, весьма несчастливой для немцев; это же подтверждается и последующими, особенно церковными отношениями Моравии. Дюммлер находит возможным примирить два противоречивых известия – фульдского летописца и Гинкмара. Но взгляд Дюммлера на форхгеймский договор отстает от взгляда славянских ученых; по его словам, уже и то было значительным унижением для немцев, если они Святополка признали князем Моравии, которая после низвержения Ростислава управлялась маркграфом; выигрыш Святополка все-таки был велик, если он и обязался платить дань немецкому королю.

⁹³ Конец 3-й главы этой книги; заточение Мефодия продолжалось от весны 872 до осени 874 г.

ское духовенство ссылалось на давность времени и на распоряжение Карла Великого, подчинявшее Паннонию зальцбургскому архиепископу. При образовании независимого от Баварии паннонского архиепископата папа Адриан указал, а папа Иоанн развил и подтвердил неотъемлемые права св. Петра на Иллирию и Паннонию⁹⁴. В 874 г. Иоанн VIII послал в Германию своего легата епископа Павла Анконского с полномочием – устроить церковные дела Паннонии. В грамоте, данной легату, так говорится о правах Рима: «Апостольский престол издавна привык совершать посвящения и определения не только в Италии и остальных областях Запада, но и в пределах всего Иллирика»; против семидесятилетней давности, на которую опиралось баварское духовенство, папа выставляет еще большую давность прав римского престола. «Многие разнообразные и очевидные указания, – писал он в том же году к королю Людовику, – могли бы заставить твою мудрость убедиться, что паннонская епархия издревле отчислена была привилегиями к апостольскому престолу... Только военные смуты помешали некоторое время посылать туда епископов, что и подало повод к сомнению.

---

⁹⁴ По церковному западноевропейскому преданию, один из 70 учеников Иисуса Христа, апостол Андроник, был сеятелем христианства в западно-дунайских странах и первым епископом Сремско-паннонским; в IV веке сремский епископ распространил свою власть на всю Иллирию. С наплывом гуннов и аваров и самая епископия, и христианство были уничтожены в этих странах. Тем не менее Иоанн VIII схватился за епископию Андроника как за достаточный повод к подтверждению своих притязаний. Замечательно, что даже в письме Коцела к папе есть ссылка на старый епископский престол св. Андроника.

Права святой римской церкви неотчуждаемы, их не уничтожает никакое время, никакое разделение государств; да и самые римские законы в церковных делах допускают давность не иначе как во сто лет». Людовик не мог ссориться с папой из-за притязаний баварского духовенства и предоставил ему свободу в устройении Паннонии⁹⁵. Таким образом восстание баварского духовенства, не нашедши поддержки в немецком короле, должно было остаться бесплодным. Грозное отлучение, произнесенное Иоанном VIII послушникам, заставило их смириться. По смерти архиепископа Адальвина, вручая зальцбургскую кафедру епископу Титмару, Иоанн VIII мог потребовать от него полного отречения от Паннонии. В ноябре 877 г. Титмар получил, как верный и послушный сын римской церкви, знаки архиепископского достоинства⁹⁶.

---

⁹⁵ В 874 г. было личное свидание короля с папой, причем намерения папы могли быть подробнее развиты. Не нужно забывать, что в руках римского первосвященника была императорская корона, которой он располагал по своим соображениям.

⁹⁶ Жития Мефодия, гл. 10. В округе зальцбургского архиепископа в IX веке были: резненский, фризинский, пасовский и бриксенский, или себенский, епископы. Зальцбургский архиепископ Адальвин умер 14 мая 873 г., следующий за ним Адальберт – 6 апреля 874 г.; епископы: фризинский Анно 9 октября 845 г., пасовский Германарих 2 января 874 г., себенский Лантфрид в 875 г. Из подписавших жалобу на Мефодия остался в живых только епископ Резненский Эммерих.

Церковь Св. Маргариты в д. Копчаны (Словакия) – единственный сохранившийся храм времен Великой Моравии

Следствием настойчивых распоряжений папы Иоанна VIII было то, что архиепископ Мефодий получил снова свободу и вступил в управление своей паствой⁹⁷. Весьма вероятно, что в форхгеймском договоре принимал участие папа,

---

⁹⁷ Что руководило Иоанном VIII, когда он задумывал устроить самостоятельную паннонскую архиепископию? Известно, что Болгария была потеряна для Рима именно потому, что долго не соглашались папы дать ей церковное устройство по желанию Богориса. Усиления Зальцбургской епархии обширной провинцией противоречило политическим соображениям папы, склонявшимся более к западной части франкской монархии.

склонив Людовика Немецкого отказаться от вмешательства в политическую и церковную жизнь Моравии и Паннонии⁹⁸. Заключив мир с королем, Святополк пригласил к себе Мефодия и поручил ему высшее церковное управление Моравией, изгнав из нее латинское духовенство. Церковные права Мефодия простирались не только на Моравию, но и на Паннонию, в которой за два года перед тем деятельность его была прервана баварским духовенством⁹⁹. При содействии Горазда и других славянских учеников Мефодий стал распространять христианство, строить церкви и умножать число священников. Ближайшему светскому начальнику Паннонии, Карломану, только дано было знать о восстановлении древней Паннонской епископии; он не мог по крайней мере открыто восставать против папского распоряжения.

Когда политическое положение Моравии, приобретенное долголетними усилиями ее князей и тяжелыми жертвованиями народа, достигло желаемой высоты по отношению к иноплеменным соседям, тогда моравский князь с боль-

---

⁹⁸ Известно, по крайней мере, что перед началом переговоров в Фрохгейме Людовик имел свидание с папой – *Annal. Fuldens.* a. 874.

⁹⁹ Папа хотел, чтобы церковная юрисдикция Мефодия простиралась как можно дальше. Он убеждал сербского князя Мутимира подчиниться паннонскому архиепископу по примеру предков; герцога Карломана извещает о том, что Мефодий имеет церковные права и над Паннонией. С другой стороны, нельзя не видеть, что в то же самое время зальцбургский архиепископ продолжает считать Нижнюю Паннонию подлежащей его ведомству. Так, Титмар в 874 г. святил церковь в Птуе; там, по смерти Коцела, часть Паннонии образовала отдельное княжество (*Dudleira*), управляемое немецким графом.

шим успехом стал стремиться к распространению своей власти между соплеменными народами. Моравия является в это время носителем таких признаков образованности – государство, церковное устройство, национальное духовенство, – каких не мог представить у себя ни один славянский народ. И нужно признать, что христианство много способствовало Святополку в образовании его обширной монархии¹⁰⁰. Еще в 871 г. он вступил в родство с чешским княжеским родом, женившись на чешской княжне; родственная связь должна была между чехами и мораванами усилить сношения, естественным следствием которых был их союз против немцев (872–874)¹⁰¹. Скоро затем князь чешский Борживой и жена его Людмила приняли христианство от архиепископа Мефодия, тогда Чехия открыта была для проповедников христианской веры и подчинилась в церковном отношении моравскому архиепископу. Но вместе с церковным влиянием Моравия делала успехи в Чехии и другого рода: если Святополк совсем не лишил Борживоя княжеской власти, то во многом ограничивал его и подчинил страну его своей власти¹⁰². Легенда рассказывает, что Святополк презритель-

---

¹⁰⁰ Биограф св. Мефодия ставит в близкую связь расширение политических границ Моравии с распространением христианской веры.

¹⁰¹ Источники мало касаются этих отношений; о славянском источнике христианства в Чехии говорят: а) славянское письмо и славянская литургия; б) посвящение древнейших храмов имени св. Климента, освящение Мефодием храма в Лютомышле; в) общее народное предание.

¹⁰² Житие Мефодия: «Погпньскъ князь сильнъ вельме, съдя въ вислѣ, – руга-

но обращался с Борживоем, изгнал его из Чехии и сам управлял ею. К этому же времени нужно отнести крещение языческого князя в Висле и присоединение других областей за Карпатами, как намекает на то жизнеописатель Мефодия¹⁰³.

Распространение господства Святополка Моравского вело за собою проповедь христианства в подчиненных странах. Но все славянские земли были еще ранее разделены по епархиям немецких епископов, так что моравский архиепископ как ранее в Паннонии, так теперь в Чехии и за границами ее должен был столкнуться с немецким духовенством. Хотя зальцбургское духовенство и было принуждено согласиться на уступку Паннонии, тем не менее пасовский и регенсбургский епископы могли ратовать против отторжения от них Чехии и Моравии и против незаконного, с их точки зрения, распространения Мораво-паннонского архиепископства к северу¹⁰⁴. Весь успех дела свободной проповеди христианства греческого обряда в державе Святополка, несомненно, зависел от личного расположения князя к своему архиепископу; если бы Святополк видел в деятельности

шеса хръстянином и пакости дѣяше...» О вислах читаем в календаре XV века. Географ Баварский называет народ Vuislane; в столице вислян, на Ниде, царствовал Vitislav или Vichevit. Упоминаемый здесь князь, может быть, есть тот самый, о котором говорит Константин Порфирородный, что [он] из Вислы переселился в Захлумье.

¹⁰³ Житие Мефодия: «...иньгда же паку святоплъку воуюющу на поганья, ничьгоже не успеюшу, нь мудящу...»

¹⁰⁴ Чехия по церковным делам должна была войти в состав Резненской епископии.

Мефодия осуществление своих целей, если бы на славянское богослужение смотрел как на необходимое средство к сохранению завоеванной самостоятельности, то он дорожил бы своим архиепископом и защитил бы его от всех нападений. Но Святополк в этом отношении был далеко ниже своего предшественника Ростислава. Ему удалось сделаться могущественным властелином, раздвинуть широко над соседями свое господство, быть страшным для врагов и дать государству довольно прочное устройство; но он мало заботился о средствах, которыми достигал цели, его не одушевляла великая идея борьбы за свободу народа, свою власть он ставил выше общего дела. Немецкое духовенство скоро снова нашло доступ в Моравию, успело проникнуть даже ко двору и войти в доверие князя. Вызнав слабые стороны Святополкова характера и потакая его страстям, оно возбудило в неосмотрительном князе недоверие к Мефодию.

Жизнеописатель Климента так рисует отношение Святополка к Мефодию: «Святополка, человека грубого и невежественного, обошедши коварством, сделали они (немецкие священники) всецело участником своего учения. Да и каким образом он, раб женских удовольствий, не внимал бы больше им, чем Мефодию, отмечавшему гибельное для души зло в каждом удовольствии? Ибо что изобрел Евномий для привлечения большего числа учеников, то придумал также и безумный народ франков, т. е. снисходить ко всем грехам. Святополк, развращенный ими, вовсе не обращал внимания

на Мефодия, даже относился к нему враждебно. И чего уж ни говорил ему с ласкою, какими угрозами не устрашал князя Великий!»

Стараясь раздуть неудовольствия между князем и архиепископом, враги Мефодия очернили его в глазах князя, будто он отступил от православия и недостоин епископского сана; распустили слух, что папа отнял церковную власть у Мефодия и возвратил Моравию немецкому духовенству. При папском дворе также нашлись люди, сочувствовавшие стремлениям немецкого духовенства и убедившие Иоанна VIII запретить Мефодию богослужение на славянском языке¹⁰⁵. Не обратив внимания на папское письмо, переданное ему легатом, епископом Павлом Анконским, Мефодий продолжал, по требованию совести, исполнять свое дело. Но у него были постоянные соглядатаи, сносившиеся с римской курией; донося об ослушании Мефодия, они вместе с тем взводили на него обвинение, что он отступил от православия и распространяет заблуждения между мораванами. И Святополк, доверявший больше врагам Мефодия, послал наконец к папе пресвитера Иоанна для разрешения его недоуме-

---

¹⁰⁵ Этого письма не сохранилось; довольно неточно определено и время, когда состоялось решение о запрещении славянского богослужения; о самом запрещении мы знаем из письма Иоанна VIII к Мефодию в 879 г.: «Нашим письмом, отправленным к тебе с епископом Анконским, Павлом, мы запрещали совершать божественные службы на славянском языке, но дозволили или на латинском, или греческом». Относится ли это запрещение к 878 г., когда Павел был послан в Константинополь, решить трудно; известно только, что это распоряжение не было исполнено Мефодием.

ний о православии архиепископа Мефодия. В июне 879 г. папа отправил два письма в Моравию¹⁰⁶. «Мы слышали, – писал он Мефодию, – что ты не то проповедуешь, что святая римская церковь приняла от самих апостолов, и вводишь народ в обман; поэтому приказываем тебе без всяких отлагательств явиться в Рим и лично объяснить, так ли ты веруешь и учишь, как обещал пред святою церковью». В письме к Святополку папа убеждает князя твердо держаться учения римской церкви и отвергать, как ложное, всякое другое учение, кто бы ни проповедовал его, епископ или священник; удивляется, что Мефодий отступил от православия и успокаивает князя, что к пресечению зла уже приняты меры отозванием в Рим Мефодия. Нимало не медля, архиепископ Мефодий предпринял третье путешествие в Рим, его сопровождало доверенное лицо моравского князя; в конце 879 г. они увидели папу Иоанна VIII.

Мефодию пришлось иметь дело с человеком, замечательным во всех отношениях. Читая буллы папы Иоанна VIII, невольно удивляешься его дипломатическим способностям. Он умел выпутываться из таких затруднительных обстоятельств, в которых потерялся бы другой на его месте. В труднейших положениях для него пригодно было всякое средство; с величайшим хладнокровием он заключал союзы и нарушал их. Из страха перед сарацинами, в надежде получить утраченную Болгарию и для приобретения союза в Ви-

---

¹⁰⁶ Оба письма писаны были в один и тот же день, в июне 879 г.

зантии, он не посовестился торжественно отлученного Фотия снова признать патриархом и почитать его похвалой. Слабые представители дома Каролингов, тратившие всю свою силу во взаимных раздорах, давали мало надежды Иоанну на содействие: теснимый с одной стороны итальянскими герцогами, с другой – постоянными нападениями сарацин, не раз папа обращал заискивающий взор на Восток, где с Василием I (867 г.) начала царствовать блистательная династия македонских императоров. В продолжение трудной десятилетней деятельности политика папы Иоанна VIII принимала разнообразные направления; в его действиях, письмах, поручениях и т. п. проглядывает более государственный человек, преследующий политические цели, чем тонкий богослов. Едва ли найдется другой папа, написавший столько отлучений, так страстно и неуклонно ведущий свое дело; но эта же страстность необходимо вела его к непоследовательности, резко выдающейся и в отношении к Царьграду, и к Моравии. В 879 г., ко времени прибытия в Рим архиепископа Мефодия, положение папы было из самых затруднительных¹⁰⁷. Уступая восточнофранкской партии, желавшей

---

¹⁰⁷ Нам кажется, что, не обратив внимания на политику Иоанна VIII вообще, нельзя понять его распоряжений по отношению к славянскому богослужению и мораво-паннонскому архиепископу. Иоанн был избран в папы 14 декабря 872 г. Одним из первых важных дел его было коронование императорской короной Карла Лысого – 17 декабря 875 г., – за огромные подарки, как говорят современники, приобретшего этот титул. По смерти императора Людовика II (12 августа 876 г.) в Риме составились две партии, из которых одна тянула к восточной ветви Каролингов (немецкие короли), другая – к западной (франкские короли).

видеть императорскую корону на ком-нибудь из детей Лю-

Представителем восточной ветви франков был Людовик Немецкий, западной – Карл Лысый. И папа Адриан, и Иоанн были на стороне западной ветви как более сильной и обещавшей больше поддержки против итальянских вассалов и сарацин, тревоживших Рим. Но Карл Лысый не оправдал ожиданий папы; внутренняя борьба партий, внешние враги требовали издержек на наем войска. В 877 г. последовало жестокое нападение сарацин. Частью из страха перед врагами, частью в надежде на торговые выгоды Салерно, Амальфи, Гаэта, Неаполь пристали к ним. Вся страна до Рима была открыта опустошительным набегам. В то же время герцог Ламберт Сполетский и Гвидо, граф Камерино, напали на папские владения и отрезали от Рима подвоз съестных припасов; за воротами Рима было все так опустошено, что нельзя было найти и следа сельской жизни. Все воззвания папы к Карлу Лысому и к французскому духовенству оставались тщетны. Сам папа снарядил флот, командовал им и нанес неприятелю жестокое поражение; затем отправился навстречу Карлу, который ехал тогда в Италию. Смерть Карла Лысого (6 октября 877 г.) должна была дать перевес в Риме восточнофранкской партии, сам папа как будто склонялся перейти на сторону этой партии, входил в переписку с Карломаном, условливался о месте переговоров с ним, но болезнь Карломана помешала этим переговорам. Припомним, что к 878 г. относится и запрещение славянского языка в богослужении, бывшее следствием усиления восточнофранкской партии. После неудачных переговоров с Карломаном еще более усилилась опасность для папы. Весной 878 г. герцог Ламберт Сполетский с маркграфом Тусцианским Адальбертом и многочисленными приверженцами восточной партии явились под стенами Рима, заперли папу в церкви Св. Петра и, прикрываясь именем Карломана, требовали у папы признания его защитником церкви. 30 дней продолжалась осада, папа оставался непреклонным, произнес отлучение на Ламберта и сполетан. Оставив Рим, он отправился во Францию, короновал в короли Людовика Косноязычного 7 сентября 878 г. и, не находя поддержки в западных Каролингах, хотел было отнять императорское достоинство у дома Каролингов, сделав корону императорскую своим личным правом; с 879 г. замечается решительный поворот в пользу восточнофранкской ветви, папа примыкает к этой партии и становится во главе ее; как известно, швабский король Карл Толстый, младший сын Людовика Немецкого, в феврале 881 г. был коронован императорской короной. Следовательно, прибытие в Рим Мефодия

довика Немецкого, сделав в угоду этой партии запрещение славянского языка в богослужении, в то же время папа видел, что восточнофранкские короли не будут в состоянии защитить его от внешних и внутренних врагов. Гораздо охотнее отозваля на призыв его византийский император Василий, одержавший победу над сарацинами у берегов Южной Италии. Сближение с Византией давало надежду возвратить Болгарию к римской церкви, отторгнуть далматинцев от церковного союза с Востоком. Все эти надежды готовы были осуществиться в 879–880 гг., требовалось только много такта и изворотливости, а в этих качествах не было недостатка у папы Иоанна VIII.

Неизвестны ближайшие обстоятельства, которыми сопровождалась объяснения св. Мефодия с папой. Можно только удивляться уступчивости и сговорчивости папы: он не замечал или казался не замечавшим существенной разницы в вероучении Мефодия и западных богословов¹⁰⁸ и на-

совпадает со временем усиления немецкой партии в Риме, а равно и со временем переговоров Иоанна VIII с представителями ее – сыновьями Людовика Немецкого. Но тщетны были надежды папы и на эту ветвь Каролингов. Один Карломан мог действительно при своей энергии и даровитости войти в виды папы и оказать ему решительную помощь, но за болезнью он отказался от императорской короны. Отдаленный Восток казался Иоанну VIII лучшим пособником в его затруднительном положении. Примирившись с восточной ветвью Каролингов, он начал сноситься с византийским императором, сделал ему уступки по делу патриарха Фотия, не терял видов на Болгарию, не желал вооружить против себя и моравского князя крутыми мерами.

¹⁰⁸ Житие Мефодия: «Старый враг... въздвиже стеры нань... иже болять иопаторскою ересью». Здесь разумеется догмат о происхождении Св. Духа и от Сы-

шел возможным, после двукратного запрещения, снова разрешить славянский язык в богослужении и оправдать Мефодия. С Мефодием папа отправил к князю Святополку письмо, весьма замечательное по содержанию. Свидетельствуя в нем о правоверии моравского архиепископа, подтверждая за ним высшие церковные права в Моравии и признавая славянский язык годным к славословию Бога, наравне с еврейским, греческим и римским, Иоанн в то же время извещает о рукоположении для Моравии епископа из немецкой партии; разрешая вообще совершать литургию на славянском языке, он делает оговорку: «Ради большей торжественности

на, введенный римской церковью. Первый опыт этого учения явился в Испании в 589 г. и высказан на Толедском соборе. Западная церковь только к началу IX века через Галлию познакомилась с новым догматом; он стал распространяться с тех пор, особенно когда на Ахенском соборе в 809 г. Карл Великий принял его под свое покровительство. Из предшественников Иоанна VIII Адриан I и Лев III признавали уже происхождение Св. Духа и от Сына, но Лев III не одобрял вставку *filioque* в никейский символ. Не имея возможности воспрепятствовать принятию этой вставки франкскими церквями, он приказал для сохранения точных выражений символа вырезать его на двух серебряных досках – без вставки *filioque*. Послы папы Николая I в Болгарии проповедовали Символ веры с прибавкой. Церковная практика IX века разрешила вопрос о *filioque* таким образом, что и баварские епископы, обвиняя Мефодия за выпущение вставки, были правы и Мефодий, не принимая ее и утверждая, что согласуется с римской церковью, оставался правым. С одной стороны, в IX веке собственно римская церковь еще не внесла в никео-царьградский текст символа прибавку *filioque* и вообще на литургии не пела еще *Credo*, с другой стороны, немецкая церковь, следуя постановлению Толедского собора и других двух соборов конца VIII века, внесла уже эту прибавку и читала: *a Patre Filioque procedens*. Папа воспользовался таким положением вопроса и оправдал Мефодия.

читайте Евангелие на литургии сначала на латинском, потом на славянском языке, а если тебе (Святополку) более нравится латинская месса, то мы повелеваем для тебя служить обедни на латинском языке». Весьма сомнительно, чтобы искреннее чувство руководило папой, когда он делал эти распоряжения. Поставив епископом в Моравии природного немца Викинга, папа усиливал этим немецкую партию при дворе Святополка, вносил снова нескончаемые раздоры и ставил в сомнительное положение Мефодия. Сам же Святополк относился безразлично к славянскому богослужению, любил окружать себя пришлым духовенством, был в весьма близких отношениях с сыном Карломана Арнульфом, получившим в управление Каринтию и Паннонию. Таким образом, со времени возвращения Мефодия в Моравию, в конце 880 г., начались для него новые испытания. Пользуясь значением при дворе и личным расположением Святополка, немецкая партия, и во главе ее Викинг, поддерживаемый высшим немецким духовенством и герцогом Арнульфом, старались, потакая страстям дикого и грубого князя, рассорить его с Мефодием и снова возбудить к нему недоверие. Даже пущена была в ход грубая клевета, что послание, переданное Святополку Мефодием, подложно, что Викинг имеет секретные поручения от папы, которые выполнить он обязался клятвенно, что Мефодий, наконец, не признан настоящим архиепископом¹⁰⁹. Для разьяснения недо-

---

¹⁰⁹ Хотя мы и не имеем документа, где бы высказывались секретные поруче-

умений, возбужденных этими толками, Мефодий принужден был обратиться к папе; он сам, может быть, был близок к мысли, что Викинг имеет от папы поручения, неизвестные ему, но близко относящиеся к настоящему затруднительному положению. Папа отвечал ему 23 марта 881 г. «Можешь судить, – писал он, – как мы соболезновали о тебе, узнав из твоего письма о случившихся с тобою несчастиях. О твоем правоверии засвидетельствовали мы нашим письмом к князю Святополку, которое, как ты знаешь, было послано к нему, а другого письма к нему не было отправлено; и ни ему, ни тому епископу ни явно, ни тайно ничего не поручали мы». Письмо заключается приглашением Мефодия явиться в Рим и обещанием наказать Викинга, если бы он оказался виновным. Но Мефодий хорошо теперь понял намерения папы Иоанна и не решился более искать его покровительства; путешествие в Рим казалось ему бесполезным после того, как папа так невнимательно отнесся к его жало-

---

ния Викингу, но многие обстоятельства заставляют думать, что Викинг сделан был епископом намеренно, в противовес Мефодию и что он надеялся на сильную поддержку. Во-первых, когда св. Мефодий был в Риме в 879–880 гг., там же мы встречаем зальцбургского архиепископа Титмара; во-вторых, поведение Викинга и невнимание папы к жалобам Мефодия, стоящее прямо вразрез с письмом к Святополку 880 г., которым Викинг был подчинен Мефодию; в-третьих, письмо к Мефодию 881 г., которым ему рекомендуется не предаваться слишком скорби за все искушения, а лучше радоваться за них, по примеру апостола; в-четвертых, житие Мефодия указывает на особое поручение папы Викингу: «... нам есть папезь власть дал, а сего велит вон изгнати и учение его». С 886 г. он один заправлял духовными делами во всей архиепископии Мефодия.

бе¹¹⁰. Викинг, безнаказанно сделав подлог, продолжал злобно клеветать и выводить из терпения своего архиепископа; при всей кротости и сдержанности Мефодий наконец прибег против него к церковной казни и произнес проклятие. Моравский князь, преданный немецкой партии, готов был вступить за Викинга: он натянул уже лук, обнажил меч против Мефодия, но приостановился – не спустил стрелы, вложил меч в ножны. Скоро затем случились обстоятельства, значительно ослабившие влияние немецкой партии на Святополка и давшие свободу Мефодию действовать самостоятельнее.

В период мирных отношений к немцам, с 874 до 882 г., Святополк привлек к союзу многих соседей. Если только скудными и отрывочными свидетельствами¹¹¹ можно подтвердить широкое распространение его господства, припомним, что здесь дело шло у славян со славянами: в современные же летописи записывались только те случаи, когда славяне приходили в столкновение с немцами. А у позднейших летописцев осталось воспоминание о зависимости от Моравии польского народа. Поэтому-то и неудивительно, если славянские ученые полагают, что Святополк распространил свою державу в это время на востоке и севере за Краков, по ре-

---

¹¹⁰ Едва ли основательно объяснять все перекрещивающиеся интриги единственно действием немецкой партии, устраняя вовсе сознательно участи папы Иоанна VIII, как это делается в некоторых исследованиях.

¹¹¹ Здесь разумеется союз с Чехией, имевший следствием христианское просвещение ее и отношения Святополка к «князю на вислех», по Мефодиеву житию.

ку Стрый и Магдебург. Политические обстоятельства способствовали его властолюбивым замыслам: Каролинги при своей ограниченности тратили силы на междоусобные войны, ослабили надзор за пограничными марками и дали более простора славянам. Сильный и энергичный Святополк во всех отношениях превосходил своих ничтожных современников, толстых, лысых и простоватых Карлов каролингской династии. 12 августа 874 г. умер император Людовик II; по справедливости оплакивал его народ, потому что с того времени мир и спокойствие оставили немцев и франков. Император не имел потомства и не позаботился заблаговременно о преемнике. Было у него намерение оставить корону старшему сыну Людовика Немецкого Карломану, самому способному между молодыми Каролингами; но образовавшаяся в Италии сильная партия решила после него предложить корону Карлу Лысому; попытка Людовика Немецкого устранить этого кандидата не удалась, и Карл был коронован. Вскоре за тем, 28 августа 876 г., умер король Людовик Немецкий. Дети разделили его государство так, что Карломану досталась Бавария, Паннония и Хорутания; Людовику III Восточная Франция, Тюрингия и Саксония; Карлу Толстому Алеманния и Лотарингия. В качестве старшего королевского сына Карломан в 861 г. управлял Восточной маркой, а потом ему отдана была и Бавария. Сделавшись теперь королем немецким, Карломан передал своему незаконному сыну Арнульфу управление провинциями Каринтия и Пан-

нония¹¹². Вскоре за тем захворал он, целый год лежал без употребления языка, не имея возможности заниматься государственными делами и поручив ведение их Арнульфу. По смерти его, 22 марта 880 г., Арнульф имел права на баварскую корону и все отцовские владения, но Людовик III, король франков, пользуясь еще обстоятельствами болезни Карломановой¹¹³, заставил присягнуть себе баварские чины и принудил Арнульфа довольствоваться Каринтией и Паннонией. Два года спустя (882 г.) Арнульф, с другими баварскими вельможами, должен был присягнуть императору Карлу Толстому (Людовик III умер 2 августа 882 г.)¹¹⁴. Этот император заслужил презрение современников за свои слишком мелочные душевные качества. Предпринятый им поход против норманнов в 882 г. еще более унизил его и возвысил в общем мнении предводительствовавшего баварцами Арнульфа. Частая смена властителей Германии и Франции вела

---

¹¹² Арнульф был прижит от Лиутсвинды. По смерти Людовика Немецкого, если не ранее даже, получил Арнульф в управление Каринтию и Паннонию – без Восточной марки, как показывают события 884 г. в фульдских летописях.

¹¹³ Дюмлер говорит, что Людовик сделал это по смыслу договора о разделении империи в 817 г., по которому незаконные дети исключались из исследования.

¹¹⁴ «Этот Карл... имел мало мужества, еще менее рассудка. Он увеличил бедствия государства вместо того, чтобы удалить их. В то время, как в течение нескольких лет за огромные суммы покупал он у норманнов мир, который они хранили недолго, когда анархия в государстве развивалась более и более, власть выпала сама собою из его бессильных рук». Giesebrtecht, *Geschichte der Deutschen Kaiserzeit*, s. 160.

за собой волнения в пограничных марках, восстания между вассалами.

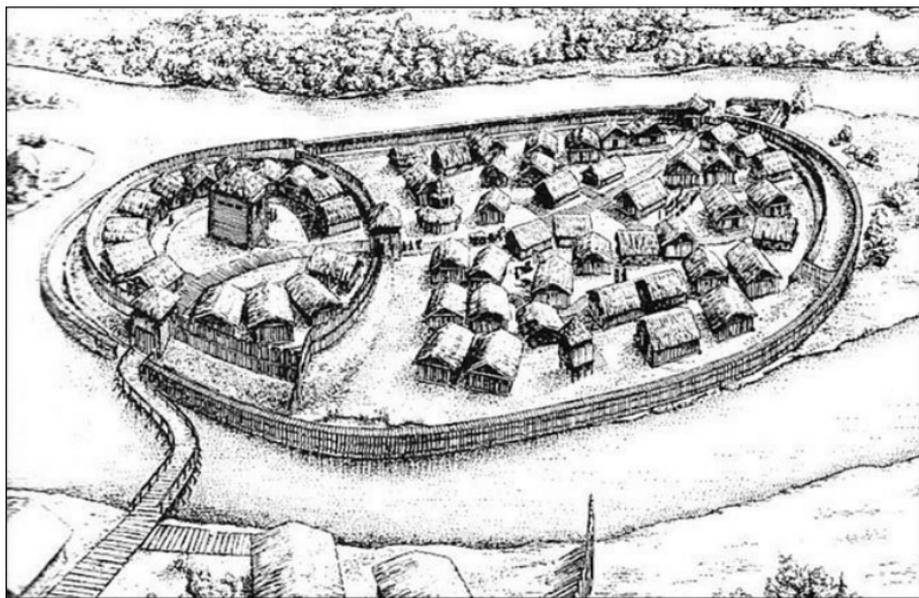
Сильное движение обнаружилось в Восточной марке. Надо думать, что должности и бенефиции, даваемые в награду за верную службу при слабых личностях королевского дома, делались в некоторых родах наследственными, если не юридически, то, по крайней мере, фактически. Таково было положение графов Восточной марки из рода Вильгельма и Энгильрады; дети их, Вильгельм и Энгильскальк, наследовав отцу в графском достоинстве, в 870 г. были деятельными помощниками Карломана в проведении немецкого господства и немецкого устройства в Моравии. Но решительная победа моравского князя над баварским войском положила конец их господству в Моравии; в битве при Велеграде они, вероятно, и пали. Управление маркой передано было графу Арибо, обходя детей прежних графов. Но семья старых графов была довольно многочисленная, по Дунаю она имела обширные владения, пользовалась значением и связями в Баварии. Посаженный королем граф Арибо стоял им на дороге: и вот поднялись дети Вильгельма и Энгильскалька, Мегингош, Верингар, Энгильскальк и Пабо, за свои права; они решили или умереть, или получить отцовское достоинство. Мало уважая королевскую власть, самовольно лишили должности Арибо и выгнали его из марки. Он жаловался императору Карлу Толстому и снова получил маркграфскую должность. Не надеясь на могущественную поддерж-

ку со стороны императора и снова теснимый теми же графскими детьми, Арибо вступил в союз со Святополком и дал ему в заложники сына своего Исанриха. Тогда Святополк ворвался в Восточную марку, захватил одного из графских сыновей, по имени Верингар, и его родственника Везило; все имения их по ту и другую сторону Дуная были разграблены и сожжены, сами они изувечены. Графские дети обратились за помощью к Арнульффу, бывшему тогда в Паннонии. Это было причиной разрыва между Арнульффом и Святополком, состоявшими доселе в дружественных отношениях¹¹⁵. Впрочем, и ранее того моравский князь высказывал неудовольствие против Арнульффа по следующему случаю: «Ты принимаешь к себе врагов моих; если их не выдать, нам нельзя быть друзьями; твои вассалы злоумышляли на жизнь мою и искали у болгар союза против моей земли: если это неправда, поклянись мне». Летописи передают о двух походах Святополка в Паннонию, первый поход кончился опустошением верхней половины ее. В 884 г. военные приготовления Святополка и состав войска его был удивительной численности; с утра до вечера, стоя на одном месте, можно было видеть двигавшиеся в Паннонию войска. Беспощадны были и самые

---

¹¹⁵ Незадолго перед тем Святополк воспринимал у Арнульффа сына, названного по имени воспринимавшего Святополком. С 883 г. заметно расположение императора к Святополку. Причина его заключается в честолюбивых замыслах Арнульффа и в преимуществах личных качеств его, которым отдали честь современники. Так, император непосредственно влиял на мирные переговоры и кенигштеттинский договор.

военные действия: двенадцать дней опустошал он страну и превратил ее в пустыню. В Нижней Паннонии, на реке Раабе, бились графские дети Мегингош и Пабо со Святополковым войском; битва была для них несчастлива: сами они утонули в реке, большая часть их войска взята в плен, многие пленники отпущены на свободу изувеченными. Миротворителем является император Карл Толстый. Он прибыл в Восточную марку; близ Тульны, в Кенигштеттине, назначил мирные переговоры, на которые явился Святополк с богатой свитой.

Реконструкция одной из западнославянских крепостей, по данным археологии

Выгоды, приобретенные этим миром, были весьма важны для Моравии. Очевидно, условия должен был предписывать победитель; страны, завоеванные его оружием, не могли быть снова уступлены немцам; Арнульф, кажется, совсем был устранен от переговоров, что особенно было благоприятно для Святополка. Недовольный невыгодным договором, Арнульф согласился на него только в следующем году. Граф Арибо, союзник Святополка, утвержден был маркграфом Восточной марки; Паннония и Хорутания соединена была с Моравским княжеством и в политическом отношении, давно уже соединенная с ним в отношении церковном. Теперь держава Святополка, начинаясь от самой Дравы к Дунаю, простиралась на север и восток далеко за пределы собственно Моравии¹¹⁶. С этого времени Арнульф еще более начал подыскивать под императором и стремиться сам к неограниченной власти¹¹⁷. В Святополке он мог иметь хорошего союз-

---

¹¹⁶ Уже было говорено, что летописцы неохотно передают о политическом выигрыше славян; напротив, искажают истину или стараются по возможности скрыть ее. Таковы, к примеру, известия фульдского летописца. Впрочем, даже они, против воли, выдают правду: под 892 г. есть известие, что, когда снова возникла война между Арнульфом и Святополком, послы Арнульфа к болгарам не могли идти сухим путем, через Паннонию; под 901 г. Хорутания названа южной частью Моравии и т. п.

¹¹⁷ Вероятно, такое отношение Арнульфа к Карлу Толстому и было причиной его мира в 835 г. со Святополком; в свою очередь, мир с ним, может быть, обусловливал помощь, которую оказал потом Святополк Арнульфу в 887 г.; скоро за тем личные интересы их пошли в противоположные стороны, и они опять становятся ожесточенными врагами.

ника при осуществлении своих видов на корону. И действительно, помощь славян была ему полезна, когда в 877 г. он открыто решил идти с войском славян и нориков в Трир, где находился тогда Карл Толстый¹¹⁸. В начале 888 г. он признан был пятью немецкими народами королем их и принял в Регенсбурге присягу в верности от всех чинов.

Теперь во главе немецкого и славянского мира стояли равные по личным достоинствам люди. Как Святополк, так и Арнульф достигли власти не совсем чистыми средствами. Святополк изменил своему прежнему союзнику, императору Карлу, чтобы угодить другому, более важному союзнику. Тот и другой не задумывались в средствах, когда нужно было склонить врага к уступке. Пройденное Святополком и Арнульфом поприще богато было приключениями. Понимая и зная друг друга, они едва ли способны были даром делать обязательные взаимные услуги. Оба были слишком беспокойны, сильны и энергичны и, располагая большими военными силами, опасны один для другого. В первое время отношения между ними были весьма прочные, Арнульф как будто избегал случая оскорблять своего союзника: Арибо, недавний враг Арнульфа, оставлен в прежнем достоинстве; дети Вильгельма и Энгильскалька вознаграждены графствами в других местах. Как высоко ценил Арнульф обязатель-

---

¹¹⁸ Вообще, к этому времени заметна величайшая холодность к Карлу; приближенные его идут к Арнульфу, призывают его согнать с престола больного и неспособного к делам управления императора; Карл поневоле упрашивает Арнульфа дать ему хоть небольшое местечко в Аламании для прокормления.

ную услугу Святополка и какое влияние на него имел моравский князь, показывает и тот случай, что папа Стефан VI обращался в 890 г. к Святополку с просьбой побудить Арнульфа посетить Рим и защитить Италию от злых христиан и угрожающих язычников.

В марте 890 г. Арнульф и Святополк съехались для переговоров в Омунтесберг, в Паннонии. О чем тут шло дело, чего хотелось тому и другому, сказать трудно, за недостатком положительных известий. Но с этого времени начались между ними сомнительные неопределенные отношения, которые повели к войне, губительной для немцев и славян¹¹⁹.

Вероятно, требования с той и другой стороны были сложные, потому что попытки к переговорам безуспешно повторялись и в следующем, и в 892 г., после чего Арнульф уже начинает искать себе союзников. В 892 г., возвратившись из счастливого похода против норманнов, Арнульф двинулся к востоку, надеясь еще уладить дело со Святополком; но

---

¹¹⁹ Переговоры в Омунтесберге вызваны были следующими обстоятельствами: во-первых, папа просил Святополка побудить Арнульфа к походу в Италию; во-вторых, частые нападения норманнов заставляли Арнульфа искать союзников для войны с ними; в-третьих, в то время распространился слух о движении угров к Дунаю и нужно было позаботиться Святополку и Арнульфу о защите своих земель; в-четвертых, Регино свидетельствует, что тогда уступлена была моравскому князю Чехия. Неправдоподобие последнего известия бросается в глаза при рассмотрении событий 891 и 892 гг., когда Арнульф употреблял все усилия, чтобы примириться со Святополком, недовольным им. Об уступке Арнульфом Чехии в 890 г. может говорить только человек мало знакомый с тогдашними делами, каков и был Регино, подводивший факты под годы без всякой критики.

Святополк не явился к нему для переговоров. Раздраженный Арнульф составляет сильный союз против моравского князя. На юге был привлечен к союзу Брацлав, управлявший землей между Дравой и Савой; угры, искавшие мест жительства в дунайских равнинах, вошли в соглашение с Арнульфом и были употреблены им против мораван; на всех окраинах старался Арнульф удалить союзников Святополка: так, по его приказанию вюрцбургский епископ Арно врывается в Чехию, чтобы отвлечь ее от союза со Святополком; так, он лишил чинов Поппо, графа Сербской марки, опасаясь его измены. Не видно, чтобы Святополк выходил в открытое сражение против такого сильного врага: войско на время собрано было им в укрепленные места, страна оставлена неприятелю. Четыре недели немцы и угры опустошали Моравию и Паннонию; но при всем том Святополк и к концу года столь же страшен был для Арнульфа, как и в начале. Так, после похода 892 г. Арнульф отправляет посольство к болгарам, чтобы возобновить с ними тульнский договор и просить о запрещении ввоза соли из Болгарии в Моравию; при этом послы его должны были идти весьма дальней дорогой, через землю Брацлава, так как вся Паннония была закрыта для них. На благоприятный для Святополка исход войны указывает и то, что недовольные Арнульфом вельможи продолжали искать у него убежище: разумеем несчастную судьбу потомков Вильгельма и Энгильрады. Энгильскальк, похитивший незамужнюю дочь Арнульфа, возбудил его негодование; но по-

том, снискав милость короля, своими грубыми поступками так озлобил баварских дворян, что они решили ослепить его. Его брат Вильгельм, опасаясь за свою жизнь, вступил в сношения со Святополком, но, обвиненный в государственной измене, наказан смертью; граф Каринтийский Руотберт, искавший убежища у Святополка, был схвачен и убит в Моравии со всеми спутниками. Снова пытался Арнульф унижить врага моравского и снова, пограбивши страну, при отступлении должен был терпеть неожиданные нападения, засады и с трудом пробираться в Баварию. Война еще не кончилась и в 893 г.: по приглашению папы Формоза – поспешить на помощь – Арнульф не решился сам отправиться в Италию, но послал сына своего Святополка. Таким образом вопрос, за кем останется верх, кто должен первенствовать из этих двух умных и деятельных государей, был еще не решен, когда в 894 г. умер Святополк Моравский.

Мы удержимся произносить о нем какое-либо суждение; деятельность Святополка рисуется нам в известиях врагов его и очерчена весьма слабыми красками. Из его подданных никто не сохранил о нем ни одного слова; вообще, трудно предлагать объяснения и побуждения в событиях того отдаленного и совершенно забытого даже самими мораванами времени. «Нет недостатка известий об этих событиях, – говорит Шлоцер, – но они весьма спутаны, часто противоречащи и, что всего хуже, весьма пристрастны. Здесь борются немцы против славян, как римляне против карфагенян;

только эти, счастливые победители, говорят и хвастают, и преувеличивают, из патриотизма передают ложь и стушевывают истину: другую же сторону мы лишены возможности выслушать». Ограничимся же передачей того, что говорили о Святополке старые летописатели: с одной стороны, фульдский летописец и Регино, с другой – Константин Порфирородный и Козьма Пращский.

Рыцари Каролингов. Со средневековой миниатюры

«В 894 г. несчастным образом кончил жизнь свою Свято-

полк, князь моравский, сосуд вероломства, который хитростью и коварством возмущал покой соседних стран и жаждал человеческой крови; умирая, он завещал своим не мир, а вражду». Писатель, несколько далее живший от театра военных действий Святополка, современник его Регино, называет моравского князя «мужем необыкновенного ума и хитрости». Но каким значением пользовался Святополк на далеком пространстве, это показывает нам царственный летописец Константин; несколько раз упоминает он о Моравии, везде называя ее Великой Моравией и Великую Моравию связывая с именем Святополка. Вот его отзыв о Святополке: «Князь моравский Святополк был храбр и страшен для соседних народов; он имел трех сыновей и, готовясь к смерти, разделил страну на три части и каждому сыну дал отдельную часть. Старшего по возрасту назначил великим князем, остальных двух подчинив его власти. Они убеждал их хранить мир и согласие на этом примере: связав три прута, дал их переломить старшему сыну; когда этот не мог сломать связки, предложил второму и затем третьему. Потом дал каждому сыну по одному пруту из этой связки, и они легко переломили каждый свой прут. Указывая на этот пример, он так говорил детям: если вы останетесь в любви и согласии между собой, никогда враги ваши не одолеют вас и не пленят; если же, из честолюбия и несогласия, захотите каждый верховной власти, отказывая в повиновении старшему брату, сами будете ослаблять друг друга и соседи-враги совер-

шенно уничтожат вас». У родственных славянских народов, входивших в состав его великой державы, осталось воспоминание о Святополке; хотя в народном предании личность князя приобрела уже оттенок мифический, но замечательно направление, в котором разрабатывалась сказка. Козьма говорит о Святополке: «В том же году, как крещен был Борживой (в 894 г., по Козьме), пропал, как передает молва, Святополк, царь моравский, и более не показывался»; далее Козьма, по своим соображениям, объясняет, что Святополк мучился сознанием несправедливости своей против Арнульфа, на которого «он несправедливо и неблагодарно поднял вооруженную руку, забыв, что Арнульф подчинил ему не только Чехию, но и другие страны от Чехии до реки Одры и по направлению к Угрии до реки Грона... в глухую, темную полночь, тайком сел он на коня и, выбравшись из лагеря, направился к одному местечку на горе Цобере, где несколько времени тому назад три пустынника построили на его иждивение церковь, в огромном непроходимом лесу. Доехав до этого места, заколол коня, меч воткнул в землю и, при наступлении дня, явился к пустынникам; они не узнали его, постригли, одели в монашеское платье, и он жил с ними, не открывая своего сана; только когда почувствовал приближение смерти, объявил, кто он». Титмар Мерзебургский сохранил воспоминание о протяжении Моравского государства далеко на запад и о зависимости от Святополка славян полабских до Магдебурга: «Мораване в царствование Святополка бы-

ли нашими господами. Наши предки платили ему ежегодную дань; он имел епископов в своей стране, по имени Моравия». В самой Моравии сохранилось до сих пор в народе воспоминание о справедливости Святополка и близости его к народу. Регино, Видукинд, Козьма и Титмар дают ему царский титул.

Но важнейшим явлением царствования Святополка остается и останется не то, чего он достиг своими усилиями, не его объединенная из славянских народов держава, которая сразу после его смерти и начала разлагаться; но то дело, против которого он ратовал, дело, которое не им начато и которое он не переставал тормозить. Имя Святополка в истории славянской церкви приобретает совершенно другой оттенок, чем в славянской истории вообще. Здесь, в связи с Мефодием, Святополк много теряет своей обаятельности и величия. Тут мы видим его жалким орудием немецкой партии, недалевидным человеком, во всем доверившимся креатуре немецкого короля Викингу, который обманывает его до самого 893 г. В самом деле, пристрастие Святополка к иностранцам военного и духовного сословия весьма выдается, при всей скудости известий из того времени; ни архиепископ Мефодий, ни один из его учеников, по смерти его, не вошел в милость князя Святополка.

С 881 г. прерываются сношения Мефодия с Римом; с 882 г. началась жестокая война у Святополка с Арнульфом; без сомнения, немецкая партия тогда была менее сильна при

дворе моравского князя; с победой Святополка и успешным миром, закрепившим за ним всю Паннонию в 884 г., церковная власть Мефодия должна была значительно расшириться. Мы не знаем, что делала в это время немецкая партия: но ни у Арнульфа, ни у папы она ничего не могла выиграть, так как Святополк стоял на верху силы и могущества и был ожесточен против немцев. Весьма важное значение имеет здесь то свидетельство, по которому враги Мефодия старались заподозрить его в Греции перед императором и патриархом и что Мефодий путешествовал перед смертью в Царьград: «Злоба их на этом не остановилась, но еще говорили: император так недоволен им, что если бы он явился к нему на глаза, то не миновал бы казни. Но царь прислал письмо к Мефодию и просил его принять на себя труд побывать в Константинополе»¹²⁰.

Путешествие в Царьград должно относиться к промежутку от последнего путешествия в Рим до смерти Мефодия. Уклончивая политика папы, старание его угодить тем и другим, посвящение в епископы Викинга и почти без внимания оставленная жалоба Мефодия, ожесточенная война моравского князя с немцами, поставлявшая Мефодия в необходимость прекратить апостольские дела, – все это такие обсто-

---

¹²⁰ Житие Мефодия: «Абие же шедшу ему тамо, прият его царь с великою честью и радостью, и учение его похвали, удръжа от ученик его поча и диакона с книгами. Всю же волю его створи, елико хоте, и не ослушав ни при чесом же; облюбль и, одарив вельми, проводи его паки славно до своего стола, тако же и патриарх».

ательства, которые делают весьма возможным путешествие его в Царьград¹²¹. Как скоро успокоились в Моравии от войны, опять появляются здесь следы деятельности Мефодия: к 884 г. относится освящение им церкви в Берне.

Когда заметили упадок сил Мефодия, спрашивали его: «Кого ты хочешь назначить из учеников преемником себе?» Он показал на одного из учеников, именем Горазд, и сказал: «Это из вашей страны благородный муж, хорошо научен латинским книгам и православен». Когда в Вербное воскресенье народ собрался в церковь, он поручил князя и клириков и весь народ благодеяниям царя и сказал: «Стерегите меня, дети, до третьего дня». Смерть его последовала 6 апреля 885 г. Над ним совершена была служба на трех языках: славянском, латинском и греческом, погребен в Велеграде, в церкви Св. Девы Марии.

Вслед за смертью архиепископа Мефодия начинается снова сильное движение немецкой партии при дворе Святополка. Мы знаем, что Мефодий сам назначил себе в преемники Горазда, но весьма недолго пришлось Горазду управлять моравской церковью: произошли события, едва не уничтожившие все дело св. братьев и заставившие учеников его терпеть преследования и спасаться бегством из Моравии. В 884 г. Святополк заключает мир с Арнульфом, входит с ним

---

¹²¹ Отношения двора византийского к папе тогда опять начали колебаться; неудавшаяся попытка возвратить Болгарию повела римских пап к угрозам греческому патриарху, а потом к отлучению его. Вообще же путешествие Мефодия в Константинополь оспаривается западными учеными.

в близкие отношения, не прерывавшиеся до 892 г.; друг Арнульфа Викинг должен был получить прежнее высокое значение у Святополка и усилить немецкую партию. Едва ли дело не было в этом положении уже перед смертью Мефодия. Князь Святополк не был ревностным христианином, он не понимал величия подвигов Мефодиевых и если терпел его, то только потому, что видел доброе влияние его на народ и расположение в народе к славянскому богослужению. Уже раз он поддался обману Викинга и его партии, усомнился и сам в правоверии своего архиепископа; теперь снова клевета против Мефодия и его правоверия должна была найти доступ к нему. Немецкая партия действовала и перед папой. В половине 885 г. на папском престоле сидел Стефан VI. С согласия ли князя или самовольно, только Викинг хлопотал перед новым папой об утверждении себя в правах паннонского архиепископа, причем оклеветал Мефодия и его учение. Положение папы было таково, что заставляло его заискивать у могущественного князя моравского и не входит в исследование обвинений, взводимых против Мефодия. Надо думать, что в Моравии в то время было весьма резкое различие в вероучении латинского и немецкого духовенства; вошли уже в силу уклонения между Западной и Восточной церквями, на установление и выяснение которых особенно настаивает письмо папы Стефана. В письме к Святополку, изложив подробно догмат о происхождении Святого Духа и от Сына, учение о посте, папа продолжает: «В этом Священ-

ном учении находим мы твердым и Викинга, достопочтенного епископа и любезнейшего собрата, которого и послали к вам (к Святополку) для управления порученною ему церковью; ибо мы узнали вашу взаимную приязнь и твою об нем заботливость. Искренне примите его и относитесь к нему, как к духовному отцу и своему пастырю, с честью и должным уважением... Он примет на себя попечение о церковных делах и духовних должностных лицах, и будет рукополагать их... Мы весьма удивлены, услышав, что Мефодий упорствует в неправославии, затевает нестроения и несогласия. Если это справедливо, мы осуждаем вполне неправославие его. Анафема же, из презрения к католической вере произнесенная, пусть обратится на главу того, кто изрек ее. Ты же и народ твой невинны пред судом Св. Духа, если без изменения содержите веру, проповедуемую св. римской церковью. А что тот же Мефодий решился совершать священные требы, таинства и литургию на славянском языке, запрещаем властью Божиею и нашею апостольскою, под страхом отвержения от церкви, делать это, за исключением тех случаев, когда нужно дать наставление простому народу, прочитать Евангелие или Апостол на этом языке... упорных и неповинующихся, заводящих несогласия и соблазн мы позволяем извергнуть из недр церкви, как сеятелей дурной травы, если они не исправятся после двух внушений; и, чтобы одна зараженная овца не испортила всего стада, повелеваем во имя наше схватить ее и выгнать из земли вашей». С таким

полномочием, добытым злобной клеветой, а может быть, и подкупом¹²², явился Викинг в Моравию, когда уже Мефодия не было в живых¹²³. Князь Святополк не был ревностным христианином, в тонкости догматические он не мог вмешиваться, партия немецкая пользовалась уже прежде его особым расположением¹²⁴; уважительный и почетный отзыв папы о Викинге, подозрение в ложном учении, заявленное в письме на Мефодия, были достаточными побуждениями для него дать немецкой партии полную свободу в Моравии. Викинг со своей стороны находил себя совершенно уполномоченным папой поступать против «упорных и не повинующихся» по произволу. У него всегда была притом поддержка в Арнульфe, с которым и Святополк был в хороших отношениях, помогши ему в 887 г. отнять королевский престол у

---

¹²² Намеки на подкуп римских пап в деле о славянской церкви появляются в событиях 900 г. довольно определенные, см. в следующей главе по поводе письма баварского духовенства к папе.

¹²³ По тону письма папы Стефана видно, что он еще не знал о смерти Мефодия.

¹²⁴ Описывая ожесточенную вражду религиозных партий и преследование учеников Мефодия, жизнеописатель Климента говорит (гл. 13): «А князь ничего этого не знал... он был в отлучке; если бы он был дома, то не поступили бы так с исповедниками истины: ибо хотя он и часто покровительствовал франкам и был нрава полудикого, но уважал и заслуги святых мужей»; гл. 9 – после речи о Св. Троице: «Князь едва ли понял что из сказанного, на понимание вещей божественных он был весьма туг, с одной стороны, потому, что воспитан был поварварски, или, короче сказать, без всякого толку, с другой – потому, что ум его расслабел от грязных удовольствий, как было сказано»; самому Святополку влагаются слова: «Я сознаюсь в своем крайнем неведении, я не далек в предметах догматических».

Карла Толстого.

Положение славянской партии в Моравии, по смерти архиепископа Мефодия, представляется в следующем виде. Она была сильна своей численностью, но не влиянием: до 200 священников оставил Мефодий в своей епархии. Партия эта имела своего представителя в Горазде, еще самим Мефодием назначенном себе в преемники. Горазд ратовал против незаконного самоуправства Викинга, защищал своего учителя. «Но дерзкая партия немецкая устранила его от управления церковью, и с тех пор ересь поднимает голову и вооружается против православных учеников Мефодия». Существенным различием этих партий было учение об исхождении Св. Духа, жарко защищаемое с той и другой стороны; споры были так сильны, недовольство между партиями так велико, что дело едва не доходило до драки; наряду с этим князя Святополка продолжали более и более вооружать против учеников Мефодия. Чтобы положить конец борьбе партий, Святополк сделал такое постановление, по которому несогласные с учением немецкого духовенства лишались покровительства законов.

«Достанет ли слов рассказать, – говорит жизнеописатель Климента, – как воспользовались немцы своим перевесом? Одни вынуждали согласие на измышленный догмат, другие ратовали за учение отцов; одни приготвили все предпринять, другие все выстрадать. Стали бесчеловечно мучить приверженцев Горазда, грабили жилища их, соединяя нече-

стие с любостязанием, других, обнаживши, влачили по колючим растениям, и так поступали с почтенными мужами и людьми, перешедшими уже за границы мужеского возраста; а которые из пресвитеров и диаконов были молоды, тех продавали жидам... Тех же, которые имели сан учительский, как Горазд, уроженец моравский, знаток греческого и славянского языков, назначенный Мефодием на епископскую кафедру, как пресвитер Климент, муж красноречивейший, и Лаврентий, и Наум, и Ангеляр – тех и других многих, заковавши в цепи, бросили в темницу. Только Бог, утешающий униженных, не оставил без помощи и этих св. мужей. Случилось сильное землетрясение; устрашились жители города, удивлялись и недоумевали, что бы значило это знамение. Подошедши к темнице, они увидели, что оковы спали с заключенных, и они пользуются всею свободою. Потом обременили их оковами, гораздо более тяжкими; но по прошествии трех дней опять произошло землетрясение, и слышен был при этом голос с неба, и спали с заключенных оковы. Ничего этого богопротивники не сказали князю, но подвергли праведников тем же истязаниям. Эти события происходили в отсутствие князя, если бы он был дома, не потерпели бы исповедники истины таких бедствий: хотя и был он особенно привержен к франкам, но боялся и святых мужей, особенно небесного знамения, три раза повторявшегося. После таких бесчеловечных мучений, не позволивши святым даже подкрепиться пищею, передали их воинам с приказанием раз-

вести по разным странам, прилегавшим к Дунаю, присудив таким образом небожителей к изгнанию из своего города. А воины вывели их из города, раздели и тащили по дороге обнаженными, мечами и копьями ударили их по плечам и по бедрам. Отведши далеко за город, оставили их там, а сами пошли в обратный путь».

Изгнанные из Моравии, ученики Мефодия направляются в Болгарию. Они надеялись найти в ней успокоение, окольными путями пробирались туда, стараясь избегать людей, терпя недостаток в пище и одежде; в случае опасности расходились по разным местам, по Божьему изволению, чтобы больше стран окрестных просветилось светом Евангелия. В Болгарии они были представлены князю Борису и с радостью приняты им. Сюда пересажена была из Моравии начальная славянская литература, принесшая в Болгарию успешный плод при царе Симеоне (ум. в 927 г.).

Семь лет Викинг управлял Паннонией после Мефодия; папы не поднимали голоса против его самовольного поступка с учениками Мефодия; церковные дела приведены были в запутанное положение, Моравия наводнена немецким духовенством. В 892 г. завязалась война между Святополком и Арнульфом, тогда Викинг нашел неудобным оставаться в Моравии и сделался секретарем Арнульфа.

Угры. Разложение Моравской державы. Угорский погром. 895–907 гг.

Заключенный Арнульфом в 892 г. союз с уграми против мораван имел весьма печальные последствия для немцев и славян: уграм указана была дорога в Паннонию и далее на запад; для прохода их открыта была линия укреплений. Летописцы не щадят за это Арнульфа и порицают его горькими упреками: «Когда Арнульф не мог победить Святополка, мужественно ему сопротивлявшегося, открывши весьма сильные укрепления, пригласил на помощь венгров, народ беспокойный, дерзкий, способный на всякое злодеяние, ищущий лишь убийства и грабежей... Увы! слепое честолюбие царя Арнульфа; увы! несчастный и жалкий день! <...> Они (угры), прогнанные за Дунай и окруженные высокой насыпью, не могли делать своих обычных набегов; в царствование же Арнульфа разрушено укрепление и открыта была дорога им, потому что разгневан был император на Святополка, царя моравского... Сколько бедствий, сколько несчастий нанесли они империи франков, свидетельствуют города и страны, еще и доселе необитаемые».

Угры или мадьяры относятся к финскому семейству народов; жили они сначала на Дону и были подчинены хазарам.

Уграм близко родственны некоторые народы по Волге, Уралу, Иртышу и Оби; в Средние века было несколько попыток у угров отыскать и вызвать к себе своих родичей за Волгой и Камой, но этому мешали цари московские. С течением времени, освободившись от хазарской зависимости, с прикнувшей к ним ордой хабаров, угры поселились на северо-восточном берегу Черного моря; здесь, заняв земли между Карпатами, Дунаем и Черным морем, вошли они в сношения с Киевским княжеством. Скоро греки и немцы обратили внимание на воинственный народ; немцы воспользовались их помощью против славян в 892 г., греки против болгар в 893 г. Но вскоре ни немцы, ни греки не имели сил противиться этим соседям, и более 60 лет угры наводили ужас и были бичом всей Европы.

Когда угры явились в Италию и Германию, с ужасом смотрели на них европейцы. Это были чудовища небольшого роста, со смуглым лицом, с глазами в глубоких орбитах, с гладко обстриженной головой и тремя косами, покрытые шкурами невиданных зверей. Общественное устройство их было племенное; скотоводство, охота и рыболовство удовлетворяли всем их жизненным потребностям. Главное богатство их состояло из быков и лошадей, которые летом и зимой паслись под открытым небом; со стадами передвигались и хозяева их с одного места на другое. Лошадь с детства была неразлучным товарищем каждого угра; на лошадях они постоянно сидели, путешествовали, отдыхали, размышляли и

разговаривали. Употребления шерсти и тканей они не знали, умели только выделывать кожи добываемых на охоте зверей. Особенно обратило на себя внимание летописцев военное искусство угров. С шумом появлялись они на лошадях, покрытых железными панцирями или попонами из звериных шкур, с дротиком за плечами, с луком и стрелами в руках. В метании стрел приобретали они с детства замечательное искусство; на всем скаку с изумительной верностью они попадали в цель; избегали рукопашного боя и предпочитали биться с неприятелем издали. Поэтому редко они давали правильное сражение и еще реже предпринимали осаду укреплений. Если неприятель спасался в укрепленное место, они, спрятавшись, выжидали удобного случая захватить его или отрезывали подвоз съестных припасов. Небольшими сомкнутыми рядами нападали они, но, разделенные на маленькие отряды, всегда оставляли часть войска в засаде. Оттого-то все их движения отличались быстротой, и это давало им возможность сообщать борьбе новый и неожиданный оборот. Минутная победа обманывала неприятеля, и часто он, считая себя победителем, при новом нападении терпел жестокое поражение. Если неприятель был разбит и обращен в бегство, не прежде переставали они преследовать его, как немилосердно перебив до последнего человека; потом возвращались собирать добычу. У них была вера, что все, павшие на земле от их меча, на небе будут служить им как рабы; оттого они не имели пленных и ничто не могло спасти жизнь

взятому ими в схватке.

Вот эта-то дикая орда угров была употреблена немцами против славян; средство удалось, как нельзя более: Моравская держава пала под их ударами, но угры не удовлетворились Паннонией и Моравией.

После Святополка осталось три сына; младшие должны были владеть своими уделами в зависимости от старшего брата Моймира II. Весьма в тяжелых обстоятельствах получил Моравию Моймир; война с Арнульфом еще не была кончена, да и воевать счастливо с Арнульфом мог только опытный боец; угры перешли из области потисской к Дунаю, ворвались в Нижнюю Паннонию, производили здесь жестокие убийства и насилия. При таких обстоятельствах состоялся мир у немцев со славянами осенью 894 г. По всему видно, что мир был невыгоден для Моравии; в следующем году, в середине июля, являются к Арнульфу в Регенсбург все князья чешские, бывшие прежде под властью Святополка, клянутся ему в верности и делают его вассалами; в то же время бодричи пришли к нему с дарами и просили у него мира. Святополковичи должны были молча смотреть на поступок чехов и не обнаружили ничем своего недовольства: Арнульф скоро затем отправляется в Италию по приглашению папы Формоза. Отпадение Чехии, безнаказанное опустошение Паннонии, невыгодное перемирие с Арнульфом сразу обозначили отсутствие сильной руки, правившей страной. Не ограничиваясь внешним унижением, Арнульф употреб-

лял еще и другие средства к более верному ослаблению Моравии. Нужно вспомнить, что Викинг, доверенное лицо покойного моравского князя, домашний человек его, с 893 г. является секретарем при дворе Арнульфа. Нетрудно предположить, что, зная хорошо и семейные отношения дома Святополкова, и внутреннее состояние страны, он весьма много помог Арнульфу действовать в Моравии и скрытными путями. Нельзя сомневаться, что братская распря между моравскими князьями началась и поддерживалась при содействии и подстрекательстве Арнульфа; известно, что князь Моймир высказывал Арнульфу свое неудовольствие на то, что при немецком дворе принимаются его изменники. Внутренние волнения в Моравии начались, конечно, вскоре по смерти Святополка; иначе трудно себе объяснить, почему так холодно и спокойно относился Моймир II к отпадению великих областей, входивших в состав державы отца его. За переходом Чехии в зависимость Арнульфа следуют сношения бодричей и потом отпадение сербов; Паннония блатенская снова делается немецкой провинцией и вверяется Брацлаву. В 897 г. открылась война между чехами и мораванами, первые идут к Арнульфу и просят его заступничества против врагов своих, мораван.

Восточная марка и наблюдение за Моравией поручены были Арнульфом маркграфу Люитпольду, его родственнику по матери. Люитпольд пользовался огромным влиянием и широкой властью, которая простиралась на Восточную мар-

ку, Каринтию, Чехию и земли по Энже. Его обширную власть делил с ним граф Арибо, брат его. Этот последний, конечно, с соизволения Арнульфа принимал деятельное участие во внутренних волнениях Моравии, поддерживал императорскую партию, когда возникла жестокая усобица между Святополковичами. В это время баварское войско вступило в Моравию и опустошило большую часть страны; в следующем году повторилось подобное же вторжение баварцев. Императорская партия, представителем которой был Святополк, брат Моймира II, была слаба в сравнении с национальной; Святополк, осажденный в одном городе, был освобожден только с помощью баварского войска. Тогда партия Моймира, или национальная, взяла перевес; положение ее не было еще затруднительно и в 899 г., когда сын графа Арибо, Исанрих, открыто восстал против Арнульфа, сносился с Моймиром и при его содействии утвердился в марке¹²⁵. Большой Арнульф лично вел против Исанриха войско, взял его в плен; но по дороге в Регенсбург пленник нашел случай обмануть стражу и снова искал покровительства у моравского

---

¹²⁵ Ann. Fuld. a. 899. Что положение Моравии тогда было совсем еще не отчаянное, видно как из обстоятельств с Исанрихом, так и из дальнейших попыток Моймира к церковному устройству Моравии. Не отпадение Чехии, не потеря Паннонии, не усобицы в княжеском доме погубили Моравию, а интриги немцев и угры. Дидк весьма много значения придает первым обстоятельствам. Моравия, по его словам, пала бы сама собою, и без угров, см. Mähtens allgemeine Geschichte I, 320–325; 345. Моймир II не терялся в затруднительных обстоятельствах, сознательно ослаблял немецкую партию в Моравии и, как только нашел время, восстановил церковное управление; в пользу Моймира отзывается Палацкий.

князя. И по смерти Арнульфа (умер 8 декабря 899 г.), даже ввиду грозящей опасности от угров, баварцы в союзе с чехами предпринимали поход на Моравию, три недели беспощадно жгли и грабили ее; только равно обоим врагам угрожавшая опасность от угров заставила их подумать о мире в 901 г.

Весьма отрывочные и неполные известия фульдских летописей об отношениях немцев к славянам при детях Святополка восполняются частью документом, происхождение которого обязано поднятию церковного вопроса в Моравии. В последний год жизни Святополка Викинг оставил Моравию, в которой он семь лет управлял церковными делами на правах паннонского архиепископа; он занял при Арнульфе должность придворного канцлера, а потом, в 898 г. при посредстве того же Арнульфа, получил пасовскую епископскую кафедру. Явление весьма странное в церковных летописях, что духовное лицо с архиепископской кафедры переходит на епископскую. Паннонская кафедра оставалась незанятой с 893 г. Смуты в Моравии по смерти Святополка, сопровождавшиеся частыми походами баварцев, давали немцам надежду, что и церковная, и политическая независимость Моравии клонится уже к упадку, что скоро настает время господства их в Моравии, как это было в 870 или 871 г. Когда в 901 г. заключали они мир с моравянами, в переговорах принимал участие назначенный вместо Викинга на пасовскую кафедру епископ Рихгар, – вероятно, тогда де-

ло шло и о церковном положении Моравии, ее подчинении зальцбургскому архиепископу.

Понятно, как должно было обеспокоиться немецкое духовенство при неожиданном вмешательстве папы Иоанна IX в дела моравской церкви. Вероятно, по просьбе Моймира II папа отправил в Моравию архиепископа и двух епископов; они должны были устроить запутанные церковные дела в Моравии и образовать из нее церковную провинцию, в зависимости от папского престола. Как происходило это дело, мы не знаем; сохранилось только письмо баварского духовенства, вызванное папским распоряжением. Время составления этого замечательного послания относится к промежутку времени между 21 января и серединой июля 900 г. Оно составлено на собрании всего духовенства, потому что подписались под ним архиепископ и пять его суффраганов; это могло быть в Рисбахе, где, как показывает один документ, было в том году собрание дворянства и духовенства, возвращавшегося из похода на Моравию, предпринятого в союзе с чехами. Весьма любопытно сопоставить послание 900 г. со всем тем, что мы знаем об отношениях немцев к паннонской архиепископии и моравским славянам. Тут холодно и без стыда отрицаются общеизвестные факты; искажаются события и выступают наружу бесчестные отношения немцев к славянам. Вся история Святополка моравского и архиепископа Мефодия лишена в этом памятнике всякого значения для государственной жизни Моравии и представляется вре-

менем мятежа, анархии и языческого отступничества. Но послушаем самих немецких епископов¹²⁶. «Пришли от вас, – пишут они папе, – три епископа: Иоанн-архиепископ и епископы Бенедикт и Даниил в землю славян, называемых мораванами; но земля эта со всеми ее обитателями подвластна королям нашим и народу нашему, и нам, как в церковном отношении, так и относительно дани: ибо мы обратили их и сделали из язычников христианами. Поэтому-то пасовский епископ, в епархии которого находится земля этого народа, с самого обращения их в христианство, когда хотел и когда требовали того обстоятельства, без всякого препятствия являлся туда, неоднократно созывал синоды из своего и тамошнего духовенства, и с полномочием исправлял все, что нужно было, и никто не сопротивлялся ему открыто. И наши маркграфы, пограничные той земле, делали там постоянно свои собрания, налагали наказания и собирали подать, и нигде не встречали сопротивления¹²⁷, но вот овладел диа-

---

¹²⁶ Так как послание это написано слишком в партиозном духе и представляет идеалы противоположной партии, то небезопасно пользоваться его данными для истории Моравии. Оно и должно рассматриваться как источник для истории Моравии только с весьма большим ограничением; проверкой его должны служить сухие заметки летописца.

¹²⁷ Очевидно, все это чистая ложь: только в 870 и 871 гг. могли пасовские епископы иметь претензию на управление в Моравии; в последующее же время, когда Моравия добыла себе политическую и церковную независимость, этого не могло быть. Отцы совершенно опустили из виду договоры 874 и 884 гг., бесславные для немцев; о правах маркграфов в Моравии – тоже чистая выдумка; мы видели, что даже при Моймире II граф Восточной марки Исанрих держит себя

вол сердцами их (мораван), и они оставили христианство, уклонились от всякой правды, начали вызывать к борьбе и жестоко отбиваться, так что и епископам, и проповедникам заградили путь туда, и делали они по произволу своему, что хотели. Ныне же, что кажется нам грустным и невероятным к большому оскорблению еще хвастают, что стоили им эти епископы немало денег...»

Далее указывается на незаконность распоряжений посланных папой епископов в чужой епархии.

«Предшественник ваш при князе Святополке посвятил епископа Викинга. Но он не поручил ему той древней пасовской епископии, а послал к новообращенному народу, покоренному князем. Когда наши легаты вошли в близкие отношения с этими славянами, то они обвиняли нас и бесславили, клеветали, сколько могли, потому что некому было защищать нас... наговаривали, что мы и с ними не ладим; хотя это правда, но причина неудовольствий заключается не в нас, а в их испорченности. Когда начали они нерадеть к христианству, отказались платить государям королям нашим и их чиновникам определенную дань и взялись за оружие, тогда вспыхнул у них мятеж. И если позволительно обращать в рабство покоренных оружием, то, в силу военного пра-

---

довольно независимо от Арнульфа, заключает союз и ищет поддержки в Моравии, да и ранее графы Восточной марки чаще заключают союзы с Моравией, что остаются верными немецкому королю. Впрочем, мораване, живущие на границах немецких марок, судились во все время судом маркграфским, как показывает грамота Арнульфа от 898 г. на право суда над мораванами в жупе Крушвицы.

ва, волей-неволей они должны будут подчиниться нашему царству. Поэтому мы препоручаем вам быть осмотрительными и предпочитать другим мерам меры уравнивающие, чтобы рабское племя не усиливалось на счет благородного. Императоры и короли, предки светлейшего государя нашего Людовика, произошли от христианского народа франков, моравские же славяне произошли от презренных язычников. Те могущественно охраняли римскую республику, эти грабили ее; те укрепляли христианское царство, эти ослабляли его; те весь мир наполнили славой, эти прячутся за стенами в селениях своих; сила тех поддерживала апостольский престол, от набегов этих страдало христианство».

Между разными дурными качествами славян выставляют: «Они приняли к себе огромное множество угров, по обычаю их обстригли свои лжехристианские головы, и натравили их на нас, христиан, да и сами нападали: и одних уводили в плен, других убивали, иных томили в темницах жестоким голодом и жаждою, бесчисленное множество довели до разорения, и славных мужей, и честных жен осудили на рабство, церкви Божии сожгли и все здания истребили; так что во всей Паннонии, нашей огромной провинции, едва ли найдется одна церковь, что могут подтвердить епископы, посланные вами, если бы они захотели сказать правду, много путешествовавшие и видевшие всю разоренную землю. Когда же мы узнали, что угры вторглись в Италию, видит Бог, как искренно мы желали помириться со славянами, обещая

им во имя Всемогущего забвение всех бед, нам нанесенных, и возвращение всего, что оказалось бы у нас принадлежавшее им; мы желали, чтобы они пощадили нас хоть на то только время, пока мы будем в походе в Ломбардию, чтобы защищать престол св. Петра и с Божиею помощью освободить народ христианский...¹²⁸ Общая скорбь и великая печаль обдержит всех жителей Германии и Норика о том, что единство церкви нарушено... одно епископство разделилось на пять».

Неизвестно, какие последствия имел этот протест, отозвался ли на него папа или нет. Видно, что главная цель послания была доказать неотъемлемость прав зальцбургской церкви на Паннонию. Потому нет никакого намека на распоряжения Николая I и Иоанна VIII относительно славянской церкви, обходится молчанием и апостольская деятельность архиепископа Мефодия. Кафедра его более 10 лет оставалась незанятой, латинскому духовенству удалось уже ранее заподозрить в глазах пап Мефодия, так что вся его деятельность, с этой точки зрения, могла считаться неправильной и ничтожной. Труднее было обойти епископство Викинга, тут сделан замечательный изворот: Викинг совершенно вы-

---

¹²⁸ Сопоставьте следующие известия, чтобы определить, насколько есть тут правды: Ann. S. Gallens. Major et Annal. Almanici a. 899: Agareni Italiam intraverunt; поход угров в Италию был весной 899 г. и продолжался до 900 г.; около этого же времени предпринимали баварцы два похода на Моравию: один 898 г., другой, продолжавшийся три недели, 899 г.; в 900 г. угры вторгаются уже в Паннонию и немцам нечего было заботиться об Италии.

делен из занимающего их вопроса, он посвящен был вовсе не в область, принадлежавшую пасовской кафедре, но к новопросвещенному народу, только что укрощенному войной и обращенному из язычества в христианство; отсюда заключают, что он не был епископом-суффраганом и его область не стоит в связи с кафедрой пасовской и Моравией¹²⁹. Не совсем в чистом свете рисуется здесь и римская курия; в двух местах послание дает право предполагать подкуп ее. Зная, что материальные выгоды руководили римской курией почти во всех столкновениях ее со славянами, что сбор дани со славян является весьма выдающимся фактом в самом послании немецкого духовенства, мы не имеем причин сомневаться именно в таком объяснении следующих мест. «Варварские набеги язычников не позволили ни самому мне представить вам, ни через других послать причитающиеся сборы. Но так как по милости Божией Италия освобождена, то при первой же возможности обещаюсь препроводить их к вам». В этом обстоятельстве нельзя не признать по крайней мере некоторого объяснения, что папа легко примирился с притязаниями зальцбургского духовенства на Моравию и Паннонию. Другое обстоятельство, наводящее на то же предположение, – это хвастовство моравян, что им немало-таки стоили эти епископы.

---

¹²⁹ Между тем известно, что именно в Нитре, кафедральном городе Викинга, зальцбургский архиепископ Адалрам святил церковь (около 836 г.).

Князь Моймир склоняется перед Арпадом и признает подчинение Великой Моравии венграм. С картины М. Мункачи

И из этого письма, и из фульдских летописей видно, что до 899 г. Моймир II еще не терял надежды на благоприятный исход дел: он обращался к папе, просил его о высылке епископов для устройства страны, вошел даже в сношения с уграми и нанимал их в военную службу, имел еще силу поддерживать немецкого маркграфского сына в его стремлениях утвердиться в марке; главного врага он видел в немцах. И действительно, занятый и ослабляемый вторжениями немцев (898–901 гг.), он не мог ни сделать приготовлений, ни выставить достаточной силы против угров.

После вторжения в Паннонию в 894 г. угры до 900 г. не имеют столкновений со славянами; может быть, Моймир уступкой некоторых областей принужден был купить у них мир, чтобы выдержать внутреннюю борьбу с немецкой партией и потом внешнюю с баварцами. Возвратившись из похода на Италию, угры отправляют в Регенсбург посольство ко

двору Людовика Дитяти; но предложения их не были приняты. Тогда двумя отрядами идут они на Паннонию и Восточную марку; один отряд опустошил Паннонию, другой прошел Баварией до Энжи. Герцог Люитпольд, могущественный маркграф всех славянских марок в то время, поспешил навстречу врагу и разбил его на левом берегу Дуная. Повторяется постепенный и сильный напор угров на Моравию и Паннонию; они осаживаются в Хорутании в 901 г., от Тиссы доходят до Моравы, и вскоре затем имя Моравии бесследно пропадает из летописей. Не сохранилось известий, что предпринимал против угров князь Моймир, не знаем даже, когда угры одержали над ним решительную победу. Есть основания думать, что общая опасность от угров сблизила немцев и славян, что моравский князь пал в той же битве с уграми, в которой и герцог Люитпольд. Из тогдашних людей только герцог Люитпольд понимал всю опасность угорского соседства. После сражения с уграми в 900 г. он сейчас же приступает к сооружению крепости на Энже – Энсбурга, делается опекуном короля Людовика; другой королевский родственник, граф Сигхарт, строит крепость Эберсберг на Инне. Но многие не думали о грозящей опасности; при дворе заняты были соперничеством и распрями, Людовик разбирал ссоры и мирил своих любимцев. Набеги угорские как будто нисколько не изменили существующего порядка: на Дунае все еще происходила живая и деятельная торговля. Король Людовик по жалобам баварских епископов, абба-

тов и графов на незаконные притеснения относительно таможенной пошлины поручил маркграфу Арибо с другими чиновниками Восточной марки исследовать это дело. Королевскими поверенными были архиепископ Титмар, епископ Бурхард и граф Оттокар. На собрании в Раффельштеттине они наводили справки о том, какие были пошлины на Дунае со времени Людовика Немецкого до Арнульфа, ибо обычная дань и должна была сделаться законной. Раффельштеттинский торговый договор, любопытный вообще для истории торговли и производительности в придунайских странах, показывает, что между 903 (смертью епископа Рихара Пасовского) и 907 г. (большой угорской битвой) Дунай был открыт для свободной торговли немцам и славянам и что между теми и другими были тогда мирные отношения.

Баварцы сделали непростительную ошибку, вооружившую угров и ускорившую кровавую развязку. Они пригласили к себе на пир начальников угорских и умертвили их. В 907 г. произошла ужасная битва немцев с уграми; об отдельной битве их с мораванами не упоминается в летописях. Остается предполагать, что там же, где пал цвет немецкого дворянства и духовенства, там же и мораване оставили свои лучшие силы, потерпев полное поражение¹³⁰. Самостоятельность Моравии пала, население ее весьма ослаблено, угры заняли всю ее территорию. «По смерти Святополка... угры

---

¹³⁰ Подробное описание этой битвы у Азентина сомнительно по отношению к тем источникам, на основании которых оно составлено.

совершенно истребили мораван, заняли страну их и владеют ею до настоящего времени», – писал Константин Порфирородный; одна часть населения, пережившего этот погром, разбежалась по соседним странам, особенно к болгарам, туркам и хорватам.

III. Объединение западных славян под чешскими князьями. 895–999 гг.

Собирание чешской земли¹³¹

Чехия не сразу явилась цельным, единым государством, управляемым князьями Пржемысловцами. Первоначальная внутренняя история Чехии представляет, насколько можно судить по местным источникам, ту существенную особенность, что одни из ее частей стремились к самостоятельности и независимости, другие насильно или по договору притягивались к одному центру – старой области князей рода Пржемыслова. Чужеземные летописцы отмечали лишь внешние явления жизни славянских государств, и притом только те из них, которые вели к столкновению славян с иностранцами; внутренние же события, упорная и продолжительная работа, подготовлявшая их и совершавшаяся на почве славянских народов, были ими или недосмотрены, или оставлены без внимания. Мы уже имели случай убедиться, как непол-

---

¹³¹ Источники. Cosmas, Chronica Boemorum, ap. Pertz, SS. IX. Зеленогорская рукопись, изд. Шафарика и Палацкога в Die ältesten Denkm. D. Böhmish. Sprache. Краледворская рукопись, изд. Некрасова. СПб., 1872.

на, непонятна и в скольких предположениях нуждается лишь на иностранных источниках основанная история государства Моравского. Несколько счастливее в этом отношении, что касается до занимающей нас эпохи, народ чешский. Кроме иностранных летописей, гораздо более численных, чем для истории Моравии, сохранились еще для истории Чехии свидетельства местные. Понятно, что при пособии этих последних источников сведения наши могут быть полнее и изложение отчетливее. Предметом первой главы будет рассказ о том, каким образом отдельные части Чехии мало-помалу сливались в одну государственную единицу. Она должна служить дополнением к истории Моравии, так как об объединении Моравии не сохранилось никаких известий, да и вообще многие явления моравской жизни могут быть объяснены только сравнением их с подобными же явлениями у других славянских народов.

Признанные достоверно славянскими археологические культуры V–VI вв. н. э.

Каждое славянское государство постепенно слагалось из весьма мелких частей: родов, общин, колен, первоначально живших самостоятельно. Эпоха родового быта кроется в глубокой древности, следы общинного устройства видны в древних юридических памятниках славянского племени. Роды и общины, сливаясь, образуют одно государство, один народ. В IX в. Чехия разделена была на множество колен, из которых каждое имело своего старшину, стремилось к достижению собственных выгод и представляло отдельное, в себе замкнутое целое. Древнее устройство общественной сла-

вянской жизни предполагает отдельного представителя не только в каждом славянском колене, но и представителей или старшин в каждом роде и семье, входящих в состав его. «Всякий управляет своей челядью... а если умрет глава рода, дети... выбирают себе из роду владыку». Родовой старшина заправлял внутренними делами рода, заботился о его благосостоянии и сохранении его прав в отношениях с другими родами; платил подати, ходил в общественные собрания и имел голос за весь свой род. Когда при размножении членов рода забылась между ними родовая связь, тогда произошла община, представлявшая тоже как бы одно целое, владевшее известной собственностью, имевшее своего представителя. Таковы были известные в IX веке жупы и представители их – жупаны, подчиненные князю и управлявшие, в зависимости от него, своей жупой. Все общественное устройство Чехии времени князей Пржемысловцев основывалось главным образом на разделении земли на жупы или край. Оно не обуславливалось, однако, волей князя, но было стародавнее, как плод самой жизни славянской. Каждое колено, образовавшее чешский народ, заключало в себе несколько жуп, смотря по численности его, и каждая жупа имела свой отдельный жупный город и свое управление. Весьма вероятно, что не все колена в одно и то же время поселились в Чехии¹³². Неко-

---

¹³² Принято поселение славян в Чехии относить ко времени после 451 г. по Р. Х., когда маркоманы и их соседи – квады примкнули к огромному войску Аттилы, направлявшемуся в Галлию, и когда в Чехии осталось только небольшое число их, легко подчиненное новыми поселенцами. В 494 г. часть герулов,

торые из них, заняв лучшие и плодороднейшие местности, должны были скоро усилиться и оказать влияние на соседей, пользовавшихся менее благоприятными условиями.

Чехами, собственно, называлось колено, поселившееся близ Праги. Это было более сильное колено, ранее других выступившее на историческое поприще. Оно резко отличается от других, соседивших с ним колен, входит с ними в

следствие понесенного ею поражения от лангобардов, искала новых мест поселения на севере, при этом она проходила через земли, заселенные славянами, получив от них свободный пропуск. Но невероятно, чтобы все колена, образовавшие чешский народ, поселились в одно и то же время. У Козьмы Пражского, древнейшего свидетеля о жизни чехов, сохранились предания, касающиеся только колена, поселившегося близ Праги и называемого чехами; другие колена и другие местности входят в историю постепенно, теряя свою особость и втягиваясь мало-помалу в область князей пражских. До тех пор, нужно полагать, каждое колено жило отдельной жизнью, на отдельной территории, не стоя в связи с коленом чехов пражских. Можно представить положительные доказательства в пользу того, что было несколько осадков поселений в Чехии. С появлением аваров начинаются враждебные столкновения их со славянами. Дулебы испытали всю тяжесть аварского ига; но дулебы соседнили с бужанами и занимали земли по реке Стыру. Скоро они совсем исчезают из указанного места, где вместо них появляются волыняне и хорваты. Потом мы встречаем дулебов в Чехии, уже занятой другими коленами, они поселились в южных ее частях и выстроили города на восток от Влтавы. «Сказанное о поселении Дулебов, – говорит Лелевель, – покажется гипотезой для тех, которые возводят население Чехии ко временам более отдаленным; но и их мнение не менее предположительно, если они хотят очень рано запереть вход в Богемию для других племен; колонизация совершается последовательно. . .» Можно допустить, что и другие колена, избегая чужеземного господства, расселялись в разные стороны. Что движение славян совершалось в продолжительный период, важное свидетельство на это имеется у Константина Порфирородного в рассказе его о переселении сербов и хорватов на юг из Белосербии и Белохорватии, т. е. из стран за Карпатами.

неприязненные отношения, имеет свои определенные границы. Занимало оно середину земли между реками Огрой и Влтавой. Около этого колена и территории, им занимаемой, сосредоточиваются народные чешские предания, сохранившиеся у Козьмы и в песнях. На горе Рипе остановился Чех со своими полками и заложил здесь поселение. В лесах збеченских стоял Краков, город, поросший лесом во время Козьмы, отечественный город Крока, первого известного властителя Чехии, человека совершенно безупречного. Тета строит Тетин, укрепленный замок на скале, возвышавшейся над рекою Мжею. Либуша, лучшая между женщинами, предусмотрительная в совете... в решении государственных дел ни с кем не сравнимая... построила на краю лесов збечевских город Либушин; Кази воеводила из города на Осеке; еще во время Козьмы можно было видеть высокий холм на реке Мже, насыпанный в память правления Кази. Либуше приписывается и устройство Праги, города, славой до звезд превозносящегося. Недалеко от Праги было поле турецкое, на котором при Неклане происходила битва между чехами и Властиславом Лучанским; в Левом Градце Неклан и его приближенные, запуганные Властиславом, ожидали исхода сражения между чехами и лучанами; тут была построена первая христианская церковь в чехах. В Будече, в полутора милях отсюда, учился латинским книгам св. Вячеслав. Центром колена чешского и столицей князей его был Вышеград; против него, на левом берегу Влтавы, Девин. Земля, заселенная чехами, разделя-

лась на девять жуп, в каждой жупе был свой город, по которому она и называлась. Граничили чехи к северо-западу и северу с коленом лучан.

*Скульптура «Пржемысл и Либуше» Й.В. Мысльбека в
Вьшеграде (1881 г.)*

Лучане стоят отдельно от чехов, как другое, не принадлежавшее к ним колено; это было могущественное колено, гордого характера, обладавшее большим воинственным задором. Во время Козьмы помнили еще воинственного Властислава, князя лучанского, человека чрезвычайно коварного... Часто он нападал на чехов и, сопутствуемый марсом и религиозными ауспициями, всегда побеждал их; землю чехов опустошал пожарами, убийством и грабежом. Зерно лучан было в жупе Жатецкой, в местности, называемой Лука, прекрасной на вид, весьма плодородной, на широкое пространство покрытой пастбищами... густонаселенной. Страна лучан разделялась на пять жуп. Без сомнения, у лучан было немало и городов, но они все были уничтожены, когда чехи при Неклане одержали над ними верх. Города, построенные здесь чехами, были Драгуш, на берегу Огры, вблизи монастыря Св. Марии; потом Жатец, упоминаемый в первый раз в 1004 г. при описании войны между Яромиром и Болеславом Польским.

Лемучи – колено, рассевшееся до самой середины леса, окружавшего Чехию¹³³. У Козьмы и в грамотах вместо ко-

---

¹³³ Вероятно, это лес, называемый у Титмара (VI, 8) Miriquidui, нынешние Рудные горы; предание об одном замке, Lemus, могло бы указывать на положение колена близ Lovositz. Lelevel, Géographie du moyen âge, Т. III, p. 27. Колена, населявшие Чехию, записаны у географа Баварского, у Козьмы под 1086 г. и в первых

ленного имени употребляется имя жупы, входившей в состав его; ко времени Козьмы уже утратилось имя лемучей. Из жупы Белинской, колена лемучей, происходил Пржемысл, родоначальник чешского княжеского дома. Лемучи из жупы Белинской и Лютомерицкой издавна были в дружественной связи с чехами пражскими: Властислав Лучанский, намереваясь воевать с чехами, строит крепость между этими двумя жупами, чтобы сделать их неспособными помочь своим союзникам. Три жупы: Белинская, Лютомерицкая и Дечская – упоминаются в грамотах Бревновскому монастырю всегда одна за другой; в учредительной грамоте Пражской епископии эти три жупы понимаются как одно целое¹³⁴. Знаменитые города этого колена – Стадицы, отечественный город Пржемысловцев, на берегу реки Белины, и Властиславов город между Белинской и Лютомерицкой жупами.

Северные границы Чехии занимало колено пшован. Они получили свое имя, вероятно, от селения Пшов, на месте нынешнего Мельника. Отсюда происходила св. Людмила, супруга князя Борживоя. Хотя у Козьмы отец ее, Славибор, не назван именем *dux*, какое дается, например, Властиславу, но, по всей вероятности, он был коленным князем пшован.

главах первой книги его хроники.

¹³⁴ Перечисление их, вместо нормального порядка от запада к востоку, идет обратно: восточные дечане упомянуты ранее, западные лемучи позднее, совершенно без нужды упомянуты лютомеричи, жившие не на границах: «*Termini antem eius occidentalem versus hii sunt... daciane, lutomerici, lemuzi usque ad mediam silvam qua Bohemia limitatur*».

Хорваты, разделенные на две жупы¹³⁵, колено, занимавшее весьма широкое пространство, начиная от соседства с лемучами до границ моравских. Драгомира по умерщвлению св. Вячеслава ищет убежища у хорватов. В X веке был здесь удельным князем Болеслав, брат св. Вячеслава, построивший город на Лабее, названный по его имени Болеславлем. Хорватами владел дом Славниковцев, княжеский стол которых был в Любиче. Это был один из самых сильных княжеских родов, под властью которого находилась большая часть земли чешской. Другой правящий род у хорватов был род Доброславичей, живший в нынешнем Градце. Любимыми именами в этом роде были Лютобор и Ратибор, два имени, встречающиеся в Зеленогорской рукописи: «Ратибор от гор Кроконошей и Лютобор с Доброславска холмца». Важные города колена хорватов: Любича, где был стол князей любичских; Доброславский Холмец, нынешний Королевский Градец; Житомерь, где был Радслав Злицкий, потерявший независимость при Вячеславе. С течением времени дом Славниковцев из Любичи объединил под своей властью обширные области и несколько колен. Сила этого дома была настолько велика, что угрожала дому чешских князей Пржемысловцев в начале X века. Славниковцы обладали известной долей полноправности даже при таких сильных земских князьях,

---

¹³⁵ «Crovati et altera Chrovati» – в учредительной грамоте Пражской епископии. Они, вероятно, носили и другое имя, потому что папская грамота монастырю Св. Георгия упоминает вместо них «Moscropsi et alia Moscropsi...».

как Болеславы I и II; им подчинены были жупы, начиная от Средней Чехии, почти от самой Праги, к юго-востоку до границ моравских, к югу до ракузских границ, с включением жуп Дулебской и Нетолицкой¹³⁶.

В фульдских летописях под 845 и 857 гг. есть такие известия, из которых можно вывести, что, кроме сохранившихся в исторических памятниках названий разных чешских колен, было еще немало таких, память о которых совсем пропала. Это были колена, вероятно, еще до усиления дома Славниковцев потерявшие свою первоначальную независимость и подчиненные князьям чешским¹³⁷; ясное доказательство существования таких колен, впоследствии утративших свое имя, можно видеть в дулебах. У Козьмы они упоминаются уже совершенно особо, без разделения их на жупы, чего нужно было бы ожидать по аналогии с другими коленами. Может быть, что жупан Висрах был собственно князем дулебов, ес-

---

¹³⁶ Границы владений Славника см. у Козьмы, I. 27. Всего труднее в этом описании княжества Славника определить, конечно, западные границы. «Не будем далеки от правды, если примем, – говорит проф. Томек, – что жупа Камыцкая простиралась с давних пор от Влтавы до гор Брды. Эти горы отделяли, без сомнения, жупу Камыцкую на западе от Тетина, а река Мжа от жупы Пражской. Жупным городом в Камыцкой жупе во времена Славника был город на реке Осеке; речку Журину как западную границу владений можно искать между Камыцком и Тетином».

¹³⁷ Жупаны колен, соседивших с немцами, дружат с королем немецким, как это видно из крещения 14 жупанов чешских в Регенсбурге. Может быть, они хотели этим выиграть себе больше свободы, чем какой пользовались в зависимости от князя чешского; на то же соображение наводит и случай, рассказанный под 857 г.

ли жупу Виторажскую, где жил он и сыновья его, принять за часть области того колена, которое разделялось на жупы Виторажскую и Дулебскую... Юго-западная часть Чехии вообще сохранила весьма мало признаков, по которым бы можно было судить о коленном расположении здесь народа чешского – доказательство, что она ранее других частей подверглась влиянию князей земских, а потом Славниковцев.

На западе Чехии, по рекам Отаве и Радбузе, в нынешних округах Прахенском и Пльзенском, сидело тоже особое колено, весьма рано утратившее свою самостоятельность. Указание на него встречается в Зеленогорской рукописи; тут представители этого колена – Стяглав на Радбузе и Хрудош на Отаве – названы потомками Тетвы Попелова. Колено седличане, тоже весьма рано утратившее свое имя и независимость, упоминается в рукописи Зеленогорской, как имеющее собственного князя, «Радован от Камена-моста». Память о Радоване сохранялась долго в тех местах: в грамоте 1226 г. говорится о броне Радовановом и о мостище в болоте; около первой половины IX века седличане попали в зависимость к франкам.

История застаёт Чехию еще не успевшей объединиться под земскими князьями из рода Пржемысловцев. В иностранных современных летописях и князь пражский, и отдельные представители колен называются часто одинаковыми титулами: *dux regulus*. Общинная самостоятельность, много уже утратившая, продолжала, однако, обнаруживать-

ся и в IX веке, то в самовольном уклонении коленных князей под власть соседей-немцев, то в наследственности княжеского достоинства у такого колена или жупы, которая стояла уже под верховной зависимостью земского князя. Многими отдельными частями земли чешские князья управляли еще посредственно, через коленных князей. Чехия была разделена на многие области, по соответствию с древним расположением колен, каждая из этих областей имела своего представителя в лице старшины, который у иностранцев и носил титул *dux*. Власть коленных старшин была иногда наследственна, как то видно на примере жупы Виторажской и дома Славниковцев. Но уже стремление их с помощью немцев улучшить свое положение в союзе с ними, а иногда и в подчинении добиться больших прав, чем те, которыми они пользовались от чешского князя, показывает существование над ними довольно сильного гнета со стороны земского князя. Следовательно, в IX веке внутренняя история Чехии, с одной стороны, представляет усилия земских князей распространить непосредственную власть свою на все области страны, с другой – стремление отдельных частей сохранить свою особость и права на самоуправление. Из столкновения этих противоположных сил внешняя история Чехии IX, а частью и X веков получает тот своеобразный и довольно неопределенный характер, какой сохранили и передали иностранные летописи.

Каждое колено было разделено на несколько жуп, имев-

ших своих жупных старшин. Если князья стремились к самоуправлению, то и жупы, как корпорации, хотя и слабейшие сравнительно с коленными, но имеющие также свое управление и своего старшину, могли желать возможно меньшей зависимости от коленных князей. При широком жупном делении Чехия могла бы раздробиться на бесконечно малые части, если бы не сдерживала их власть коленных князей. Последние, по своей воле, назначали и отменяли жупных старшин, как своих чиновников; к этому же сводятся и усилия чешских земских князей этого периода, т. е. к тому, чтобы заменить коленных старшин своими чиновниками, посредственное управление землей сделать непосредственным. Но что и жупанам удавалось иногда закрепить за своим родом жупанство и потом стать во враждебные отношения к коленным князьям, показывает случай, упоминаемый в фульдских летописях под 845 г. Четырнадцать жупанов или старшин (duces), крестившихся при регенсбургском дворе, не могли быть князьями отдельных колен. Если бы это были коленные князья, их крещение не осталось бы в такой мере бесследным и малозначащим для христианства в Чехии, как это случилось с крещением четырнадцати старшин. Надо думать, что это были мелкие владельцы частей колена, жуп, и пример их несколько не влиял на христианское просвещение целой страны. Властислав, князь лучанский, и Славники, без сомнения, имели в своем княжестве неограниченную власть над жупанами, ставили и сменяли их по своей воле, сдержи-

вая стремление жуп расползтись в разные стороны. В более широком смысле то же делали князья дома Пржемысловцев: непосредственно управляли они чехами и другими, с течением времени, примыкавшими к ним коленами, и посредственно управляли многими коленами, имевшими еще своих старшин (князей).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.